

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка»)

Выходит три раза в год

1

2023

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ЗАПРУДСКИЙ С. Н.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Ответственный
секретарь** **ЕФИМОВА Н. В.** – кандидат филологических наук; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Аллинэль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Бутырчик А. М. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Важник С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Волюнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Даниленко А. Университет Пейс, Нью-Йорк, США.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лукашанец А. А. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Ровдо И. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Савич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хенцшель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

- Галоўны рэдактар** ЗАПРУДСКІ С. М. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com
- Намеснікі галоўнага рэдактара** ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by
- Адказны сакратар** ЯФІМАВА Н. В. – кандыдат філалагічных навук; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com
- Алінэль К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
- Бутырчык Г. М.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Важнік С. А.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Валодзіна Т. В.* Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Валочка Г. М.* Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
- Валынец Т. М.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Ваявода А. У.* Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
- Генчэль Г.* Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
- Гладкава Г.* Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
- Даніленка А.* Універсітэт Пэйс, Нью-Ёрк, ЗША.
- Дубінка С. А.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Золтан А.* Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
- Колер Г.-Б.* Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
- Крэчмер А.* Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
- Лукашанец А. А.* Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Мячкоўская Н. Б.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Паплаўская Т. В.* Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Роўда І. С.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Савіч М.* Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
- Старычонак В. Д.* Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
- Тараненка А. А.* Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
- Хаўстовіч М. В.* Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
- Цзян Цюнь* Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **ZAPRUDSKI S. M.**, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Deputy editors-in-chief **GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y.**, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: goncharova_s@tut.by
PRYHODZICH M. R., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: mik197@tut.by

Executive secretary **JAFIMAVA N. V.**, PhD (philology); associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Allignol C.* Stendhal University Grenoble 3, Grenoble, France.
Butyrchik G. M. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danylenko A. Pace University, New York, USA.
Dubinko S. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gladkova H. Charles University, Prague, Czech.
Hentschel G. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Jiang Qun Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
Khaustovich M. V. University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Kohler G.-B. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Koval V. I. Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Kretschmer A. University of Vienna, Vienna, Austria.
Lukashanets A. A. Center for Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mechkovskaya N. B. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Poplavskaya T. V. Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
Rovdo I. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sajewicz M. Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
Starichenok V. D. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
Taranenko A. A. A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Valochka H. M. National Institute of Education, Minsk, Belarus.
Valodzina T. V. Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Vazhnik S. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Voevoda E. V. Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
Volynets T. M. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zoltan A. Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 82.09

ВОПЛОЩЕНИЕ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ 1920–30-х гг.

З. И. ТРЕТЬЯК¹⁾

¹⁾Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк, Беларусь

Предлагается новый подход к осмыслению белорусской поэзии 1920–30-х гг., посвященной событиям Первой мировой войны. Опровергается стереотип о минимальном присутствии темы Первой мировой войны в белорусской литературе. Осуществляется современное прочтение корпуса стихотворений следующих отечественных авторов: Змитрока Бядули, Алеся Гаруна, Якуба Коласа, Янки Купалы, Янки Масленника, Язэпа Пущи, Язэпа Шпета и др. На основе богатого фактического материала выделяются три ракурса в раскрытии этой темы (художественное изображение фронта, художественное изображение беженства, художественное изображение тыла). Формулируется идея о комплементарности разных художественных форм тех произведений белорусской литературы, в которых воплощаются события 1914–1918 гг. Подтверждается антивоенный пафос белорусской поэзии о Первой мировой войне. Рассматриваются основные подходы к ее интерпретации в отечественном литературоведении 1920–30-х гг. и рубежа XX–XXI вв.

Ключевые слова: белорусская литература; Первая мировая война; комплементарность; антивоенная поэзия; тематическое разнообразие; фронт; тыл; беженцы.

Образец цитирования:

Трацяк ЗІ. Увасабленне падзей Першай сусветнай вайны ў беларускай паэзіі 1920–30-х гг. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2023;1:5–12.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-5-12>

For citation:

Tratsiak ZI. The embodiment of the World War I events in Belarusian poetry of the 1920–30s. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;1:5–12. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-5-12>

Автор:

Зоя Ивановна Третьяк – доктор филологических наук, доцент; доцент кафедры мировой литературы и иностранных языков гуманитарного факультета.

Author:

Zoya I. Tratsiak, doctor of science (philology), docent; associate professor at the department of world literature and foreign languages, faculty of humanities.
zoya.tretyak@rambler.ru

УВАСАБЛЕННЕ ПАДЗЕЙ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ ПАЭЗІІ 1920–30-х гг.

З. І. ТРАЦЦЯК^{1*}

^{1*} *Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай,
вул. Блахіна, 29, 211440, г. Наваполацк, Беларусь*

Прапаноўваецца новы падыход да асэнсавання беларускай паэзіі 1920–30-х гг., прысвечанай падзеям Першай сусветнай вайны. Абвясняецца стэрэатып пра мінімальную прысутнасць тэмы Першай сусветнай вайны ў беларускай літаратуры. Ажыццяўляецца сучаснае прачытанне корпуса вершаў наступных айчынных аўтараў: Змітрака Бядулі, Алеся Гаруна, Якуба Коласа, Янкі Купалы, Янкі Масленніка, Язэпа Пушчы, Язэпа Шпета і інш. На аснове багатага фактычнага матэрыялу вылучаюцца тры ракурсы ў раскрыцці гэтай тэмы (мастацкае адлюстраванне фронту, мастацкае адлюстраванне бежанства, мастацкае адлюстраванне тылу). Фармулюецца ідэя аб камплементарнасці розных мастацкіх форм тых твораў беларускай літаратуры, у якіх увасоблены падзеі 1914–1918 гг. Пацвярджаецца антываенны пафас беларускай паэзіі пра Першую сусветную вайну. Разглядаюцца асноўныя падыходы да яе інтэрпрэтацыі ў айчыннай літаратуразнаўстве 1920–30-х гг. і мяжы XX–XXI стст.

Ключавыя словы: беларуская літаратура; Першая сусветная вайна; камплементарнасць; антываенная паэзія; тэматычная разнастайнасць; фронт; тыл; бежанцы.

THE EMBODIMENT OF THE WORLD WAR I EVENTS IN BELARUSIAN POETRY OF THE 1920–30s

Z. I. TRATSIAK^a

^a*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, 29 Blachina Street, Navapolack 211440, Belarus*

The article offers a new approach to the understanding of Belarusian poetry of the 1920–30s, dedicated to the World War I. The stereotype about the minimal presence of the World War I theme in Belarusian literature is refuted. A modern reading of the corpus of poems by native authors (Zmitrok Byadulya, Ales' Garun, Yakub Kolas, Yanka Kupala, Yanka Maslennik, Yazep Pushcha, Yazep Shpet, etc.) was carried out. Based on rich factual material, three perspectives in the embodiment of the mentioned above topic are distinguished (artistic image of the front, artistic image of the refugees, artistic image of the rear). The idea of complementarity of different genres of Belarusian literature, which embodied the events of 1914–1918, is proven. The antiwar pathos of Belarusian poetry about the World War I is confirmed. The main approaches to the interpretation of Belarusian poetry about the World War I in native literary studies of the 1920–30s and at the border of the 20th and 21st centuries are considered.

Keywords: Belarusian literature; the World War I; complementarity; antiwar poetry; thematic diversity; frontline, rear; refugees.

Уводзіны

Недастатковая ўвага беларускіх навукоўцаў папярэдніх часоў да ўвасаблення падзей 1914–1918 гг. у айчыннай паэзіі 1920–30-х гг. уплывае на глыбіню разумення асноўных тэндэнцый развіцця літаратурнага працэсу ўсяго XX ст. У сувязі з гэтым трывалы стэрэатып мінулых часоў пра адзінкавыя звароты беларускіх мастакоў слова да тэмы Першай сусветнай вайны падлягае скасаванню.

Матэрыялам даследавання сталі лірычныя творы Максіма Багдановіча «Як Базыль у паходзе канаў...», «Цёмнай ноччу лучына дагарала...», «Ой, грымні, труба, уранку, рана»; Пятруся Броўкі «1914»; Змітрака Бядулі «Мяцежнік», «Ад крыві чырвонай», «Не мы...», «І будзе на палях трывожная работа», «Браты», «Арліхі», «І сотнямі тысяч», «Юда жэніцца», «То не хаты, а курганы...», «Шатан смерці», «Сухавей», «Ты слязамі і крыжамі...», «У зімовую ноч», «Вайна», «Волат», «Балада», «Брат з сястрой»; Цішкі Гартнага «Уцекачы»; Алеся Гаруна «Праводзіны», «На варце», «У чужыне», «Чалавечая кроў», «Трэны», «Паходная»; Ігната Дварчаніна «У часы вайны»; Янкі Журбы «У час вайны»; Якуба Коласа «Вецер», «Божы мой! Калі паўстане...», «Я стаю на мяжы», «Новаму 1915 году», «Думкі салдата», «На рэчцы», «На лузе», «На чужыне», «Поле», «Ворагам», «На шляхах волі», «Неўспагаднасць»; Янкі Купалы «Пра-

явы», «Сярод раз'юшаных сатрапаў...», «Песні вайны», «1914-ты», «Крыўда», «Груганы», «Новаму 1915 году», «Вясна 1915-ая», «Паязджане»; Алеся Куляшова «Крыўда»; Леапольда Радзевіча (Л. Р.) «Жальба», Янкі Масленніка «Сумна завывае»; Альберта Паўловіча «Нейтралітэт»; Язэпа Пушчы «Песня вайны», «Цень Консула» (фрагменты з паэмы); Алеся Смаленца «Будка № 175», «На форце», «Зрання ў акопах», «На старой дзялянцы»; Юрыя Хрышчановіча «Бежанец»; Іллі Чаляеўскага «Слёзы матак»; Хведара Чарнышэвіча «Зіма на вайне»; Язэпа Шпэта «Вайна»; Пятра Яленскага «З Новым годам». Спарадычна на старонках перыядычнага друку з'яўлялася рускамоўная лірыка пра Першую сусветную вайну накшталт вершаў Л. Бадуновай «Б'лоруссія» (Беларуская рада. 1917. № 5), А. Вазілы «Война народоў» (Чырвоны шлях. 1918. № 1–2), «И будемъ мы вѣрить...» (Чырвоны шлях. 1918. № 3–4).

Сукупнасць вершаў айчынных мастакоў слова ўражае разнастайнасцю тэматыкі, прыёмаў увасаблення крызісных з'яў, асаблівасцямі пераасэнсавання фальклорных вобразаў, спецыфікай эксперыментаў з формай твора. Названыя якасці сведчаць пра тое, што тэма Першай сусветнай вайны глыбока адлюстравана ў беларускай літаратуры. З улікам таго што гэта тэма прысутнічае ў нацыянальнай прозе, публіцыстыцы і драматургіі першай трэці ХХ ст. (у творах Змітрака Бядулі, Якуба Коласа, Максіма Гарэцкага, Максіма Зарэцкага, Кузьмы Чорнага і інш.), варта гаварыць пра камплементарнае (узаемадапаўняльнае) адлюстраванне сусветнай ваеннай катастрофы беларускімі пісьменнікамі. Трэба адзначыць, што прыведзены пералік лірычных твораў не з'яўляецца вычарпальным, бо мастацкія тэксты, якія прысвечаны падзеям Першай сусветнай вайны ці тэматычна звязаны з ёй, яшчэ застаюцца раскіданымі па розных крыніцах (малатыражныя выданні, перыёдыка 1920–30-х гг., архіўныя матэрыялы).

Вынікі і іх абмеркаванне

Пачатак навуковага асэнсавання беларускай паэзіі, прысвечанай падзеям 1914–1918 гг., быў закладзены ў 1920-я гг. У гэты час сфарміраваўся трывалы стэрэатып мінулых часоў пра адзінкавыя звароты айчынных мастакоў слова да тэмы Першай сусветнай вайны. Тагачасныя крытыкі пастуліравалі: «Калі ў сусветнай літаратуры мы маем цэлы шэраг “чалавечых дакументаў” аб імперыялістычнай вайне, як “Агонь” А. Барбюса, “Чалавек добры” Франка, “Трыумфальное шествие” Смоліна, “Народ на вайне” Федарчэнка і шмат іншых, то ў беларускай літаратуры пакуль такіх твораў ня было»¹ [1, с. 104]. Выключэнне рабілася для кнігі М. Гарэцкага «На імперыялістычнай вайне. Запіскі салдата 2-й батарэі N-скай артылерыйскай брыгады Лявона Задумы» (далей – «На імперыялістычнай вайне...»), што ў 1920-я гг. успрымалася, бадай, як адзіны значны праявіны твор пра Першую сусветную вайну. У прыватнасці, у рэцэнзіі на гэта выданне К. Гарабуда заўважыў: «Запіскі... ставяць у цікавай, новай для беларускай літаратуры форме (дзеньнік) перад чытачом пачатак старой вайны» [2, с. 178]. Ужо ў 1920-я гг. айчынныя літаратуразнаўцы не толькі спрабавалі ахарактарызаваць ідэйна-тэматычныя ўласцівасці творчасці М. Гарэцкага, але і імкнуліся суаднесці тэксты пісьменніка і прадстаўнікоў пэўнай мастацкай плыні. У адпаведнасці з ідэалагічнымі павесамі часу на першым плане знаходзіўся рэалістычны складнік: «Запіскі-ж “На імперыялістычнай вайне”... кладуць пачатак сур'ёзным формам беларускай прозы рэальнага кірунку» [3, с. 210].

Асобныя назіранні за беларускай літаратурай пра Першую сусветную вайну зрабіў Л. Клейнборт. Аналізуючы, напрыклад, кнігу М. Гарэцкага «На імперыялістычнай вайне...», крытык адзначыў: «Аўтарамі аналагічных твораў... з'яўляліся асобы з прывеліяваных колаў. <...> З запісак Гарэцкага мы ўпершыню складаем сабе ўражанне пра тое, як адбілася вайна ў душы сялянскага інтэлігента» [4, с. 310]. Паэзія, прысвечаная падзеям 1914–1918 гг., разглядалася быццам бы між іншым. Так, Л. Клейнборт, гаворачы, напрыклад, пра творчасць Янкі Купалы, заўважыў: «Гады вайны, канешне ж, падрэзалі яму крылы. На самой справе, бо Беларусь, як і Польшча, перш за ўсё апынуліся пад абстрэлам Вільгельма. “О, год! такіх, як ты, час рэдка родзіць. О, год! ты першы гэты з між гадоў”, – піша ён ужо пра 1914 г. <...> І паэт пагражае: “Та! Хай-жа льецца кроў, дымаць пажары, няхай пад крыжам плача сірата. Крыжавы бог крывава ахвяры сабраць павінен з сьвету да чыста”. Але вось на родную зямлю... ступіў нямецкі бот, і ён моўкне» [4, с. 203]. На думку крытыка, творчае ўваскрэсенне Янкі Купалы адбылося толькі падчас Кастрычніцкай рэвалюцыі.

З. Жылуновіч лапідарна прааналізаваў вершы Янкі Купалы «Праявы», «Сярод раз'юшаных сатрапаў», Змітрака Бядулі «Волат», Алеся Гаруна «Праводзіны». Ён заўважыў, што «фактычна беларускі Парнас быў замарожан страшнымі зьявамі вайны, і яго насельнікі адчувалі гэта цяжкае становішча яго – як крызіс, як заняпад» [5, с. 71]. У 1927 г. З. Жылуновіч зноў звярнуўся да асобных праблем айчыннай літаратуры пра Першую сусветную вайну, адзначыўшы адну з канцэптуальных рыс беларускага мастацкага слова – адсутнасць у ім ідэйна-апалагічнай вайны, характэрных для асобных рускіх аўтараў. Акрамя таго,

¹Тут і далей цытаты прыводзяцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала.

навуковец пералічыў найбольш яскравыя, на яго думку, паэтычныя творы і зборнікі, у якіх рэалізавана гэта тэматыка (зборнікі Янкі Купалы «Спадчына», Алесь Гаруна «Матчын дар», Алесь Гурло «Барвінак», верш Цішкі Гартнага «Уцекачы») [6, с. 197].

У Дзяржынскі таксама звяртаўся да твораў, прысвечаных падзеям Першай сусветнай вайны. Увагу даследчыка прыцягнулі вершы Змітрака Бядулі. Аналізуючы іх, У. Дзяржынскі адзначыў: «І ўсё жудасна гэтае вайны нідзе ў беларускім пісьменстве ня выстаўлены так яскрава, не пракляты з такім запалам, як у Б.-Я. (Бядулі – Ясакара. – З. Т.)» [7, с. 168].

Традыцыя згадвання паэтычнай ці праявічнай спадчыны, прысвечанай падзеям Першай сусветнай вайны, з прывязкай да іншых кантэкстаў захавалася і ў канцы ХХ ст. Так, В. Каваленка заўважыў: «Жахі імперыялістычнай вайны, закрышчэ “Нашай нівы” ў сувязі з набліжэннем фронту, вымушаны ад’езд з Вільні – усё гэта адмоўна паўплывала на светаадчуванне пісьменніка (Змітрака Бядулі. – З. Т.). У яго творах, асабліва ў вершах, узмацняюцца матывы адчаю, усё часцей з’яўляюцца вобразы апакаліпсічнага руйнавання» [8, с. 13–14]. Між тым І. Навуменка адзначыў агульны пафас паэтычнай творчасці Янкі Купалы: «Паэт стварае поўныя крайняга песімізму і смутку “Песні вайны”, вершы “1914”, “Вясна 1915”, затым надоўга, на цэлыя два гады, ледзь не цалкам змаўкае» [9, с. 155]. Такім чынам, разглядаючы творчасць Змітрака Бядулі і Янкі Купалы часоў Першай сусветнай вайны, навукоўцы вылучылі асобныя канцэптуальныя характарыстыкі (накшталт распацоўкі матыву адчаю, пафасу адмаўлення вайны), але дэталёвага аналізу менавіта гэтага матэрыялу не прапанавалі.

Вяртаючыся да сітуацыі 1920–30-х гг., трэба яшчэ раз адзначыць, што аўтары і, адпаведна, літаратуразнаўцы, якія ацэньвалі літаратуру свайго часу, часцей за ўсё звярталіся да тэмы Першай сусветнай вайны, калі ўвасабленне падзей 1914–1918 гг. дапамагала ў вырашэнні задач «умацавання класавай свядомасці», «палітычнай падрыхтоўкі», «пераробкі чалавека, выпрацоўкі сацыялістычнага тыпа чалавека» [10, с. 6–7]. У 1930-я гг. цікавасць літаратуразнаўцаў і крытыкаў да ўвасаблення падзей Першай сусветнай вайны паступова згасла.

На мяжы ХХ–ХХІ стст. айчыннымі літаратуразнаўцамі вылучылі канцэптуальна значныя рысы беларускай паэзіі, прысвечанай падзеям 1914–1918 гг. Паводле М. Тычыны, у вершаванай спадчыне Максіма Багдановіча і Янкі Купалы пра Першую сусветную вайну шырока выкарыстоўваюцца мастацкія сродкі, уласцівыя вуснай народнай творчасці (напрыклад, жанрам народных песень, дум і варожбаў) [11]. Стваральнікі праекта «Першая сусветная вайна ў беларускай літаратуры» на партале Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі таксама звярнулі ўвагу на фальклорны складнік у вершах Янкі Купалы: паэт увасобіў вайну ў «традыцыйных фальклорных вобразах вогнішча, буры, грому, завірухі, пажараў, праз форму народнага хаўтурнага галашэння маці-ўдавы і карціну пабоішча-жніва, якая яўна пераклікаецца з адпаведным малюнкам “Слова пра паход Ігаравы”»².

А. Макмілін, параўноўваючы вершы Змітрака Бядулі, Алесь Гаруна, Янкі Купалы, Якуба Коласа і англійскіх акупных паэтаў Руперта Брука, Зігфрыда Ларэйна Сасуна, Айзека Розенберга, Уілфрэда Оўэна, Эдварда Томаса, таксама падкрэсліў багатую фальклорную глебу, на якой узраслі творы беларускіх мастакоў слова [12]. Гэты факт навуковец патлумачыў цеснай сувяззю айчынных аўтараў з народнай стыхіяй, роднай і зразумелай для іх. Традыцыя звароту да фальклорных вобразаў захавалася і ў часы Вялікай Айчыннай вайны. Напрыклад, Г. Тычко пісала пра пазнейшую спадчыну Янкі Купалы так: «Усе гэтыя фальклорна-народныя вобразы, што суадносяцца з дзеяннямі чорных сілаў – рознай нечысці: вампіраў, відмаў, Чорных, – у 1941 годзе ў вершы “Беларускім партызанам” амаль даслоўна пераходзяць у арсенал партызанаў – беларускіх сыноў» [13, с. 120].

Трэба звярнуць увагу на яшчэ адну рысу, якая яднае вусную народную творчасць і паэзію, прысвечаную падзеям Першай сусветнай вайны. Пішучы пра салдацкія і рэкруцкія песні, Г. Пятроўская адзначыла, што «...у кожнай асобнай песні вобраз галоўнага героя – салдата раскрываецца не поўна, не ўсебакова. З дастатковай паўнатай яны абмалёўваюцца толькі ў шэрагу народных песень» [14, с. 360]. Калі правесці паралелі з беларускай паэзіяй, то не толькі вобраз лірычнага героя, але і іншыя адмысловыя вобразы вайны паўстаюць ва ўсёй сукупнасці лірычных, эпічных, драматургічных твораў пэўнага аўтара (напрыклад, у Якуба Коласа ёсць вершы «Думкі салдата», «На рэчцы», «На лузе», «На чужыне», ліра-эпічная паэма «На шляхах волі», драма «Вайна вайне», апавяданні «На жалезнай дарозе», «Балаховец», артыкул «З румынскага фронту») у прыватнасці ці ў кантэксце нацыянальнай літаратуры 1920–30-х гг. (шырэй – ХХ ст.) пра Першую сусветную вайну ўвогуле. У такім выпадку размову трэба весці пра камплементарнасць твораў, прысвечаных падзеям 1914–1918 гг. Тэрмін «камплементарнасць» ужываецца

²Першая сусветная вайна ў беларускай літаратуры [Электронны рэсурс]. URL: <https://www.nlb.by/by/infarmatsyynyya-resursy/elektronnyya-infarmatsyynyya-resursy/resursy-natsyyanalnay-bibliyateki-belarusi/virtualnyya-praekty-vysta-ki-i-kalektsyi/virtualnyya-praekty-bibliyateki/belarus-u-pershay-susvetnay/pershaya-susvetnaya-vayna-litaratury/pershaya-cusvetnaya-vayna-belaruskay-litaratury> (дата звароту: 11.10.2022).

тут не ў значэнні сумы нейкіх адасобленых складнікаў, якія мала карэліруюць, а ў значэнні такога ўзаемадапаўнення частак, якія далучаюцца да цэлага, але пры гэтым застаюцца самі сабой і па-рознаму ўзбагачаюць тое цэлае. Такім чынам, беларускія мастацкія слова ствараюць глабальны вобраз сусветнай вайны. Выразна камплементарнасць выяўляецца, напрыклад, у творчасці Змітрака Бядулі, які працаваў у розных літаратурных родах і жанрах (вершы «Мяцежнік», «Ад крыві чырвонай», «Не мы...», «І будзе на палях трывожная работа», «Браты», «Арліхі», апавяданні «Туга старога Міхайлы», «На сёмуху», «З дарогі», аповесць «Набліжэнне», эсэ «Брацкія магілы», «Крыжы», «Галгофа», нарыс «Прыфрантавы рубеж на Беларусі (нататкі і ўражанні)»). Важна і тое, што айчынная паэзія пра Першую сусветную вайну пацвярджае сваё ўнікальнае гучанне менавіта дзякуючы больш шырокаму кантэксту беларускай прозы і драматургіі на тую ж тэматыку (кнігі Алеся Гародні, Максіма Гарэцкага, Максіма Зарэцкага, Кандрата Крапівы, Міхася Лынькова, Яна Скрыгана, Кузьмы Чорнага і інш.).

Разважаючы пра рысы сімвалізму, якія адлюстраваліся ў паэзіі Максіма Багдановіча і Янкі Купалы часоў Першай сусветнай вайны, П. Васючэнка падкрэсліў, што «беларускі літаратурны сімвалізм выявіў такую сваю якасць, як рэактыўнасць, гэта значыць, здольнасць уваходзіць у сінтэз з іншымі стылямі, такімі як жорсткі рэалізм, экзістэнцыялізм» [15, с. 80–81]. Паралельна навуковец адзначаў, што «дэфармацыі грамадскага жыцця, звязаныя з вайной, абумоўліваюць зварот... да нерэалістычных спосабаў творчасці» [15, с. 77].

Паводле І. Баўтрэль, перыяд Першай сусветнай вайны – час станаўлення беларускай санетыстыкі. У якасці адмысловай нізкі санетаў даследчык разгледзеў цыкл Янкі Купалы «Песні вайны», які складаецца з вершаў «Варожбы», «Перад бурай», «Склік», «Разлука», «Засталіся нівы, сёлы», «Пабоішча». Да рыс, уласцівых гэтаму цыклу, навуковец аднесла філасафізм, надзвычайную напружанасць паэтычнай думкі, вольнасць у адносінах да формы санета. Што тычыцца менавіта ўвасаблення сусветнай катастрофы, то «малюнкаў вайны, апісання падзей тут... не знойдзем: у санетах па-мастацку даследуецца ў першую чаргу быццёвы характар з'явы, яе ўплыў на будучыню краіны» [16, с. 115].

Багатая паэтычная спадчына 1920–30-х гг. дазваляе гаварыць аб тым, што айчыныя аўтары, спрабуючы ўвасобіць падзеі Першай сусветнай вайны, рухаліся ў некалькіх ідэйна-тэматычных і фармальна-змастоўных кірунках. Яны сыходзіліся ў наступным меркаванні: *Сорам і ганьба для сьвету вайна, / Як ні мяркуй, ні судзі; / З Боскіх законаў сьмяецца яна...* [17, с. 3]. Так, у філасофска-алегарычным рэчышчы, у якім адчуваецца моцны фальклорны пачатак, працавалі Змітрок Бядуля («Ад крыві чырвонай», «Балада», «І будзе на палях трывожная работа», «Сухавей»), Алесь Гарун («Чалавечая кроў»), Якуб Колас («Неўспагаднасць»), Янка Купала («Песні вайны»). Гэтыя вершы дапаўняюць і пашыраюць набыткі айчынай прозы (філасофска-алегарычныя абразкі Максіма Гарэцкага «Фантазія», Зоські Верас «З'ява», Вацлава Ластоўскага «Вечны пакой»). Больш побытава прыземлена гучаць вершы Алеся Смаленца і Ігната Дварчаніна: увасабленыя надзвычай дакладна вобразы прадстаўляюць унікальны малюнак эпохі татальнага вынішчэння. Гумарыстычныя ноткі гучаць у вершы Альберта Паўловіча «Нейтралітэт». У фармальным плане цікавасць выклікаюць вершы ў прозе Змітрака Бядулі «Браты», Юрыя Хрышчановіча «Бежанец», Язэпа Шпэта «Вайна» і ліра-эпічная паэма Якуба Коласа «На шляхах волі». Асобным жанрам айчынай паэзіі пра Першую сусветную вайну з'яўляецца прысвечэнне пэўнаму году вайны (вершы Якуба Коласа «Новаму 1915 году», «Хто нам скажа, хто згадае», «Я стаю на мяжы», Янкі Купалы «1914-ты», «Новаму 1915 году», Пятра Яленскага «З Новым годам»). Тут глыбока аналізуецца ўплыў катастрофічных ваенных падзей на беларусаў і выказваецца наступнае пажаданне: *Хай не паходзіць Новы год на стары. / Не ліецца хай людзкая кроў* [18, с. 2]. Празаічным аналагам гэтага паэтычнага жанру з'яўляецца абразок Змітрака Бядулі «Спатканне».

Якуб Колас у ліра-эпічнай паэме «На шляхах волі», Язэп Пушча ў паэме «Песня вайны» і Янка Купала ў цыкле «Песні вайны» здзейснілі комплексны аналіз падзей Першай сусветнай вайны. Тылавыя і франтавыя малюнкi спалучаюцца ў паэме Петруся Броўкі «1914». Да тылавой паэзіі адносяцца вершы Максіма Багдановіча «Цёмнай ноччу лучына дагарала...», Алеся Гаруна «Праводзіны», Ігната Дварчаніна «У часы вайны», Якуба Коласа «Поле», Янкі Купалы «Вясна 1915-я», Янкі Масленніка «Сумна завывае». Паэты недвухсэнсоўна імкнуліся расказаць наступнае: *Што вайна зрабіла, / З нашым краем гаратлівым / Што з ім учыніла* [19, с. 1]. Айчыныя творцы слухна заўважалі: *Там, дзе жыў народ ішчасліва, / Сёлы і мястэчкі / Цвілі цветам, красавалі – / Там... крыві там рэчкі. / Там, дзе нівы збожжа, жыта / Душачку ласкалі – / Там пустэльні, розны быльнік / Там равы паусталі* [20, с. 1]. Асабліва ўвага надавалася адлюстраванню жыццёвага кругабегу пасля мабілізацыі, побытавым праблемам: *Пад крывой сахой / Затупелі ногі, / Камянямі ляглі / Па інурах дзірваны. / Бабы енчылі полем / І прасілі у бога / Сканчэння вайны* [21, с. 19]. Айчыныя паэты, знаходзячыся ў тыле, спрабавалі пісаць пра падзеі на фронце з адсылкамі да традыцыйных вобразаў: *Вінтоўка – дзяўчына, / Штых жалезны – друг, / Аконы – хаціна, / А гарматы – плуг...* [20, с. 3]. Да канцэптуальна значнага для беларускай ваеннай

літаратуры матыву вайны-працы звярнуўся Янка Масленнік: *Пакос за пакосам, / Як жытні снапочкі, / Проста і укосам / Ложацца браточкі* [20, с. 3].

Франтавая паэзія прадстаўлена вершамі Змітрака Бядулі «Браты», Алеся Гаруна «На варце», Якуба Коласа «Неўспагаднасць», Алеся Смаленца «Будка № 175», «На форце», «Зрання ў акопах», «На старой дзялянцы», Хведара Чарнышэвіча «Зіма на вайне». Перш за ўсё аўтары акрэслілі тыя наступствы вайны, якія ўражвалі і пасля непасрэднага заканчэння баявых дзеянняў. Так, у вершы «На старой дзялянцы» Алесь Смаленец піша: *Куды ні глянь – гарматаў, мінаў шмат, / Аконы, рэйкі ды пачураў лісьсёх брамы, / На батарэі два лафеты без гармат – / Нямыя сьведкі незабытай драмы. / Адвіснуў дрот. Асыпаўся акон* [22, с. 2]. У вершы «Неўспагаднасць» Якуб Колас падаў франтавую рэчаіснасць у больш абагульненым філасофскім рэчышчы: *Сьмерць вар’яцтва тут рабіла / Над людзьмі і над зямлёю. / Злых пачаткаў цьмішча-сіла / Перайшла на ёй з касою* [23, с. 91]. Увасабляючы поле бою ў паэме «Песні вайны», Янка Купала выбраў стратэгію хуткай змены ракурсаў з абмалёўкай натуралістычных дэталей. У раздзеле «Пабоішча» ён пісаў: *Стрэлы свішчуць, дыміць порах, / Збіўся ў кучу свой і вораг, / Юшка брызгае ў вочы, / Гэты стогне, той рагоча / Той зваліўся, топча той, – / Не глядзіць – свой ці не свой* [24, с. 217]. Сумныя вынікі франтавага быцця (шырэ – існавання падчас вайны) падводзіў Язэп Пушча: *Душу у трупярню нясуць. / – Не трэба яе чалавеку, / Павінен увесь азвярэць* [25, с. 161]. Аднак, нягледзячы на ўсе выпрабаванні, франтавік не страціў чалавечнасці, ён адчуваў спагаду да блізкіх і родных: *Тры месяцы з дому... Аконы, атакі, / Гарматы, гранаты і тысячы куль... / А як там у хаці мае небаракі, – / Ніякае весткі аттуль?* [26, с. 3].

Бежанскую паэзію прэзентуюць вершы Змітрака Бядулі «Ты слязамі і крыжамі...», Цішкі Гартнага «Уцекачы», Якуба Коласа «На чужыне», Янкі Купалы «Паязджане», Юрыя Хрышчанавіча «Бежанец». Бежанскі шлях у выгнанне адлюстраваны ў вершы Цішкі Гартнага «Уцекачы»: *На людзях адабіт дзікім выглядам страх / Крокам спугным, які у пуць няверны жане, / Кроу застыла с пяском на мазольных нагах / Адраньцвела істота у пякельным агне* [27, с. 2]. У вершы «На чужыне» Якуб Колас увасобіў пачуццё настальгіі і памкненне бежанца паяднацца з пакінутай радзімай: *Рвалась сэрца к родным гонем / Птушкай легкакрылай, / К светлым рэчкам, ціхім гоням / Белай Русі мілай* [28, с. 357].

Творы айчыннай паэзіі і прозы, прысвечаныя падзеям 1914–1918 гг., мелі антываенную скіраванасць. Змітрок Бядуля, Цішка Гартны, Алесь Гарун, Якуб Колас, Янка Купала спрабавалі зразумець наступнае: *За што лілася кроў людская? / За што гібеў і гінуў люд? / Гібеў набытак усяго краю, / І пакаленняў гінуў труд?* [29, с. 353].

Заклучэнне

У беларускай літаратуры тэма Першай сусветнай вайны, насуперак стэрэатыпу пра мінімальную колькасць твораў на гэту тэматыку, атрымала яскравую спецыфічную прэзентацыю. Беларуская паэзія пра Першую сусветную вайну з’яўляецца арганічнай часткай нацыянальнага мастацтва слова, якое ў розных формах увасабляла падзеі 1914–1918 гг. Узаемадзеянне твораў розных жанраў заснавана на прынцыпе камплементарнасці, рэалізаваным як на ўзроўні творчасці асобных мастакоў слова (Змітрок Бядуля, Якуб Колас), так і на ўзроўні ўсяго беларускага прыгожага пісьменства XX ст. Першымі крытыкамі на шляху асэнсавання айчыннай паэзіі, прысвечанай падзеям Першай сусветнай вайны, былі У. Дзяржынскі, З. Жылуновіч, Л. Клейнборт. У другой палове XX ст. да актуалізацыі беларускай паэзіі пра падзеі 1914–1918 гг. звярталіся І. Баўтрэль, П. Васючэнка, М. Тычына, А. Макмілін.

Асабліва ўвага беларускіх паэтаў да тэмы Першай сусветнай вайны прыпадае на 1920–30-я гг., калі суіснавалі тры ракурсы ў поглядах на тагачасныя падзеі: франтавая (вершы Змітрака Бядулі, Алеся Гаруна, Алеся Смаленца, Хведара Чарнышэвіча), бежанская (вершы Цішкі Гартнага, Янкі Купалы, Якуба Коласа, Юрыя Хрышчанавіча), тылавая (вершы Максіма Багдановіча, Ігната Дварчаніна, Янкі Масленніка) лірыка. Аўтараў яднае моцны антымілітарысцкі пафас. Найбольш шматбакова і цэласна (у параўнанні з творамі папличнікаў) падзеі 1914–1918 гг. увасоблены ў паэмах Якуба Коласа «На шляхах волі», Язэпа Пушчы «Песня вайны» і Янкі Купалы «Песні вайны».

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Аліг М. Гарэцкі. На імперыялістычнай вайне (запіскі) [рэцэнзія]. *Маладняк*. 1926;9:103–104.
2. Гарабуда К. М. Гарэцкі. На імперыялістычнай вайне (запіскі) [рэцэнзія]. *Польмя*. 1926;6:176–178.
3. Крывіч М. Наша проза за 1926 год. *Польмя*. 1927;4:202–211.
4. Клейнборт ЛН. *Молодая Белоруссия: очерк современной белорусской литературы (1905–1928 гг.)*. Минск: Белорусское государственное издательство; 1928. 508 с.
5. Жылуновіч З. Беларускі Парнас у новай вопратцы (абегла-крытычны нарыс). *Польмя*. 1923;2:68–85.

6. Жылуновіч З. Беларуская літаратура і 10 год Кастрычнікавае рэвалюцыі. *Полымя*. 1927;7:196–206.
7. Дзяржынскі У. Беларуская літаратурная сучаснасць (1920–1925 гг.): зарысы і нататкі. *Полымя*. 1925;2:160–187.
8. Каваленка В. Шчасце – служыць народу. У: Бядуля З. *Збор твораў. Том 1. Вершы, паэмы*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1985. с. 6–19.
9. Навуменка І. Янка Купала. У: *Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя. Том 1. 1901–1920*. Мінск: Беларуская навука; 1999. с. 121–175.
10. Смирнов А. За боевую оборонную літаратуру. В: Головач ПР, редактор. *Бойцы: альманах*. Мінск: Выдавецтва Беларускай ваеннай акругі; 1935. с. 5–15.
11. Тычына МА. Народ і вайна: аблічча Першай сусветнай вайны ў беларускай літаратуры. У: Гаранін СЛ, укладальнік. *Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 7–8 кастрычніка 2014 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Права і эканоміка; 2014. с. 39–46.
12. McMillin A. World War I in the Belarusian and English poetry: comparison. У: Гаранін СЛ, укладальнік. *Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 7–8 кастрычніка 2014 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Права і эканоміка; 2014. с. 32–37.
13. Тычко ГК. *Творчасць Янкі Купалы і традыцыі духоўнай рэгіянальнасці ў польскай літаратуры XIX – пачатку XX стагоддзяў*. Лойка АА, рэдактар. Мінск: Тэхнапрынт; 2001. 144 с.
14. Пятроўская ГА. Чумацкія песні. У: Гурскі АІ, Пятроўская ГА, Салавей ЛМ. *Пазаабрадавая паэзія*. Мінск: Беларуская навука; 2002. с. 264–301.
15. Васючэнка ПВ. Першая сусветная вайна і беларускі літаратурны сімвалізм. У: Гаранін СЛ, укладальнік. *Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 7–8 кастрычніка 2014 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Права і эканоміка; 2014. с. 77–81.
16. Баўтрэль ІГ. Шляхі паэтычнага асэнсавання трагедыі Першай сусветнай вайны ў кантэксце нацыянальнай санетыстыкі. У: Гаранін СЛ, укладальнік. *Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 7–8 кастрычніка 2014 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Права і эканоміка; 2014. с. 112–116.
17. Гарун А. Праводзіны. *Наша ніва*. 1914;37:3.
18. Беларус П. З Новым годам. *Наша ніва*. 1915;1:2.
19. Дварчанін І. У часы вайны. *Беларуская рада*. 1917;9:1.
20. Масленнік Я. Сумна завывае. *Наша ніва*. 1915;18:3.
21. Броўка П. *Збор твораў. Том 2. Паэмы*. Мінск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва; 1957. 1914; с. 9–25.
22. Смаленец А. На старой дзялянцы. *Беларускія ведамасці*. 1921;3:2.
23. Колас Я. *Водгулле*. Мінск: Адраджэнне; 1922. Неўспагаднасць; с. 91.
24. Купала Я. *Збор твораў. Том 3. Вершы, пераклады*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1997. Песні вайны; с. 210–218.
25. Пушча Я. *Збор твораў. Том 1. Вершы, паэмы, артыкулы. 1922–1930*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1993. Песня вайны; с. 160–201.
26. Гарун А. На варці. *Наша ніва*. 1915;21:3.
27. Гартны Ц. Уцякачы. *Дзянніца*. 1916;1:2–3.
28. Колас Я. *Збор твораў. Том 1. Вершы. 1898–1917*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1972. На чужыне; с. 357.
29. Колас Я. *Збор твораў. Том 1. Вершы. 1898–1917*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1972. Ворагам; с. 353.

References

1. Alig. [M. Garjecki. At the imperialistic war (notes)] [book review]. *Maladnjak*. 1926;9:103–104. Belarusian.
2. Garabuda K. [M. Garjecki. At the imperialistic war (notes)] [book review]. *Polymja*. 1926;6:176–178. Belarusian.
3. Kryvich M. [Our prose in 1926]. *Polymja*. 1927;4:202–211. Belarusian.
4. Kleinbort LN. *Molodaya Belorussiya: ocherk sovremennoi belorusskoi literatury (1905–1928 gg.)* [Young Belarus: essay on modern Belarusian literature (1905–1928)]. Minsk: Belorusskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo; 1928. 508 p. Russian.
5. Zhylunovich Z. [Belarusian Parnassus in new clothing (a brief critical essay)]. *Polymja*. 1923;2:68–85. Belarusian.
6. Zhylunovich Z. [Belarusian literature and the 10th year of the October revolution]. *Polymja*. 1927;7:196–206. Belarusian.
7. Dzjarzhynski U. [Modern Belarusian literature (1920–1925): outline and notes]. *Polymja*. 1925;2:160–187. Belarusian.
8. Kavalenka V. [Happiness – to serve the people]. In: Bjadulja Z. *Zbor tvoraw. Tom 1. Vershy, pajemy* [A collection of works. Volume 1. Poems]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1985. p. 6–19. Belarusian.
9. Navumenka I. [Janka Kupala]. In: *Gistryja belaruskaj litaratury XX stagoddzja. Tom 1. 1901–1920* [History of Belarusian literature of 20th century. Volume 1. 1901–1920]. Minsk: Belaruskaja navuka; 1999. p. 121–175. Belarusian.
10. Smirnov A. [For combat defense literature]. In: Golovach PR, editor. *Boitsy: al'manakh* [Fighters: almanac]. Minsk: Vydavectva Belaruskaj vaennaj akругi; 1935. p. 5–15. Russian.
11. Tychyna MA. [People and war: the face of the World War I in Belarusian literature]. In: Garanin SL, compiler. *Pershaja susvetnaja vajna w narodnaj pamjaci i mastackim adljustravanni. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 7–8 kastrychnika 2014 g.; Minsk, Belarus* [The World War I in folk memory and artistic representation. Proceedings of the International scientific conference; 2014 October 7–8; Minsk, Belarus]. Minsk: Prava i jekanomika; 2014. p. 39–46. Belarusian.
12. McMillin A. World War I in the Belarusian and English poetry: comparison. In: Garanin SL, compiler. *Pershaja susvetnaja vajna w narodnaj pamjaci i mastackim adljustravanni. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 7–8 kastrychnika 2014 g.; Minsk, Belarus* [The World War I in folk memory and artistic representation. Proceedings of the International scientific conference; 2014 October 7–8; Minsk, Belarus]. Minsk: Prava i jekanomika; 2014. p. 32–37.
13. Tychko GK. *Tvorchasc' Janki Kupaly i tradycyi duhownaj rjegijanal'nasci w pol'skaj litaratury XIX – pachatku XX stagoddzjaw* [Janka Kupala's work and the traditions of spiritual regionalism in Polish literature of the 19th and early 20th centuries]. Lojka AA, editor. Minsk: Tjehnaprynt; 2001. 144 p. Belarusian.
14. Pjatrowskaja GA. [Chumatsky's songs]. In: Gurski AI, Pjatrowskaja GA, Salavej LM. *Pazaabradavaja pajezija* [Extra-ritual poetry]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2002. p. 264–301. Belarusian.

15. Vasjuchjenka PV. [The World War I and Belarusian literary symbolism]. In: Garanin SL, compiler. *Pershaja susvetnaja vajna w narodnaj pamjaci i mastackim adljustravanni. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 7–8 kastrychnika 2014 g.; Minsk, Belarus* [The World War I in folk memory and artistic representation. Proceedings of the International scientific conference; 2014 October 7–8; Minsk, Belarus]. Minsk: Prava i jekanomika; 2014. p. 77–81. Belarusian.

16. Bawtrjel' IG. [Ways of poetic interpretation of the World War I tragedy of in the context of national sonnets]. In: Garanin SL, compiler. *Pershaja susvetnaja vajna w narodnaj pamjaci i mastackim adljustravanni. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 7–8 kastrychnika 2014 g.; Minsk, Belarus* [The World War I in folk memory and artistic representation. Proceedings of the International scientific conference; 2014 October 7–8; Minsk, Belarus]. Minsk: Prava i jekanomika; 2014. p. 112–116. Belarusian.

17. Garun A. [Seeing off]. *Nasha niva*. 1914;37:3. Belarusian.

18. Belarus P. [Happy New year]. *Nasha niva*. 1915;1:2. Belarusian.

19. Dvarchanin I. [During the war]. *Belaruskaja rada*. 1917;9:1. Belarusian.

20. Maslennik Ja. [Howling sadly]. *Nasha niva*. 1915;18:3. Belarusian.

21. Browka P. *Zbor tvoraw. Tom 2. Pajemy* [A collection of works. Volume 2. Poems]. Minsk: Belaruskaj dzjarzhawnae vydavectva; 1957. 1914; p. 9–25. Belarusian.

22. Smalenec A. [At the old plot]. *Belaruskija vedamasci*. 1921;3:2. Belarusian.

23. Kolas Ja. *Vodgulle* [Echo]. Minsk: Adradzhjenne; 1922. [Unresponsiveness]; p. 91. Belarusian.

24. Kupala Ja. *Zbor tvoraw. Tom 3. Vershy, peraklady* [A collection of works. Volume 3. Poems, translations]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1997. [Songs of war]; p. 210–218. Belarusian.

25. Pushcha Ja. *Zbor tvoraw. Tom 1. Vershy, pajemy, artykuly. 1922–1930* [A collection of works. Volume 1. Poems, essays]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1993. [The song of war]; p. 160–201. Belarusian.

26. Garun A. [On guard]. *Nasha niva*. 1915;21:3. Belarusian.

27. Gartny C. [Fugitives]. *Dzjannica*. 1916;1:2–3. Belarusian.

28. Kolas Ja. *Zbor tvoraw. Tom 1. Vershy. 1898–1917* [A collection of works. Volume 1. Poems. 1898–1917]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1972. [In the foreign land]; p. 357. Belarusian.

29. Kolas Ja. *Zbor tvoraw. Tom 1. Vershy. 1898–1917* [A collection of works. Volume 1. Poems. 1898–1917]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1972. [To the enemies]; p. 353. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 11.11.2022.

Received by editorial board 11.11.2022.

ИНКЛЮЗИЯ КАК СТРАТЕГИЯ АВТОРСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ М. К. ПАРХОЦ «АУТИЛИУС: СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ»)

Л. В. КАМЛЮК-ЯРОШЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется стратегия авторского дискурса в книге белорусской писательницы М. К. Пархоц «Аутилиус: сказки для детей и взрослых». Ставится вопрос об инклюзии как факторе художественности. Рассматриваются повествовательные механизмы, способствующие преодолению конфликтности оппозиций *свой – чужой*, *Я – Другой*, *норма – аномалия*, способы восполнения якобы неполноценного мира *Другого*, пути выстраивания понимающего и принимающего кругозора повествователя и вовлечения в него читателя. Констатируется, что книгу сказок М. К. Пархоц можно назвать инклюзивной не только потому, что в ней идет речь о героях с особенностями развития, но и потому, что инклюзивность становится основной стратегией повествования. В ходе повествования снимаются противоречия, связанные с эпистемической (*знания – незнания*), временной (*тогда – сейчас*), пространственной (*здесь – там*) модальностью, а также с модальностью нормы (*разрешено – запрещено*) и оценки (*позитивные – негативные*). Особая риторика позволяет автору мягко и корректно воспитать читателя так, чтобы он, отождествляя себя с повествователем и находясь в позиции понимающего и принимающего адресата, понял и принял *Другого* (чужого, странного) как себя.

Ключевые слова: инклюзия; авторский дискурс; точка зрения; повествователь; адресат.

ИНКЛЮЗИЯ ЯК СТРАТЭГІЯ АЎТАРСКАГА ДЫСКУРСУ (НА МАТЭРЫЯЛЕ КНІГІ М. К. ПАРХАЦ «АЎТЫЛІУС: КАЗКІ ДЛЯ ДЗЯЦЕЎ І ДАРОСЛЫХ»)

Л. В. КАМЛЮК-ЯРАШЭНКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуецца стратэгія аўтарскага дыскурсу кнігі беларускай пісьменніцы М. К. Пархац «Аўтыліус: казкі для дзяцей і дарослых». Ставіцца пытанне аб інклюзіі як фактары мастацкасці. Разглядаюцца механізмы апавядання, якія спрыяюць пераадоленню канфліктнасці апазіцый *свой – чужы*, *Я – Другі*, *норма – аномалія*, спосабы папаўнення нібыта непаўнавартаснага свету *Другога*, шляхі выбудоўвання кругагляду апавядальніка і ўключэння ў яго чытача. Канстатуецца, што кнігу казак М. К. Пархац можна назваць інклюзіўнай не толькі таму, што ў ёй ідзе гаворка пра герояў з асаблівасцямі развіцця, але і таму, што інклюзіўнасць становіцца асноўнай стратэгіяй апавяду. У ходзе апавяду здымаюцца супярэчнасці, звязаныя з эпістэмічнай (*веданне – няведанне*), часавай (*тады – цяпер*), прасторавай (*тут – там*) мадальнасцю, а таксама з мадальнасцю нормы (*дазволена – забаронена*) і ацэнкі (*пазітыўныя – негатыўныя*). Адмысловая рыторыка дазваляе аўтару мякка і карэктна выхаваць чытача так, каб ён, атаясамліваючы сябе з апавядальнікам і знаходзячыся ў пазіцыі разумення і прымання адрасата, зразумеў і прыняў *Другога* (чужога, дзіўнага) як сябе.

Ключавыя словы: інклюзія; аўтарскі дыкурс; пункт гледжання; апавядальнік; адрасат.

Образец цитирования:

Камлюк-Ярошенко ЛВ. Инклюзия как стратегия авторского дискурса (на материале книги М. К. Пархоц «Аутилиус: сказки для детей и взрослых»). Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2023;1:13–20. <https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-13-20>

For citation:

Kamlyuk-Yaroshenko LV. Inclusion as a strategy of author's discourse (by the material of the book of M. K. Parhots «Autilius: fairy tales for children and adults»). Journal of the Belarusian State University. Philology. 2023;1:13–20. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-13-20>

Автор:

Людмила Викторовна Камлюк-Ярошенко – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русской литературы филологического факультета.

Author:

Lyudmila V. Kamlyuk-Yaroshenko, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Russian literature, faculty of philology. deschko7@gmail.com

INCLUSION AS A STRATEGY OF AUTHOR'S DISCOURSE (BY THE MATERIAL OF THE BOOK OF M. K. PARHOTS «AUTILIUS: FAIRY TALES FOR CHILDREN AND ADULTS»)

L. V. KAMLYUK-YAROSHENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The study is devoted to the strategies of the author's discourse of the book by the Belarusian writer M. K. Parhots «Autilius: fairy tales for children and adults». The article raises the question of inclusion as a factor of artistry. Narrative mechanisms are considered that contribute to overcoming the conflict of oppositions *own – alien, I – Other, norm – anomaly*, ways to replenish the allegedly inferior world of the *Other*, ways of building an understanding and accepting outlook of the narrator and involving the reader in it. It is stated that the book of fairy tales by M. K. Parhots can be called inclusive not only because it deals with heroes that have special features, but also because inclusiveness becomes the main strategy of narration. In the course of the narrative, contradictions associated with epistemic (*knowledge – ignorance*), temporal (*then – now*), spatial (*here – there*) modality, as well as modality of norms (*allowed – forbidden*) and modality of assessments (*positive – negative*) are removed. Special rhetoric allows the author to educate gently the reader so that, identifying himself with the narrator and being in the position of an understanding and accepting addressee, he understand and accepts the *Other* (alien, strange) as himself.

Keywords: inclusion; author's discourse; point of view; narrator; addressee.

Введение

Феномен инклюзии справедливо считается ядром новой гуманистической парадигмы. Он определяет социокультурные, образовательные, экономические, спортивные и многие другие трансформации.

Инклюзивная литература – сфера не только остроактуальная, но и необходимая в плане формирования инклюзивного мышления, провозглашающего безусловную ценностную значимость каждого человека. Книги о людях с особенностями развития выполняют важную гуманитарную задачу современности: они изменяют «представление об истинно человеческом, выводя на авансцену многоликого Другого как носителя уникальности бытия», конкретизируют «проблематику ценности человеческого сосуществования, где истинный смысл жизни личности заключен в понимании и приятии себя/себя как Другого и самого Другого на пути к справедливому сообществу, устремленному к созиданию общего блага»¹.

В 1998 г. Ш. Е. Эндрюс ввела термин «инклюзивная литература» [1]. С тех пор в западноевропейской гуманитаристике интерес к инклюзивной литературе не ослабевает. Главным итогом исследований в этом направлении стало определение признаков инклюзивных произведений. Они были разработаны Дж. К. Блаской и приняты другими учеными. Так, в инклюзивном произведении подчеркивается успех, а не неудача героя, продвигаются позитивные образы людей с ограниченными возможностями и демонстрируется уважение к ним, дается точное представление об инвалидности или болезни, продвигается позиция «один из нас», а не позиция «один из них». При изображении персонажа с особенностями развития акцентируются в первую очередь его личностные качества. Описание человека с ограниченными возможностями отличается правдоподобностью, при этом персонажи являются сложными, многомерными, вызывают сочувствие, эмпатию, а не жалость. Другие герои понимают их, а не насмехаются над ними [2]. Инклюзивная литература рассматривается как особый корпус текстов, объединенных на основании признаков, которые обуславливают модальность изображения особенного персонажа и характер воздействия на читателя [3].

На постсоветском пространстве проблемами отражения в книгах повседневной жизни людей с ограниченными возможностями, а также вопросами соотношения разобщенных миров обычных людей и людей с особенностями развития занимается эксперт по русскоязычной детской инклюзивной литературе А. Годи́нер². Она осуществляет библиографическую работу, собирает коллекцию книг о детстве ребенка с инвалидностью, проводит тематические и обзорные презентации и транслирует идеи инклюзивной литературы (прежде всего в библиотечном сообществе)³.

¹Судакова Н. Е. Феномен инклюзии в пространстве современной культуры : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13. М., 2019. С. 3.

²Васнецова А. Герой с «особенностями» в детской литературе. Интервью с Анной Годи́нер [Электронный ресурс]. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/2069/> (дата обращения: 23.03.2022).

³Годи́нер А. Российские книги для IBBY collection для молодых людей с ограниченными возможностями по здоровью [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbby.ru/?p=2207> (дата обращения: 23.03.2022).

В Беларуси экспертами в области инклюзивной литературы являются библиотекари О. С. Вовк и В. В. Королёва. Они создали рубрику «Литература как инклюзия» на сайте «ЗаЧтение»⁴, группу в социальной сети Facebook⁵ и проект «Книжная дистанция “Обычные книги про необычных детей”»⁶. Предметом интереса О. С. Вовк и В. В. Королёвой стали две разновидности инклюзивной литературы: «художественная литература, в которой затрагиваются вопросы особенного детства, взаимоотношений особенных детей со сверстниками и взрослыми» и «литература для детей с особыми образовательными потребностями (книги со шрифтом Брайля, упрощенным текстом, использованием пиктограмм, тактильные книги и др.)» [4, с. 13].

О. С. Вовк и В. В. Королёва проделали значительную работу по нескольким направлениям: информированию библиотекарей об инклюзивной литературе и подготовке к работе с ней, составлению коллекций (поиск и оценка книг, оформление поискового аппарата коллекции) и их продвижению (консультирование специалистов, организация сопутствующих мероприятий, разработка и проведение специальных читательских программ)⁷.

Определенная работа по изучению проблемы инклюзии в литературе ведется в сфере литературоведения. В ряде статей рассматриваются тема инвалидности в художественных произведениях⁸, особенности связи инвалидности как факта биографии автора с содержанием произведения [5], специфика изображения особенного персонажа [6; 7].

В результате многолетней интенсивной работы по сбору и изучению инклюзивной литературы усилиями многих специалистов был дан ответ на вопрос о том, какую литературу можно назвать инклюзивной. Но предстоит выяснить, является ли инклюзивность фактором художественности.

Теоретические основы и методология исследования

Литературоведческий анализ инклюзивной литературы не может ограничиваться рассмотрением биографического и проблемно-тематического материала. Он должен быть выведен на уровень исследования собственно литературных категорий, относящихся к планам повествования и наррации⁹.

Поскольку именно повествовательный дискурс представляет собой «единственный инструмент исследования, которым мы располагаем в области литературного повествования» [8, с. 65], в качестве предмета изучения выступают художественные стратегии, которые переводят инклюзию как явление затекстовой реальности (повествуемой истории) в формат инклюзии как фактора повествовательной реальности.

Соответственно, литературоведческий подход нуждается в определении релевантной научной методологии и специального инструментария, направленных на выявление именно художественной специфики и художественной действенности инклюзивной литературы. По мнению автора настоящей статьи, такой инструментарий могут дать философская эстетика и психоэстетика (В. Руднев), а также нарратология (В. Шмид, Ж. Женетт).

Обоснованием рассмотрения инклюзивности как фактора художественности являются следующие характерные особенности художественных (повествовательных) текстов. Во-первых, литературные произведения воплощают какую-либо «потаенную травму, пережитую автором» [9, с. 255]. Во-вторых, в ходе своего разворачивания они предполагают изменение состояния и передачу «этого изменения посредством некоей повествующей инстанции» [10, с. 15]. Изменение внутреннего или внешнего состояния героя, пересечение им какой-либо границы (пространственной, временной, аксиологической, эпистемической и этической) и, соответственно, смена модальности повествования помогают преодолеть травматический опыт неразрешимой конфликтности противоречий *Я – Другой, свой – чужой, субъект – реальность*. В-третьих, специфика художественной литературы определяется тем, что она формирует образ идеального читателя, «осмысляющего произведение идеальным образом... и принимающего ту смысловую позицию, которую произведение ему подсказывает» [10, с. 64].

⁴Литература как инклюзия [Электронный ресурс]. URL: http://zachtenie.by/inclusive_lit (дата обращения: 31.05.2021).

⁵Литература как инклюзия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/inclusivelit> (дата обращения: 31.05.2021).

⁶Книжная дистанция «Обычные книги про необычных детей» [Электронный ресурс]. URL: <http://zachtenie.by/news/knizhnaya-distanciya-obychnye-knigi-pro-neobychnyh-detej> (дата обращения: 31.05.2021).

⁷Вовк О. С., Королёва В. В. Выводы и рекомендации по работе с инклюзивной литературой [Электронный ресурс]. URL: <http://zachtenie.by/news/vyvody-i-rekomendacii-po-rabote-s-inklyuzivnoy-literaturoj> (дата обращения: 12.07.2021).

⁸Косичкин Ф. Герасим и другие. Инвалиды в русской литературе [Электронный ресурс]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2018/11/03/gerasim-i-drugie-invalidy-v-russkoj-li> (дата обращения: 31.05.2021).

⁹В данном случае категории истолковываются в соответствии с трактовкой Ж. Женетта. Так, под историей подразумеваются повествовательное означаемое, содержание, под повествованием – означающее, дискурс, собственно повествовательный текст, а под нарративом имеется в виду порождающий повествовательный акт.

Таким образом, анализ повествовательного дискурса инклюзивной литературы должен производиться в направлении исследования отношений между повествованием и историей (рассмотрение процесса изживания травматического опыта автора в творческой практике), между повествованием и нарративом (выявление специфики повествующей инстанции, характера взаимодействия точек зрения, а также форм художественной событийности, понимаемой как пересечение персонажем какой-либо границы), между историей и нарративом (определение характера и способов коммуникации повествователя с фиктивным читателем).

Результаты и их обсуждение

В аннотации к книге М. К. Пархоц (Л. К. Шаповал) «Аутилиз: сказки для детей и взрослых» (далее – «Аутилиз...») обозначена ее специфика: *Книга, которую Вы держите в руках, состоит из сказок о детях с аутизмом. Их поведение отличается от общепринятого, кажется странным и необъяснимым. А то, чего мы не можем себе объяснить, иногда пугает* [11, с. 2].

Автором книги является мама ребенка с особенностями развития, переживающая проблему аутизма как личную травму: «Это было очень страшно. Новый диагноз прозвучал как приговор, так как шансов на выздоровление в этом случае специалисты практически не давали, уверили, что регресс будет продолжаться...» [12, с. 90]. Травматичным для М. К. Пархоц представляется не только воспоминание о постановке диагноза, но и восприятие ребенка-аутиста окружающими: «Когда я иду с ребенком рядом, все вокруг стараются вести себя прилично. Но когда кажется, что он едет один в троллейбусе, а я сижу поодаль, можно услышать все что угодно»¹⁰.

Для преодоления личной травмы и инклюзивного воспитания общества М. К. Пархоц использует ресурс творчества. Его цель состоит в том, чтобы помочь людям понять, что каждый человек, обычный или особенный, имеет право на уважение. Белорусская писательница выстраивает свое творчество как социальный проект: помимо сочинения и издания книги сказок, она сняла игровой короткометражный фильм «Абибу»¹¹, чтобы рассказать языком кино о проблеме аутизма и поднять вопрос о предвзятом отношении общества к людям с особенностями развития. Кроме того, М. К. Пархоц представила свою работу «Нас связывает помощь больным людям» на конкурсе видеороликов «Человек умеет помогать» и стала одним из его победителей. Писательница ведет активную социальную жизнь, разными способами продвигая идеи инклюзии.

Авторское обозначение жанра произведений, входящих в книгу «Аутилиз...», как сказок для детей и взрослых неслучайно. Следует отметить, что титульная жанровая маркировка книги не определяет строгое соответствие произведений жанру. Например, текст «Выбор» является притчей, а текст «Предсказатель» – авантюрным рассказом. На самом деле указание на жанр сказки формирует горизонт ожидания читателя: анонсирует возможность счастливого финала, вероятность трансформации низкого героя, предугадывает торжество персонажа с особенностями развития над исходной несправедливостью, делает безусловной и легитимной свободу вымысла (отказ от установки на правдоподобие).

Кроме того, ситуация рассказывания из уст в уста и ориентация повествователя на воспроизведение истории (*расскажите их тайну своим друзьям* [11, с. 3]) обуславливают нарративную модальность дискурса и направленность автора на слушателя-читателя.

В предисловии к книге сказок «Аутилиз...» («Одна маленькая тайна») повествователь обозначает свою цель: *Я хочу рассказать вам об удивительных существах* [11, с. 3].

Действительно, в каждом произведении представлен образ Другого. Он воплощается в обликах странных детей, удивительных существ, которые живут в двух мирах одновременно и видят эльфов и фей («Одна маленькая тайна» [11, с. 3]), одного замечательного мальчика, заколдованного злой волшебницей («Не будем терять надежду» [11, с. 4–5]), аутиста Алика, обладающего способностью к предсказаниям («Предсказатель» [11, с. 6–9]), мальчика-зайчика, абсолютно чуждого и непонятного своему лесному окружению («Как мальчика-зайчика уму-разуму учили» [11, с. 14–20]).

Повествователь лексически обозначает инаковость своих героев (*об удивительных*¹² *существах* [11, с. 3], *они ведут себя странно, играют в странные игры, пугают странных малышей, загадочное существо* [11, с. 9]).

Ключевой характеристикой особенных персонажей является их странность. Повествователь отмечает абсолютную непохожесть героев на обычных детей (*они дети, но они не похожи на вас, иногда совсем не умеют играть, не все из них могут дружить с детьми* [11, с. 3], *перестал играть, забыл все буквы*

¹⁰ Гомза В. Мы вместе: разные, но равные. Презентация семейного фильма «Абибу» [Электронный ресурс]. URL: <https://4esnok.by/mneniya/abibu/> (дата обращения: 29.08.2022).

¹¹ Фильм «Абибу» снят совместно с режиссером И. Осмоловским.

¹² Полужирный курсив в цитатах наш. – Л. К.-Я.

и почти разучился говорить [11, с. 4], не мог запомнить того, чему его пытались учить, и не умел дружить с детьми [11, с. 5]). Непохожесть странных персонажей на других героев книги проблематизируется через систему оппозиций *обычный – странный, здесь – там, слово – молчание*.

Характерно, что особенный персонаж представлен как множественный: это не исключительный герой, а некий обобщенный образ. С помощью этого повествователь пытается показать, что странные дети не являются исключением, а представляют собой особый мир.

Необычность персонажей книги сказок «Аутилиус...» проявляется и в том, что странные дети находятся за пределами сенсорной достижимости обычного мира, «когда объект может быть воспринят одним органом чувств, например его можно видеть, но не слышать» [13, с. 107] (*редко отвечают людям и не всегда понимают их* [11, с. 3], *казалось, не слышал, что с ним говорят, и продолжал рассеянно смотреть в окно* [11, с. 9], *ушел от общения, спрятался под куст* [11, с. 10], *схватился за голову и сжался в комок, сидел на том же месте, слегка покачивался и отрешенно смотрел на освещенные окна* [11, с. 7], *неподвижно сидел в углу и смотрел невидящим взглядом на свою тень, сам был похож на тень* [11, с. 5]). Таким положением за пределами сенсорной достижимости во многом определяется странность этих героев (*укусил себя за руку, издал какой-то невообразимый звук и несколько раз ударился головой о стекло*) [11, с. 9], но зато они видят эльфов и фей, говорят с птицами на птичьем языке [11, с. 3]).

Повествователь пробует найти причины странностей особенного персонажа и установить связи между непонятными, на первый взгляд, фактами и событиями. Так, причинами инаковости странных детей выступают колдовство злой волшебницы, нахождение ребенка в двух мирах одновременно, необходимость искупления и спасения (*родиться больным ребенком – верный путь к спасению* [11, с. 13]). По мнению В. П. Руднева, установление связей и нахождение причин – одна из жизнестроительных тенденций дискурса, так как «связь, система – это символ организма живого, а безумие – это символ и одновременно возврат к смерти, которая является распадом всего» [13, с. 16].

Нарушение сенсорной достижимости определяет специфику положения странных героев во времени и пространстве (*они живут в двух мирах одновременно и иногда не могут понять, где же они теперь* [11, с. 3]). Такое положение в пространстве нарушает основные законы логики: человек, находящийся в этом мире, не принадлежит другому миру. Это вызывает ощущение странности и непонимание со стороны обычного мира (*...и тогда эти дети смеются без видимых для нас причин. А иногда они кричат и плачут неизвестно почему – это злые тролли прогоняют маленьких эльфов и пугают странных малышей* [11, с. 3]).

Однако подобная пространственно-эпистемическая модальность позволяет герою находиться в другом мире в то время, когда он находится в этом мире. Во многих рассказах принадлежность героя к двум мирам одновременно и возможность его перемещения между ними являются основой развития сюжета. Благодаря способности к перемещению во времени и пространстве героям дается еще один шанс исправить ошибки («Выбор»), поделиться информацией, недоступной для обычных людей («Предсказатель»).

В сказке «Аутилиус» обычная принцесса попадает за границу сенсорной модальности, причем повествователь акцентирует внимание на ее обычности (*звали ее так, как зовут обычно принцесс: Елизаветой, Анной или Марией, а может быть даже Дианой-Доминикой* [11, с. 14]). Она становится невидимой и неслышимой для всех, что дает ей возможность встретиться с особенным Ауткой. Для всех остальных, обычных, людей Аутка совершенно непонятен: он *чудит, болтает сам с собой* [11, с. 16], *бессмысленно машет руками* [11, с. 18], *хлеб прячет за печку* [11, с. 16]. Однако только Аутка видит принцессу и может разговаривать с ней, поэтому она считает его волшебником.

Закономерно, что у странных персонажей книги имеются другой язык (*Тундель, тундель, читалата-у* [11, с. 18], *чыи-качи-качи-кичава-чики-чи* [11, с. 20]) и иная коммуникативная среда (они говорят с птицами, эльфами и феями).

Кстати, художественный фильм М. К. Пархоц, снятый по мотивам одного из произведений книги «Аутилиус...», называется «Абибу». Это слово придумал сын писательницы. Как отмечала в одном из интервью автор, аутисты вообще склонны к словотворчеству: «Когда Ян был маленьким, он сочинил фразу, которую я и моя дочь знали наизусть: “ау пау бичкоккачка как бичит и нам и папа”. Ну чем не “Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве...” Льюиса Кэрролла? Ян придумывал такие слова, как “убежатки”, “веселюхи”, “еще одна безобразинка”. Но многие слова – по сути неперебиваемые звуко сочетания»¹³.

Отмеченная склонность аутистов к образованию неологизмов осмысливается М. К. Пархоц как мамой и писателем также в направлении инклюзивности. Это свойство коммуникативного поведения не предстает как странное, исключительное, патологическое явление, а встраивается в ряд схожих, аналогичных

¹³ Гомза В. Мы вместе: разные, но равные...

фактов (например, стихи Льюиса Кэрролла) и тем самым становится обыкновенным качеством творческой личности (что, собственно, подтверждается примерами из истории литературы [13]).

Показательно, что реплики странного Аутки («*Ты что, понимаешь язык птиц?*» – «*Но они редко говорят. Обычно они просто поют*») повторяет фея («*Ты тоже понимаешь язык птиц?*» – «*Ах, если бы они говорили почаще... Обычно они просто поют*») [11, с. 18]. Это делает факт иной коммуникации характерным для другого мира и убедительным.

Более того, фраза Аутки *Тундель, тундель, чита-лата-у* выступает как заговорная формула и помогает принцессе избавиться от боли: *Принцесса повторила странные слова и подула на ногу. «Ах, не болит! Послушай, может, ты волшебник, только еще маленький?»* [11, с. 18]. Странными звуками *чи-качи-качи-качава-чики-чи* Аутка управляет стаей птиц и с их помощью обращается к фее: *И вдруг случилось чудо: огромные стаи птиц взвились над парком и разлетелись во все стороны. Вокруг дворца воцарилась неслышанная тишина* [11, с. 20].

Специфическое коммуникативное поведение (*повторил, пролепетал, повторял какие-то слова странным механическим голосом* [11, с. 6]) также подвергается осмыслению в рамках художественного мира книги. Персервация (устойчивое повторение какой-либо фразы, эмоции, действия) становится сюжетообразующим мотивом в рассказе «Предсказатель» и в художественном фильме «Абибу». Благодаря тому что герои наконец обратили внимание на непонятное бормотание Алика (*лампочку разбили, скользкая ступенька, мокрый пол* [11, с. 7], *тихая, тихая, пригородная, ГТС* [11, с. 9]), им удается найти пропавшую девочку.

Читатель, ведомый автором через сюжеты инклюзивных сказок, понимает, что существует не единое представление о норме, а разнообразие восприятий и точек зрения. Понятие «точка зрения» становится смыслообразующим в сказке «Как мальчика-зайчика уму-разуму учили» [11, с. 10]. В ней повествование ведется с точки зрения девочки-белочки и мальчика-зайчика. Такой прием выявляет оппозицию мнений, которая разворачивается во всех планах (пространственный, перцептивный, словесно-речевой планы, план оценки).

Ограничение кругозора разных персонажей определяется пространственной точкой зрения (*в самом низу, у корней, под лопухами жил мальчик-зайчик, чуть повыше, на втором этаже, в дупле – девочка-белочка, а еще выше – птицы и насекомые всех видов и мастей* [11, с. 10]). При таком размещении в пространстве естественным образом происходит отбор видимых деталей: *Но мальчик-зайчик знал только одну свою соседку – девочку-белочку. Она была ближе всех других. Остальные летали и пищали где-то высоко за зелеными ветками, и было их так много, что поди упомни всех, поди узнай* [11, с. 10].

Персональная точка зрения девочки-белочки раскрывается через перцептивный план, который является причиной формирования ее негативной оценки и непринятия мальчика-зайчика: *Каждый день она роняла на него шишки, иногда нечаянно, а иногда нарочно. Ей очень нравилось видеть неподдельный испуг мальчика-зайчика. Она не знала никаких других зайцев, но ей почему-то казалось, что этот гораздо более трусливый и бестолковый, чем все остальные: ни норы, ни гнезда, каждого скрипа и шороха боится, мечется целый день по лесу без цели, запасов не делает. Как зиму пережить собирается – непонятно* [11, с. 10].

Позиция непонимания и непринятия девочки-белочки усложняется репликами, отражающими точки зрения других персонажей – четырех воронов (*избирательное питание, социально-бытовые навыки не сформированы, недостаточная целенаправленность деятельности, быстрая утомляемость, интерес к занятиям избирательный, низкий уровень концентрации внимания, словарь ограничен, мелкая моторика нарушена, проявление неадекватных эмоциональных реакций* [11, с. 10–11]).

Разность точек зрения подчеркивается и в словесно-речевом плане. Жестко постановляющий дискурс воронов (*провозгласил, заключил, многозначительно заметил, отчеканил, важно заявил* [11, с. 10–11]) состоит из специальной терминологии и словно содержит формулировки симптомов. Неслучайно персонажи-вороны множатся до четырех: эта оценочная точка зрения, категорично не принимающая и отрицающая мальчика-зайчика, усиливается до общепринятой.

Таким образом, особенный мир мальчика-зайчика представляется недостижимым, непонятным. Более того, он воспринимается как враждебный и требующий изменения (*нужно помочь, нужно его учить, нуждается в организующей и направляющей помощи* [11, с. 11]).

Характерно, что над всеми персональными точками зрения преобладает охватывающий кругозор повествователя (позиция посредника между двумя мирами и разнящимися миропониманиями). Еще в предисловии повествователь пытается нивелировать удаленность мира странных героев за счет их пространственного сближения с обычными персонажами (*они живут рядом с нами и, возможно, гуляют в вашем дворе или ходят в соседнюю школу* [11, с. 3]). Нейтрализации оппозиций разных миров служит закон повествовательного баланса, в соответствии с которым похожесть и непохожесть сбалансированы. Для этого используются противительные союзы *но, однако, а, но зато* (*они дети, но они не похожи на вас, они ведут себя странно, но зато они видят эльфов и фей* [11, с. 3]).

Установка на читателя-адресата, состоящая в том, чтобы способствовать принятию и пониманию особенного ребенка, определяет особую риторику и стиль повествования. Эффект присутствия повествователя в художественном мире создается с помощью рассказывания от 1-го лица (*я хочу рассказать вам... по секрету* [11, с. 3]), употребления местоимения *мы*, объединяющего воображаемого читателя и повествователя (*рядом с нами, без видимых для нас причин, если мы не будем похожи на злых троллей, труднее, чем нам* [11, с. 3]). В результате устанавливается доверительная коммуникативная связь с читателем.

О направленности на читателя свидетельствует эксплицитное присутствие адресата, оформленное с помощью грамматических форм 2-го лица (*хочу рассказать вам, гуляют в вашем дворе, не похожи на вас* [11, с. 3]). Повествователь часто предвосхищает поведение воображаемого читателя (*спросите вы* [11, с. 14], *вы ведь читали сказки и знаете* [11, с. 14], *если вы будете к ним добры, то...* [11, с. 3]).

Желание повлиять на читателя сказывается в апелляциях к адресату и призывах занять определенную позицию по отношению к изображаемым героям (*расскажите их тайну своим друзьям, если вы знаете такого мальчика или девочку, то прошу вас, не смейтесь над ними, не обижайте их, а попытайтесь подружиться, но вы ведь понимаете, как видите, им бывает трудно* [11, с. 3]).

Очевидно, что повествователь ищет признания со стороны читателя, но делает это очень аккуратно, без категоричности, с использованием форм условного наклонения (*если, если можно*), вводных слов и конструкций (*они... возможно, в вашем дворе или ходят в соседнюю школу* [11, с. 3], *скорее всего, возможно, она была не такой уж и злой* [11, с. 5]). Частые модальные выражения позволяют повествователю говорить в условно-гипотетическом ключе: *Но если вы будете к ним добры, то, скорее всего, они научатся жить в нашем мире и, может быть, даже решат, что стоит остаться в нем навсегда. Правда, это только в том случае, если мы не будем похожи на злых троллей...* [11, с. 3].

Посредством повторов модального слова *может* повествователь предлагает разные варианты имени героя и различные причины тех или иных событий (злая колдунья умерла *может, от огорчения, может, от старости, а может, от того, что были люди, которые верили в счастливый конец этой сказки* [11, с. 3], *...Жила на свете маленькая принцесса. «Как ее звали?» – спросите вы. Да так, как зовут обычно принцесс: Елизаветой, Анной или Марией, а может быть даже Дианой-Доминикой* [11, с. 14]). Так повествователь не только указывает на пределы своих знаний и необязательность каких-либо детерминаций (не все можно знать и не все поддается объяснению), но и старается оправдать горизонт ожидания читателя сказки.

Сюжеты всех сказок сборника приходят к счастливому финалу, причем ситуация не просто выправляется, а становится лучше, чем в начале произведения. Например, нелюбимый и попираемый в своей семье Аутка становится красивым, богато одетым юношей – любимым пажом принцессы («Аутилиус»). Между тем заколдованный волшебницей мальчик выздоравливает, заводит друзей, ходит в школу, занимается спортом, читает книги и даже сам сочиняет стихи («Не будем терять надежду»). Следует отметить, что в финале зачастую изменяется не сам герой, а мнение других персонажей о нем (*Ну надо же! Кто бы мог подумать, что ты такой сообразительный! Так ты, пожалуй, и зимой не пропадешь* («Как мальчика-зайчика уму-разуму учили») [11, с. 11]).

Повествователь неслучайно указывает на то, что развитие жизненных историй странных детей может быть счастливым только при необходимых условиях: *Но если вы будете к ним добры, то, скорее всего, они научатся жить в нашем мире и, может быть, даже решат, что стоит остаться в нем навсегда. Правда, это только в том случае, если мы не будем похожи на злых троллей, а только на маленьких эльфов и фей. Ведь тогда у нас будет лучше, чем в сказке* [11, с. 3].

Заключение

Поступательно в читательском восприятии мир аутиста преобразуется из непонятного в осмысленный, из исключительного – в системный, из странного – в обыденный. Во-первых, М. К. Пархоц удается трансформировать якобы неполноценный мир героев с особенностями развития в целостный, жизнеспособный. В странном мире есть все: собственное пространство и время, персонажи, язык и особенности коммуникации, а также смысл и миропонимание. Во-вторых, в ходе повествования нейтрализуются оппозиции *слово – молчание, свой – чужой, Я – Другой, норма – аномалия*, удаляющие мир странных героев от обычного мира. В-третьих, снимаются противоречия, связанные с эпистемической (*знания – незнания*), временной (*тогда – сейчас*), пространственной (*здесь – там*) модальностью, а также с модальностью нормы (*разрешено – запрещено*) и оценки (*позитивные – негативные*). В-четвертых, особая риторика позволяет автору мягко и корректно воспитать читателя так, чтобы он, отождествляя себя с повествователем и находясь в позиции понимающего и принимающего адресата, понял и принял *Другого* (чужого, странного) как себя. Книгу сказок М. К. Пархоц «Аутилиус...» можно назвать инклюзивной не только потому, что в ней идет речь о героях с особенностями развития, но и потому, что инклюзивность становится основной стратегией повествования.

Библиографические ссылки

1. Andrews SE. Using inclusion literature to promote positive attitudes toward disabilities. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 1998;41(6):420–426.
2. Blaska JK. Children's literature that includes characters with disabilities or illnesses. *Disability Studies Quarterly* [Internet]. 2004 [cited 2022 April 22];24(1). Available from: <https://dsq-sds.org/article/view/854/1029>. DOI: 10.18061/dsq.v24i1.
3. Вовк ОС. #Магивделе: проектирование и развитие городской образовательной инфраструктуры. Иванова ЕВ, Асонова ЕА, Виноградова ИА, Романичева ЕС, редакторы. Москва: Экон-информ; 2021. Критерии оценки художественной литературы в поддержку инклюзивных практик в библиотеках и школах; с. 144–152.
4. Вовк ОС. Инклюзивная литература как способ говорить о важном. *Бібліотечны свет*. 2020;2:13–15.
5. Поклад АЛ. К вопросу о связи писателей с темой инвалидности. *Архивариус*. 2019;3:36–43.
6. Филонова ЮА. Изображение внутреннего мира ребенка-инвалида в повести А. А. Лиханова «Мальчик, которому не больно». *Верхневолжский филологический вестник*. 2020;1:36–42. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-1-20-36-42.
7. Чарская-Бойко ВЮ. Я-другой: к вопросу о разработке образов особых детей в литературе дисабилити. В: Романичева ЕС, Асонова ЕА, редакторы. *Чтение современного школьника: программное, свободное, проблемное*. Москва: Совпадение; 2016. с. 171–179.
8. Женетт Ж. *Фигуры. Том 2*. Васильева Е, переводчик. Москва: Издательство имени Сабашниковых; 1998. Повествовательный дискурс; с. 60–282.
9. Руднев ВП. *Прочь от реальности: исследования по философии текста*. Москва: Аграф; 2000. 428 с.
10. Шмид В. *Нарратология*. Москва: Языки славянской культуры; 2008. 302 с.
11. Пархоц М. *Аутилиус: сказки для детей и взрослых*. Минск: Арт-групп; 2014. 20 с.
12. Кунявская МА. Не такие, как все, или Тест на человечность. *Образование Минщины*. 2017;6:87–92.
13. Руднев ВП. *Странные объекты: феноменология психотического мышления*. Москва: Академический проект; 2014. 158 с.

References

1. Andrews SE. Using inclusion literature to promote positive attitudes toward disabilities. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 1998;41(6):420–426.
2. Blaska JK. Children's literature that includes characters with disabilities or illnesses. *Disability Studies Quarterly* [Internet]. 2004 [cited 2022 April 22];24(1). Available from: <https://dsq-sds.org/article/view/854/1029>. DOI: 10.18061/dsq.v24i1.
3. Vovk OS. #Magivdele: proektirovanie i razvitie gorodskoy obrazovatel'noy infrastruktury [Magivdele: design and development of urban educational infrastructure]. Ivanova EV, Asonova EA, Vinogradova IA, Romanicheva ES, editors. Moscow: Ekon-inform; 2021. [Evaluation criteria for fiction in support of inclusive practices in libraries and schools]; p. 144–152. Russian.
4. Vovk OS. [Inclusive literature as a way to talk about the important]. *Bibliotечny svet*. 2020;2:13–15. Russian.
5. Poklad AL. [To the question of the connection of writers with the topic of disability]. *Arkhivarius*. 2019;3:36–43. Russian.
6. Filonova YuA. Description of a disabled boy's inner world in A. A. Likhanov's story «The boy who feels no pain». *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. 2020;1:36–42. Russian. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-1-20-36-42.
7. Charskaya-Boyko VYu. [I-other: on the development of images of special children in the literature of disability]. In: Romanicheva ES, Asonova EA, editors. *Chтение sovremennogo shkolnika: programmnoe, svobodnoe, problemnoe* [Reading of a modern pupil: software, free, problematic]. Moscow: Sovpadenie; 2016. p. 171–179. Russian.
8. Zhenett Zh. *Figury. Tom 2* [Figures. Volume 2]. Vasil'eva E, translator. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh; 1998. [Narrative discourse]; p. 60–282. Russian.
9. Rudnev VP. *Proch' ot real'nosti: issledovaniya po filosofii teksta* [Away from reality: studies in the philosophy of the text]. Moscow: Agraph; 2000. 428 p. Russian.
10. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2008. 302 p. Russian.
11. Parkhots M. *Autilius: skazki dlya detei i vzroslykh* [Autilius: fairy tales for children and adults]. Minsk: Artiya grupp; 2014. 20 p. Russian.
12. Kuniavskaya MA. [Not like everyone else, or Test for humanity]. *Obrazovanie Minshchiny*. 2017;6:87–92. Russian.
13. Rudnev VP. *Strannye ob'ekty: fenomenologiya psikhoticheskogo myshleniya* [Strange objects: the phenomenology of psychotic thinking]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2014. 158 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022.
Received by editorial board 01.12.2022.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 811.161.3'374.24

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СЛОВАРЯХ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

А. В. МАКАРЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Определяется статус устаревшей лексики в системе современного белорусского литературного языка. Анализируется специфика лексикографического отображения словарями современного белорусского языка устаревших названий, в том числе стилистически окрашенных единиц. Исследуется система помет, которые используются для обозначения устаревшей лексики в справочниках. Отмечается, что авторы лексикографических источников употребляют такие пометы непоследовательно. Уточняются особенности помет *уст.*, *заст.* и *саст.*, применяемых для фиксации устаревших единиц в словарях современного белорусского литературного языка.

Ключевые слова: лексикография; устаревшие номинации; стилистическая помета; функционально-стилистические пометы; архаизм; историзм; сфера употребления слова.

Образец цитирования:

Макарэвіч АВ. Устарэлая лексіка і асаблівасці яе дыферэнцыяцыі ў слоўніках сучаснай беларускай літаратурнай мовы. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2023;1:21–31.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-21-31>

For citation:

Makarevich AV. Obsolete vocabulary and features of its differentiation in dictionaries of the modern Belarusian literary language. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;1:21–31. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-21-31>

Автор:

Александр Васильевич Макаревич – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры белорусского языкознания филологического факультета.

Author:

Aliaksandr V. Makarevich, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology.
alyksandrmakarevich@yandex.by

УСТАРЭЛАЯ ЛЕКСІКА І АСАБЛІВАСЦІ ЯЕ ДЫФЕРЭНЦЫЯЦЫІ Ў СЛОЎНІКАХ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЫ

А. В. МАКАРЭВІЧ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Вызначаецца статус устарэлай лексікі ў сістэме сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Аналізуецца спецыфіка адлюстравання слоўнікамі сучаснай беларускай мовы ўстарэлых намінацый, у тым ліку стылістычна афарбаваных адзінак. Даследуецца сістэма памет, якія выкарыстоўваюцца для абазначэння ўстарэлай лексікі ў даведніках. Адзначана, што аўтары лексікаграфічных крыніц ужываюць гэтыя паметны непаслядоўна. Удакладняюцца асаблівасці памет *уст.*, *заст.* і *саст.*, якія выкарыстоўваюцца для фіксацыі ўстарэлых намінацый у слоўніках сучаснай беларускай літаратурнай мовы.

Ключавыя словы: лексікаграфія; устарэлыя намінацыі; стылістычная памет; функцыянальна-стылістычныя паметны; архаізм; гістарызм; сфера ўжывання слова.

OBSOLETE VOCABULARY AND FEATURES OF ITS DIFFERENTIATION IN DICTIONARIES OF THE MODERN BELARUSIAN LITERARY LANGUAGE

A. V. MAKAREVICH^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article outlines the status of obsolete vocabulary in the system of the modern Belarusian literary language. The representation of obsolete nominations, including stylistically colored units, in the dictionaries of the modern Belarusian language is analysed. The marking system for denoting obsolete vocabulary in directories is investigated. The inconsistency of using these markers by authors of dictionaries should be singled out. The terms *уст.*, *заст.* and *саст.*, used to fix obsolete units in the dictionaries of the modern Belarusian literary language, are specified.

Keywords: lexicography; obsolete nominations; stylistic mark; functional-stylistic marks; archaism; historicism; sphere of the word usage.

Уводзіны

У айчынным мовазнаўстве гісторыя фарміравання і працэс развіцця і змянення семантычнага аб'ёму памет, якія выкарыстоўваюцца для абазначэння ўстарэлай лексікі ў слоўніках, фактычна не даследаваліся. Пытанне аб статусе такіх слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове закранаюць, напрыклад, І. У. Кандрацэня, Л. П. Кунцэвіч, В. М. Нікалаева і Л. В. Рычкова. Навукоўцы сцвярджаюць, што «...пры абазначэнні спецыяльнай лексікі ў агульнафілалагічных слоўніках існуе разнабой у фіксацыі тэрмінаадзінак і іх значэнняў, адсутнічае сістэмнасць, аднастайнасць падачы памет. Сістэматызацыя суправаджаецца спецыяльнымі паметамі, якія ўпарадкаваныя саміх тэрмінаў і прафесіяналізмаў, а таксама выпрацоўка іх аднастайнай падачы ў лексікаграфічных выданнях з'яўляюцца сёння першачарговымі задачамі для стваральнікаў беларускамоўных слоўнікаў новага пакалення» [1, с. 39]. Між тым Л. В. Давыдава акрэслівае стылістычны патэнцыял памет *уст.* і *гіст.* і фіксуе розныя падыходы (нават процілеглыя пункты гледжання) да іх стылістычнай класіфікацыі ў сучаснай лексікаграфіі [2].

Акрамя таго, у беларускім мовазнаўстве застаецца нявырашаным пытанне аб тым, пры дапамозе якога тэрміна трэба абазначаць устарэлыя словы: пры дапамозе памет *уст.* (устарэлае слова), *заст.* (застарэлае слова) ці *саст.* (састарэлае слова). На думку аўтара гэтага артыкула, усебаковае вывучэнне сістэмы памет, якія выкарыстоўваюцца для абазначэння ўстарэлых намінацый, дазволіць выпрацаваць адзіны падыход да іх прымянення ў сучасных слоўніках беларускай мовы.

Асноўная частка

Вядома, што ў лексікалогіі паняцце «ўстарэлая лексіка» з’яўляецца абагульняючым у дачыненні да тэрмінаў «гістарызм» і «архаізм». Гістарызмы – словы, якія называюць рэчы і з’явы, што выйшлі з ужытку, «сталі гісторыяй»¹. Найчасцей асобныя лексемы выходзяць з актыўнага ўжывання ў перыяды карэнных сацыяльных змен у грамадстве, што сведчыць аб моцнай знітаванасці народа і яго мовы. Архаізмы – даўнейшыя назвы прадметаў і з’яў, якія ў працэсе развіцця мовы былі заменены іншымі словамі². Варта адзначыць, што архаізмы не з’яўляюцца адзінымі назвамі рэалій, маюць сінонімы, якія выкарыстоўваюцца пры іх тлумачэнні, могуць належаць да любой часціны мовы і ў сучасных тэкстах выконваюць стылістычныя функцыі. Да агульных прыкмет архаізмаў і гістарызмаў адносяцца наяўнасць часавога семантычнага кампанента ў сэнсавай структуры слова, нізкая частотнасць ужывання, перыферыяльная пазіцыя ў слоўніку, абмежаваная сфера выкарыстання.

Пры залічэнні слоў да архаізмаў неабходна мець на ўвазе, што дакладнасці ў вызначэнні гістарычных меж няма. Паколькі архаізацыя лексікі – дастаткова працяглы працэс, існуе шмат выпадкаў пераходнага, памежнага характару. У сувязі з гэтым устарэлая лексіка з цяжкасцю паддаецца дэфініраванню.

З функцыянальнага пункту гледжання больш за ўсё пытацца ўзнёмае на конт гістарызмаў, у склад якіх у сучаснай мове ўваходзяць найперш тэрміны адпаведных галін навукі (напрыклад, гісторыі, этнаграфіі). Некаторыя даследчыкі лічаць, што гістарызмы, акрамя намінацыйнай (тэрміналагічнай) функцыі абазначэння паняццяў, якія маюць культурна-гістарычнае значэнне, у мастацкіх тэкстах могуць выконваць спецыяльную стылістычную функцыю – ствараць гістарычны каларыт эпохі. У сваю чаргу, А. В. Кавалёва сцвярджае, што «гістарызмы ў белетрыстыцы ўжываюцца толькі ў намінацыйнай функцыі (як і ў навуковай літаратуры), паколькі называюць прадметы і з’явы, актуальныя для той эпохі»³ [3, с. 112]. На думку аўтара гэтага артыкула, тое, што гістарызмы выконваюць намінацыйную функцыю (паколькі з’яўляюцца назвамі зніклых рэалій), не перашкаджае ім выконваць стылістычную функцыю, гэта значыць быць сродкам стылізацыі, стварэння каларыту нейкага адрэзка часу.

Мовазнаўцы аднадушна мяркуюць, што стылістычны патэнцыял архаізмаў, у адрозненне ад стылістычнага патэнцыялу гістарызмаў, з’яўляецца выразным: архаізмы выступаюць у якасці сродкаў стварэння або ўрачыстага, высокага, або, наадварот, зніжанага, камічнага стылю мовы.

Гэтыя функцыянальна-стылістычныя характарыстыкі ўстарэлай лексікі маюць важнае значэнне для складальнікаў слоўнікаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Аднак погляды лексікографаў на ўстарэлыя намінацыі адрозніваюцца ад поглядаў лексіколагаў.

Паколькі пытанне аб тым, ці з’яўляецца ўстарэлая лексіка часткай сучаснай мовы (лепш гаварыць пра яе знікненне (выпаўненне) з мовы), застаецца адкрытым, звычайна ў прадмовах да слоўнікаў адзначаецца, што ў гэтых лексікаграфічных крыніцах не змяшчаюцца «ўстарэлыя словы і значэнні слоў, практычна непатрэбныя з пункту погляду сучасных моўных зносін, разумення недалёкай гістарычнай рэчаіснасці або тэкстаў мастацкай літаратуры мінулых часоў» (ТСБМ, т. 1, с. 5).

Такім чынам, стылістычныя функцыі, якія ўстарэлая лексіка выконвае ў сучасных тэкстах, уплываюць на ўключэнне некаторай яе часткі ў слоўнікі. Але найбольш важным з’яўляецца пытанне аб прынцыпах адбору, унутранага (відавочнага) размежавання і спосабах апісання ўстарэлых адзінак.

Аналіз зместу слоўнікаў сведчыць аб традыцыйным, выпрацаваным у лексікалогіі ўяўленні пра ўстарэлую лексіку як пра сукупнасць архаізмаў і гістарызмаў, аднак гэты пункт гледжання не падтрымліваюць лексікографы. У дадзеным выпадку інтэграцыя мовазнаўства як тэарэтычнай навукі аб мове, лексікалогіі як навукі аб словах, лексікаграфіі як навукі аб спосабах класіфікацыі слоўнікавага матэрыялу і асаблівасцях яго фіксацыі ў даведніках адсутнічае. У адваротным выпадку для стылістычнай класіфікацыі ўстарэлай лексікі складальнікі лексікаграфічных даведнікаў сучаснай беларускай мовы выкарыстоўвалі б або памету *ўст.*, або памету *арх.* (архаізм) і *гіст.* (гістарызм), але такой практыкі няма. У лексікаграфічных выданнях звычайна супрацьпастаўляюцца ўстарэлыя словы і значэнні і ўласна гістарызмы. Непаслядоўнасць ва ўжыванні гэтых памет нярэдка прыводзіць да таго, што ўстарэлыя лексемы, якія ў адным слоўніку маюць памету *ўст.*, у іншай крыніцы суправаджаюцца паметай *гіст.* ці тлумачацца без гэтых памет: *аканом* ‘*ўст.* Кіраўнік гаспадаркі ў панскім маёнтку’ (ТСБЛМ-1996) – *аканом* ‘*гіст.* Кіраўнік гаспадаркі ў панскім маёнтку’ (ТСБЛМ-2016), *бекеша* ‘мужчынскае паліто старадаўняга крою са зборкамі ў таліі’ (ТСБМ) – *бекеша* ‘*ўст.* Верхняя мужчынская вопратка, падбітая футрам, са зборкамі ў таліі’ (ТСБЛМ-1996) – *бекеша* ‘*гіст.* Верхняя мужчынская вопратка, падбітая футрам, са зборкамі ў таліі і разрэзам ззаду’ (ТСБЛМ-2016) і інш.

¹Устарэлыя словы // Беларус. мова : энцыклапедыя / пад рэд. А. Я. Міхневіча. Мінск : БелЭн, 1994. С. 575.

²Там жа. С. 576.

³Тут і далей пераклад наш. – А. М.

У лексікаграфічных крыніцах, якія характарызуюць храналагічнае расслаенне лексікі, статус памет *уст.* і *гіст.* вызначаецца па-рознаму. Напрыклад, на думку складальнікаў кнігі «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (1977–1984), гэтыя паметы з’яўляюцца стылістычнымі. Між тым у некалькіх выданнях аднагомянага даведніка «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (у выданні 1996 г. і ў пазнейшых выданнях, у тым ліку ў выданні 2016 г.) паметы *уст.* і *гіст.* да стылістычных не адносяцца. Ні ў адным слоўніку няма ўступнага артыкула ці тлумачальнай запіскі, у якіх абгрунтоўваецца, раскрываецца ці хоць неяк абазначаецца сутнасць стылістычных памет. Некаторыя вывады аб гэтым можна зрабіць толькі на падставе вывучэння фактычнага слоўнікавага матэрыялу. Адсутнасць спецыяльнай стылістычнай лексікаграфічнай канцэпцыі адмоўна ўплывае на якасць слоўнікаў, бо, напрыклад, у выпадку з устарэлай лексікай гэта ўзмацняецца несуднасеннем лексікаграфічнай практыкі з традыцыйнымі лексікалагічнымі і стылістычнымі ўяўленнямі.

Асноўным сродкам стылістычнай дыферэнцыяцыі лексікі ў даведніках з’яўляюцца спецыяльныя паметы, таму мэтазгодна спыніцца на іх аналізе больш падрабязна.

Спроба стылістычнага маркіравання ўстарэлых лексем назіраецца ўжо ў 1851 г. у працы І. Грыгаровіча па стварэнні слоўніка заходнерускай мовы. На думку М. Гуліцкага, у гэтым слоўніку адны паметы паказваюць галіну чалавечай дзейнасці, да якой адносяцца слова (*юрыд.*, *вайск.*, *мед.* і інш.), а іншыя – час і сферу яго выкарыстання (*стар.*, *абл.*, *прст.*): *бадаць* ‘стар. Исследовать, разведывать’⁴, *вертлуга* ‘стар., воен. Пушечный станок; лафет’ [4, с. 31].

Абапіраючыся на тагачасныя традыцыі лексікаграфіі, І. Насовіч у даведніку «Словарь белорусского наречия» (1870) прымяняў сістэму ўмоўных скарачэнняў, якія могуць лічыцца паметамі ўстарэлага слова ці яго значэння. Да іх адносяцца наступныя паметы:

- *древн.*, *древнее слав.*, *отъ древн. сл.* (*паздзерникъ (паздэрникъ)* ‘древнее слав. название мѣсяца Октября, слово употребляемое простолюдинами и шляхтою’, *ятка* ‘древн. слово, нынѣ употр. въ Гродн. губ. Мелочная, подвижная, съ харчевыми припасами лавочка’);

- *истор.* (*каменоваць* ‘слово истор. Закладывать живаго въ каменный столбъ, или стѣну’, *крыжакъ* ‘истор. Крестоносец’);

- *слово обветшалое (акциденция* ‘случайный, временный доходъ, взятка (слово обветшалое)’, *жовнеръ* ‘слово обветшалое, но еще изрѣдка употребляемое, особенно въ пѣсняхъ. Солдатъ’);

- *старинное слово, стар. слово, въ старину* (*байда* ‘стар. слово. Свая’, *збродца (збродца)* ‘старинные и очень рѣдко употр. слова. Измѣнникъ’, *канархаць* ‘въ старину, даже еще въ концѣ XVIII стол., бѣдные ученики пѣніем кантовъ снискивали себѣ пропитаніе’);

- *устар. слово, слово устарѣлое* (*бакалярёнокъ* ‘устар. Сын дьячка’, *бакаляроваць* ‘устар. Отправлять должность школьнаго учителя, или дьячка клироснаго или обѣ вмѣстѣ’, *суплика* ‘просьба (слово устарѣлое)’);

- *оставшееся еще въ употребленіи, ныне уже не употребляемое, вышедшее изъ употребленія* (*войскій* ‘слово, оставшееся еще въ употребленіи отъ польскихъ чиновъ, полковникъ’, *радца* ‘членъ суда (слово вышедшее изъ употребленія)’ і інш. (СБН)).

У слоўніку змешчаны заўвагі, якія ўдакладняюць устарэлую лексіку, характарызуюць яе па ступені ўстарэласці і сферы ўжывання: *вілія* (*церк.*, *старинное слово употребляемое одною шляхтою*), *превелебность* (*слово устарелое и более письменное*), *ятка* (*древн. слово, нынѣ употр. въ Гродн. губ.*) (СБН) і інш. Таксама ўстарэласць некаторых адзінак можна вызначыць праз іх храналагічныя характарыстыкі непасрэдна ў слоўнікавым артыкуле: *корабликъ* ‘старинное женское головное украшеніе въ роде шапочки, ныне очень редко употребляемое старушками, мещанками і богатыми крестьянками’, *серпень* ‘древнее название месяца августа, и ныне употребляемое простолюдинами’, *куница* ‘...слово это еще живѣтъ въ говоре простолюдиновъ какъ историческое’ (СБН) і інш. Акрамя таго, І. Насовіч адзначае і ўстарэлыя словы, і ўстарэлыя значэнні слоў: *швабъ* ‘1. стар. Белор. слово Голландецъ’, *бамбакъ* ‘1. стар. Вамбакъ. Хлопчатая бумага’ і інш. (СБН).

Шматлікасць памет, якія прыводзяцца ў слоўніку І. Насовіча, дазваляе аб’яднаць іх у адпаведныя тэматычныя групы. Вылучаюцца скарачэнні, якія абазначаюць устарэлыя словы па ступені архаізацыі (*древн.*, *стар.*, *устар.*, *обветшалое*) і па актыўнасці ўжывання (*вышедшее изъ употребленія, ныне уже не употребляемое*). Складальнік даведніка з дапамогай памет паспрабаваў вылучыць з лексічнага складу беларускай мовы ўстарэлыя намінацыі, адзначыць ступень устарэласці слова, яго стылістычныя і лексічныя якасці.

Наступным, хто стаў выкарыстоўваць паметы для абазначэння ўстарэлай лексікі, быў В. Ластоўскі. Яны не змешчаны ў спісе ўмоўных скарачэнняў кнігі «Падручны расійска-крыўскі (беларускі)

⁴Тут і далей прыклады прыводзяцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала.

слоўнік» (1924), але аналіз фактычнага матэрыялу паказаў, што для абазначэння ўстарэлых адзінак у даведніку выкарыстоўваюцца наступныя паметы:

- *арх.*, *архаіч.*, *архаічн.*, *архаічнае* (*каведар* ‘архаічн. Рэзбяр’, *наспаліты* ‘арх. Всеобшчій, всеагульны’);
- *стар.*, *старое* (*зегзіца* ‘стар. Зязюля’, *вакабуляр* ‘стар. Слоўнік, слоўніцтва’);
- *даўней* (*буфет* ‘франц. Шафа або сьвятліца дзе хаваюць усе прыналежнасьці да стала і закускі: буфэт. Даўней у нас па дварох як сталовы буфэт, так і пакой буфэт звалі – шафарня’, *оруженосец* ‘даўней: мечнік; збройчы’);
- *старасьвэцкае*, *старажыдоўскае*, *старакрыўскае* (адзінкава) і інш. (*алтын* ‘татар. Старасьвэцкая сярэбраная манэта 6 грошы; штакат’, *зала* (зал, *залья*) ‘здаецца гэта чужаземнае слова можна заступіць старакрыўскім *грыдня*’, *лепта*, *шэляг* ‘старажыдоўская дробная манэта’ (Ласт.)).

М. Байкоў і М. Гарэцкі ў кнізе «Падручны расійска-беларускі слоўнік» (1924) упершыню ў айчынай лексікаграфіі для абазначэння гістарызмаў пачалі ўжываць памету *гіст.* Варта дадаць, што яна з’яўляецца адзінай паметай, якая выкарыстоўваецца для рэгістрацыі ўстарэлых адзінак (напрыклад, *дрыгвічы*, *крывічы*, *сыдэральная сыстэма* і інш. (БГ-I)). У другім выданні даведніка памета *гіст.* ужо не прыводзіцца, хоць падобныя словы падаюцца (*асэсар*, *дзіда*, *дрыгвічы*, *князь*, *крывічы* і інш. (БГ-II)).

Паметы *ўстар.* (устарэлае слова), *стар.* (старажытнае слова) выкарыстоўваюцца для фіксацыі ўстарэлых намінацый у кнізе М. Байкова і С. Некрашэвіча «Беларуска-расійскі слоўнік» (1925). У якасці прыкладу можна прывесці лексемы *арцабы* ‘ўстарэлае. Шашкі’, *асэсар* ‘устар. слово. Засядацель’, *шэлег* ‘стар. Шляг. 1/8 доля меднай капейкі’ і інш. (БРС-1925). Упершыню ў сучаснай айчынай лексікаграфіі для абазначэння ўстарэлых уласнабеларускіх адзінак аўтары даведніка выкарысталі памету *старо-белорус.*: *бáкі* ‘старо-белорус. Вочы’, *валасьцянін* ‘селянін, які належыць памешчыку (памешчычы прыгонны) (старо-белорусское)’ (БРС-1925). У адзінкавых выпадках прыналежнасць устарэлых лексем да мінулага адлюстроўваецца непасрэдна ў слоўнікавым артыкуле: *гоня* ‘старажытная мера даўжыні (60–120 саж.)’, *дзякло* ‘дарожная павіннасць пры паншчыне; хлебная подаць сялян’ (БРС-1925).

Складальнікі выдання «Расійска-беларускі слоўнік» (1928) у спісе скарачэнняў змяшчаюць паметы *ист.*, *ст.-бел.* і *устар.* Так, напрыклад, паметай *ист.* абазначаны ўстарэлыя намінацыі *апрычнік*, *астракізм*, *гібэлін*, *ліктар*, *цівун*, а паметай *уст.* – лексічныя адзінкі *бурмістар*, *войт*, *мніх* (РБС-1928) і інш. Памета *ст.-бел.* выкарыстоўваецца толькі ў адзінкавым выпадку (*звёздар* (РБС-1928)). Аналіз лексічнага складу даведніка выявіў памету *стар.*, якой няма ў спісе скарачэнняў і якая таксама ўказвае на ўстарэласць асобных слоў (напрыклад, *звыцязнік*, *багач* і інш. (РБС-1928)).

Тагачасныя рэцэнзенты крытыкавалі слоўнікі 1920-х гг., асабліва выданне «Расійска-беларускі слоўнік», за тое, што ў іх склад уключаны розныя архаізмы, штучныя словы і нават вульгарызмы, якія, на іх думку, засмечваюць літаратурную мову [5, с. 37]. Аднак некаторыя моваведы лічылі ўключэнне ўстарэлай лексікі ў склад мясцовых слоўнікаў мэтазгодным. Так, у 1925 г. С. Некрашэвіч у дакладзе, які быў прачытаны на сходзе мовазнаўчай секцыі Інстытута беларускай культуры і пакладзены ў аснову працы камісіі па ўкладанні слоўніка жывой беларускай мовы, сцвярджаў, што ў гэтыя даведнікі «патрэбна ўносіць усе словы, хоць яны былі дзікія, рэдкія й *застарэлыя* (вылучана намі. – А. М.), бо кожнае з такіх дзе-небудзь захаваных у глухім кутку слоў можа быць надзвычайна цікавым для мовазнаўцы, іншы раз вытлумачваючы пахаджэнне цэлай сям’і слоў» [6, с. 11–12]. Навуковец лічыў, што «паясненне значэння слоў і яго адценняў варта даваць у такім парадку: а) асноўнае, звычайнае значэнне слова, б) больш рэдкае, старажытнае, в) пераноснае, г) тэхнічнае» [6, с. 18–19].

У кнізе «Руска-беларускі слоўнік» (1937) больш за 80 устарэлых намінацый маюць паметы *устар.*, *старин.*, *истор.*, *дореволюц.* Напрыклад, паметай *устар.* абазначаны адзінкі *граданачальнік*, *губернатар*, *губерня*, *заезны двор*, *конка* і інш. (РБС-1937). З паметай *истор.* падаюцца лексемы *вандал*, *валасны*, *воласць*, *гараднічы*, *займка* і інш. (РБС-1937). Словы *гарадавы*, *дзянішчык* (РБС-1937) былі зафіксаваны з паметай *дореволюц.* Непасрэдны аналіз саставу даведніка выявіў, што ў лексікаграфічным выданні ўстарэлыя словы з маркёрам *старин.* адсутнічаюць.

Між тым у кнізе «Русско-белорусский словарь» (1953) устарэлыя намінацыі суправаджаюцца паметами *гіст.* і *уст.* Выяўлены адзінкавыя выпад выкарыстання паметы *дарэв.* (*віцмундзір* (РБС-1953)).

Складальнікі выдання «Белорусско-русский словарь» (1962) для абазначэння ўстарэлай лексікі ў састаў стылістычных памет уключылі маркёр *уст.* Упершыню ў беларускай лексікаграфіі было дадзена яго тлумачэнне: «Памета *уст.* (устарэлае слова) указвае на тое, што слова або якое-небудзь яго значэнне ў сучаснай мове ўжываецца рэдка, таму што яно заменена другім словам, або яго паняцце, прадмет перасталі існаваць у сучаснай рэчаіснасці» (БРС-1962, с. 8). З улікам гэтага атрымліваецца, што паметай *уст.* можна абазначаць і архаізмы, і гістарызмы (у гэтым выпадку меркаванні лексікалагаў і лексікаграфістаў пра сутнасць паняцця «ўстарэлая лексіка» і пункты гледжання пра традыцыйны падзел на архаізмы

і гістарызмы супадаюць). Прыклады паказваюць, што ў слоўніку паметай *уст.* абазначаны і архаізмы, і гістарызмы: *ардынарыя* ‘*уст.* Частка заработку службовых асоб у маёнтку, якая выплачвалася натурай’, *асьміна* ‘*уст.* 1. Старая мера аб’ёму сыпкіх цел, роўная палове чвэрці ці 1/8 бочкі (каля 105 л). 2. Пасудзіна мерай на тры пуды збожжа’, *атрамант* ‘*уст.* Чарніла’, *брэцёр* ‘*уст.* Дуэлянт’, *вэркі* ‘*ваен. уст.* Абарончыя збудаванні і ўмацаванні ў крэпасцях’, *габінет* ‘*уст.* Кабінет’ і інш. (БРС-1962).

Для абазначэння ўстарэлых слоў у спісе ўмоўных скарачэнняў змешчаны таксама паметы *гіст.* і *дарэв.* Складальнікі слоўніка прымяняюць прыём фіксацыі гістарычных тэрмінаў паметай *гіст.* непаслядоўна. Напрыклад, словы *абаліцыянizm*, *адпукская*, *асадаўства* ўяўляюць сабой гістарычныя тэрміны, а лексемы *апашэнь*, *белапалляк*, *белапальскі*, *дублон* тэрмінамі не з’яўляюцца. У даведніку няма паслядоўнасці і ў выкарыстанні памет *дарэв.* Гэту памету змяшчаюць і аўтары перавыданняў слоўніка 1988–1989, 2003, 2012 гг. На думку аўтара гэтага артыкула, ужыванне памет *дарэвалюц.* – яўнае праяўленне ідэалагічных устаноў складальнікаў даведніка. Па сутнасці, памет *дарэвалюц.* са значэннем ‘не ўласцівае, якое не адпавядае савецкаму ладу жыцця’ з’яўляецца сінонімам памет *устар.*, таму варта перастаць яе прымяняць для абазначэння ўстарэлых адзінак у сучасных лексікаграфічных крыніцах.

У даведніку ўказана сфера ўжывання ўстарэлых слоў і выразаў (вайсковая справа, медыцына, сельская гаспадарка, хімія і г. д.): *антонаў агонь* (мед. *уст.*), *артыкул* (ваен. *уст.*), *аўстралябія* (геад. *уст.*), *антымоній* (хім. *уст.*), *брыгантына* (мар. *гіст.*), *бундавец* (паліт. *гіст.*), *глаголіца* (лінгв. *гіст.*) і інш. (БРС-1962).

Прааналізаваны матэрыял сведчыць аб тым, што складальнікі выдання «Белорусско-русский словарь» (1962) прымяняюць памету *уст.* непаслядоўна. Так, напрыклад, слова *барліна* мае памету *уст.*, а лексема *барлініччык* падаецца без памет, слова *брандмаёр* мае памету *уст.*, а лексема *брадмайстар* не мае яе (БРС-1962).

У адпаведнасці з акрэсленымі задачамі і аб’ёмам у кнізе «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (1977–1984) пададзены «архаізмы і гістарызмы, якія выкарыстоўваюцца многімі сучаснымі аўтарамі пры апісанні мінулых эпох або ў якасці сродку стылізацыі мовы... гістарычна вядомыя назвы знікшых народаў і плямён» (ТСБМ, т. 1, с. 7). Але даведнік не з’яўляецца «вычарпальным зборам усяго лексічнага нашага багацця» [7, с. 200], бо выконвае функцыі тлумачальнага слоўніка сучаснай беларускай мовы. Зыходзячы з гэтага, складальнікі слоўніка палічылі немэтазгодным уключаць у яго састаў «устарэлыя словы, што ўжо выйшлі або выходзяць з літаратурнага ўжытку» (ТСБМ, т. 1, с. 8). Для абазначэння ўстарэлай лексікі яны выкарыстоўваюць памету *уст.* і *гіст.*, якія залічваюць да стылістычных і даюць ім наступнае тлумачэнне: «...памет *уст.* (устарэлае), якая азначае, што словы, пазначаныя ёю, зараз не ўжываюцца, заменены іншымі словамі, і памет *гіст.* (гістарычнае), якая азначае, што слова ўжываюцца ў той літаратуры, якая мае дачыненне да фактаў гісторыі, хоць сама рэалія – з’ява мінулых эпох» (ТСБМ, т. 1, с. 11). Некаторыя моваведы таксама разглядаюць маркеры *уст.* і *гіст.* у даведніку як стылістычныя. Так, Б. Плотнікаў, аналізуючы лексічны састаў слоўніка, удакладняе, што «ўсе лексемы, апрача нейтральных, пазначаюцца стылёвымі паметамі... *уст.* (устарэлае), *гіст.* (гістарычнае)» [8, с. 123].

Акрамя выкарыстання заяўленых памет, устарэлая лексіка ў даведніку таксама фіксуецца іншымі спосабамі, напрыклад увядзеннем у слоўнікавыя артыкулы храналагічных каментарыяў, зрэдку з дадатковым указаннем якасна-часовага характару (памет няма): *батлейка* ‘ў мінулыя часы на Беларусі...’, *дворня* ‘ў часы прыгону...’, *закуп* ‘у Кіеўскай Русі і ў Вялікім Княстве Літоўскім...’, *русалі* ‘ў старажытных славян...’, *этуаль* ‘у дарэвалюцыйнай Расіі канца 19 – пачатку 20 стст. ...’ і інш. (ТСБМ).

Гістарызмы характарызуюцца шляхам выкарыстання памет *уст.* і гістарычнага каментарыя: *ладкі* ‘*уст.* ...у дарэвалюцыйнай школе’, *радца* ‘*уст.* ...на Беларусі ў 14–18 стст.’, *цэх* ‘*уст.* У сярэднія вякі ў Заходняй Еўропе...’, *чаляднік* ‘*уст.* ...у феадальных гарадах Беларусі, Літвы, Польшчы’, *чумак* ‘*уст.* На Украіне ў 15–19 стст. ...’ і інш. (ТСБМ). Двойная характарыстыка лексем уяўляецца збытоўнай, таму такія гістарычныя намінацыі варта падаваць без памет *уст.*

Група адзінак, змешчаных у даведніку без памет і храналагічных каментарыяў у тлумачэнні значэнняў слова, выяўляе сваю належнасць да катэгорыі гістарызмаў на падставе адсылачных азначэнняў да загалоўнага слова: *бурсак* ‘выхаванец бурсы’ – *бурса* ‘інтэрнат для навучэнцаў духоўных навучальных устаноў у 18 ст. і першай палове 19 ст. ...’, *гетманства* ‘праўленне, улада гетмана’ – *гетман* ‘1. У 16–17 стст. на Украіне...’ (ТСБМ). У гэту групу таксама можна далучыць устарэлыя намінацыі *даннік*, *дэфензіўчык*, *інквізітар*, *калоднік*, *лапсардак* і інш. (ТСБМ).

Найбольш выразна гістарызмы фіксуюцца пры дапамозе ўніверсальнай памет *гіст.*, фармальны статус якой у цэлым з’яўляецца вызначаным. Яна ўжываецца пры асноўных словах рээстра і вытворных ад іх словах або толькі пры вытворных словах, калі асноўныя рээстравыя словы маюць гістарычныя каментарыі, што вынікаюць з энцыклапедычнага характару тлумачэння: *аброк* ‘*гіст.* Натуральны або грашовы падатак, які спаганяўся памешчыкамі прыгонных сялян; чынш’, *мыт* ‘*гіст.* Падатак, пошліна за

правоз тавараў цераз граніцу ці па тэрыторыі дзяржавы’, *староства* ‘гіст. У Вялікім Княстве Літоўскім і Польшчы – службовая асоба, якая ўзначальвала адміністрацыю або ваяводства’ і інш. (ТСБМ).

У лексікаграфічным выданні функцыянальныя асаблівасці архаізмаў, што сустракаюцца ў сучаснай мове, абазначаны паметамі *уст.* і *разм.*, *уст.* і *абл.*, якія паясняюць, што слова з’яўляецца ненарматыўным (бо ўстарэла) для сучаснай літаратурнай мовы, але ў жывой агульнанароднай мове захоўвае сваю актыўнасць (*аптэкар* (*уст.* і *разм.*), *славесніца* (*уст.* і *разм.*), *гіцаль* (*уст.* і *абл.*) і інш. (ТСБМ)).

Здольнасць устарэлага слова (архаізма) набываць эмацыянальна-экспрэсіўную афарбаванасць у сучаснай мове ва ўмовах асобага ўжывання адлюстравана з дапамогай двайных памет накшталт *уст.* і *іран.*; *уст.*, *цяпер іран.*; *уст.*, *звычайна іран.*; *уст.* і *высок.* (*праведніца* (*уст.*, *звычайна іран.*), *ратны* (*уст.* і *высок.*), *селадон* (*уст.*, *цяпер іран.*) і інш. (ТСБМ)).

Маркёр *уст.* спалучаецца з іншымі стылістычнымі паметамі для абазначэння архаізмаў, што належаць да розных стылістычных пластоў (напрыклад, *разм. уст.*, *кніжн. уст.*, *уст. кніжн.* і інш.): *альфонс* (*уст. разм.*), *васьмушка* (*разм. уст.*), *сінопсіс* (*кніжн. уст.*) і інш. (ТСБМ). Стылістычна нейтральная ў мінулым лексіка мае толькі маркёр *уст.*

Супастаўленне тэарэтычных устаноў укладальнікаў лексікаграфічнай крыніцы і змястоўнага боку паметы *уст.* дазваляе зрабіць вывад аб тым, што неабходна адрозніваць прызначэнне паметы і функцыянальныя магчымасці ўстарэлага слова. Стылістычная функцыя маркёра ў слоўніку абмяжоўваецца сігналам ненарматыўнасці ўжывання слова ў выніку яго архаізацыі ў сучаснай літаратурнай мове, а належнасць да адпаведных стыляў, здольнасць аднаўляць гістарычны каларыт эпохі адносяцца да стылістычных магчымасцей самога ўстарэлага слова, што праяўляецца ў канкрэтных моўных сітуацыях.

На думку некаторых мовазнаўцаў, залежнасць стылістычнай афарбоўкі слова ад яго дыяхранічнай характарыстыкі выяўляе ўмоўны характар двайных памет. Так, Г. Склярэўская заўважае, што двайныя маркёры без злучніка *і* (*уст. разм.*) з’яўляюцца звернутымі ў мінулае і характарызуюць стылістычнае становішча слова ў мове XIX ст. Лінгвіст лічыць, што гэта не зусім правільна, паколькі «...стылістычная ацэнка можа быць толькі сінхроннай, яна паказвае становішча асобных слоў і лексічных разрадаў у дачыненні адзін да аднаго ў адной часовай плоскасці (памет *уст.* пры гэтым з’яўляецца дастаткова адпаведным стылістычным знакам). Спробы звярнуцца да слова ў мінулым непазбежна парушаць стылістычныя суадносіны асобных разрадаў, груп, слоў. Акрамя гэтага, стылістычная гісторыя слова не заўсёды можа быць устаноўлена ў слоўніку, бо патрабуе спецыяльнага гісторыка-лексікалагічнага даследавання, таму такія характарыстыкі могуць быць толькі эпізадычнымі, якія залежаць ад характару цытат» [9, с. 106–107].

Паметы *гіст.*, *стараж.*, *уст.* заяўлены ў спісе скарачэнняў выдання А. Булыкі «Слоўнік іншамоўных слоў» (1999). З дапамогай гэтых маркёраў абазначаюцца ўстарэлыя іншамоўныя намінацыі. У даведніку для вызначэння гістарычнай перспектывы лексічных адзінак ужываюцца такія ж прыёмы, як і ў кнізе «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (1977–1984).

У выданні «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы для школьнікаў» (2009) паметай *уст.* фіксуецца намінацыі, што выйшлі з актыўнага ўжытку ў сучаснай беларускай літаратурнай мове, але выкарыстоўваюцца ў творах беларускіх пісьменнікаў. У прадмове падаецца: «Памет *ўстар.* (ўстарэлае) азначае, што словы, пазначаныя ёю, выйшлі з шырокага ўжывання, але яшчэ вядомы сучаснай літаратурнай мове» (Кап., с. 4). Аднак у спісе скарачэнняў памет *ўстар.* растлумачана як ўстарэлае слова, ўстарэлы выраз (Кап., с. 6). Такое абазначэнне (памет *ўстар.*) – спроба выпрацоўкі аўтарамі ўніверсальнага маркёра для абазначэння ўстарэлых адзінак: *баброўнік* ‘ўстар. Асоба, якая займалася адловам і доглядам баброў’, *вазавое* ‘ўстар. Пошліна за вываз тавараў за мяжу з кожнага воза’, *вечнік* ‘ўстар. Удзельнік веча’, *дзядзькаванне* ‘ўстар. Беларускі звычай у канцы XVI – пачатку XVIII стст. аддаваць дзяцей шляхты ў сялянскую сям’ю з мэтай выхавання станоўчых фізічных і духоўных якасцей’, *ментар* ‘ўстар. Выхавальнік, настаўнік, дарадчык’ і інш. (Кап.).

Выяўлены намінацыі, у слоўнікавых артыкулах якіх і падаецца памет *уст.*, і ўказваецца іх храналагічная характарыстыка з дапамогай лексем накшталт *старажытны*, *даўнейшы*, *старадаўні*: *брамка* ‘ўстар. Даўнейшы жаночы галаўны ўбор, упрыгожаны жэмчугам’, *какошнік* ‘ўстар. Старадаўні рускі жаночы галаўны ўбор у выглядзе ўпрыгожанага шчытка над ілбом’, *павой* ‘ўстар. Даўні жаночы галаўны ўбор’, *сарокі* ‘ўстар. Старажытная адзінка лічэння футравых скурак; чатыры дзясяткі’ і інш. (Кап.).

Складальнікі лексікаграфічнага выдання не заўсёды выкарыстоўваюць памету *уст.* паслядоўна: *карнет* ‘ўстар. У царскай арміі Расіі: першы афіцэрскі чын у кавалерыі і ў пагранічных войсках, а таксама асоба, якая мела гэты чын’, *крэпасць* ‘у дарэвалюцыйнай Расіі: дакумент аб куплі і продажы нерухамай маёмасці’, *катрынка* ‘невялікі пераносны арган у выглядзе скрынкі, на якім ігралі вандроўныя музыканты’, *конка* ‘гарадская чыгунка з вагонамі на коннай цязе, якая існавала да з’яўлення трамвая’, *купец*

‘устар. 1. Асоба купецкага саслоўя. 2. Уладальнік гандлёвага прадпрыемства, які займаўся прыватным гандлем’ і інш. (Кап.).

У выданні «Арфаграфічны слоўнік беларускай мовы» (2010) для абазначэння ўстарэлых намінацый падаюцца паметы *гіст.* і *старабел.*⁵ Аднак аналіз саставу лексікаграфічнай крыніцы паказаў, што ўстарэлыя словы з паметай *старабел.* адсутнічаюць.

Устарэлыя намінацыі, якія выкарыстоўваюцца ў мастацкай і навуковай літаратуры для сярэдняй школы, зарэгістраваны ў выданні «Школьны тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (2013). У прыватнасці, у рэстравую частку даведніка складальнікі ўключылі «архаізмы і гістарызмы, ужытыя ў мастацкіх творах і навуковых працах, з якімі знаёмяцца вучні ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі, гімназісты і ліцэісты»⁶. Для абазначэння ўстарэлых намінацый, як і ў выданні «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы для школьнікаў» (2009), заяўлена памета *уст.* (устарэлае слова, якое цяпер актыўна не ўжываецца ў беларускім маўленні). Фактычны матэрыял сведчыць аб тым, што аўтары лексікаграфічнай крыніцы, у адрозненне ад складальнікаў выдання «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы для школьнікаў» (2009), больш паслядоўныя ў прымяненні гэтай паметы.

Аўтары кнігі «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (выданні 1996, 1999, 2002, 2005, 2016 гг.) для абазначэння ўстарэлых намінацый прыводзяць паметы *уст.* і *гіст.* У выданнях аднатомніка памета *уст.* тлумачыцца аднолькава (напрыклад, «памета (уст.), г. зн. устарэлае; указвае, што слова з’яўляецца ўстарэлым, што яно выйшла з шырокага ўжытку, але яшчэ даволі добра вядомае ў сучаснай літаратурнай мове, а таксама па мастацкіх творах пачатку 20 ст.» (ТСБЛМ-2016, с. 7)). Аўтары выданняў аднатомніка 1996, 1999, 2002, 2005 гг. паметай *гіст.* прапануюць маркіраваць гістарычныя словы. У выданні 2016 г. патлумачаны (фактычна ўзяты з прадмовы да выдання «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы») змест гэтай паметы: «Памета *гіст.*, г. зн. гістарычнае; указвае, што слова ўжываецца ў літаратуры, якая мае дачыненне да фактаў гісторыі, хоць сама рэалія – з’ява мінулых эпох» (ТСБЛМ-2016, с. 7). У выданнях 1996, 1999, 2002, 2005 гг. устарэлыя намінацыі падаюцца без змен. Складальнікі лексікаграфічнага выдання 2016 г. грунтоўна перапрацавалі слоўнікавыя артыкулы ўстарэлых намінацый. У сувязі з гэтым трэба прывесці параўнальную характарыстыку сістэмы абазначэнняў устарэлых адзінак у выданнях 1996 і 2016 гг. У асноўным лексікаграфічныя прыёмы рэгістрацыі ўстарэлых намінацый аднолькавыя, аднак ёсць і істотныя адрозненні. Аўтары выдання 2016 г. удакладнілі дэфініцыі ўстарэлых намінацый, іх значэнняў, парадак фіксацыі ўстарэлых лексем у даведніку, змясцілі адпаведныя паметы *уст.* або *гіст.* У выніку тлумачэнні ўстарэлых слоў сталі больш поўныя і дакладныя (усяго больш за 600 адзінак): **аршын, баярын, бортніцтва, глаголіца, павет, раёк** і інш. (ТСБЛМ-2016). Пашырана ўжыванне паметы *уст.* пры намінацыях, у якіх указанні на часавую характарыстыку даюцца ў слоўнікавым артыкуле. Аўтары ўпарадкавалі, абазначыўшы маркёрам *уст.*, лексікаграфічнае адлюстраванне некаторых устарэлых намінацый, у выданні 1996 г. пры іх тлумачэнні выкарыстаны словы нашталт *даўней, старая, некалі, у мінулым, ранейшая: карабейнік ‘уст.* Дробны гандляр, які разносіў па вёсках тавары (мануфактуру, галантэю, дробныя рэчы і інш.)’ (ТСБЛМ-2016) – ‘даўней...’ (ТСБЛМ-1996), **ключнік ‘уст.** Слуга ў панскім маёнтку, у распараджэнні якога знаходзіліся прадукты харчавання і ключы ад месцаў іх захоўвання’ (ТСБЛМ-2016) – ‘даўней...’ (ТСБЛМ-1996), **парахаўніца ‘уст.** Сумка, пасудзіна для захоўвання пораху’ (ТСБЛМ-2016) – ‘некалі...’ і інш. (ТСБЛМ-1996). У слоўніку памета *уст.* выкарыстоўваецца непаслядоўна: **арцельшчык ‘уст.** Член арцелі (у 2 знач.)’ – **арцель ‘2.** Аб’яднанне асоб некаторых прафесій для сумеснай работы з удзелам у агульных даходах і агульнай адказнасцю’, **гутнік ‘уст.** Рабочы, які працаваў на гуче, вырабляў шкло’ – **гута ‘даўнейшая назва шклозавода’** (ТСБЛМ-2016).

Складальнікі аднатомніка, абазначыўшы маркёрам *уст.* больш за 50 слоў, у тым ліку вытворных ад іх слоў, а таксама значэнняў слоў, папоўнілі склад устарэлай лексікі сучаснай беларускай мовы: **дружка, жуір, жуіраваць, калыска, кінаперасоўка, лікбез, ніт** і інш. (ТСБЛМ-2016). Аднак у даведніку ёсць намінацыі (і вытворныя ад іх словы) і значэнні слоў, якія даўно выйшлі з актыўнага ўжытку, але не маюць адпаведных памет ці ўказанняў на іх часавую характарыстыку (**гільяціна, грабар, драпак, жаснасек, жорны, качулка, керагаз, малатарня, маслабойка** і інш. (ТСБЛМ-2016)). Некаторыя адзінкі (напрыклад, **жорны, калаўрот, качулка, керагаз** (САГ)) абазначаны як устарэлыя ў слоўніках сучаснай беларускай мовы, прычым гэтыя даведнікі выйшлі з друку раней, чым кніга «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (2016).

У актыўны ўжытак сучаснай беларускай мовы вернута 86 лексем (і вытворныя ад іх словы), якія па розных прычынах (у асноўным экстралінгвістычных) да нядаўняга часу знаходзіліся ў складзе ўстарэлай

⁵Скарачэнні // Арфагр. слоўнік беларус. мовы / пад рэд. А. Л. Баршчэўскай, Л. П. Баршчэўскага. Мінск : Радыёлаплюс, 2010. С. 8.

⁶Прадмова // Шк. тлумач. слоўнік беларус. мовы / Г. М. Малажай, Л. І. Яўдошына. Мінск : Аверсэв, 2013. С. 3–4.

лексікі: *англаман, англафіл, багамалец, вакацыі, гарбата, каяцца, травень* (ТСБЛМ-2016) і інш. На думку аўтара гэтага артыкула, укладальнікі, зняўшы памету *ўст.* або ўказанні на храналагічную характарыстыку, памылкова залічылі да агульнаўжывальнай лексікі ўстарэлыя намінацыі (і вытворныя ад іх словы) *кайдань і кайданы, карсар, райт, розга, фарэйттар, фарэйттарскі* і інш. (ТСБЛМ-2016).

У выданні 2016 г., як і ў выданні 1996 г., аднатыпная ў лінгвістычных адносінах устарэлая лексіка абазначаецца па-рознаму. Напрыклад, лексема *дрыгавічы* маркіруецца паметай *гіст.*, намінацыі *крывічы, радзімічы* паметы *гіст.* не маюць, як і слова *балты* (ТСБЛМ-2016).

У айчынным мовазнаўстве існуюць розныя падыходы да вызначэння стылістычнага статусу памет *уст.* і *гіст.* На думку І. Лепешава, «...паметы *ўст.* і *гіст.* нельга кваліфікаваць як стылістычныя (без агаворак тыпу “прымыкаюць да...”)). Уласна стылістычныя паметы пры слове паказваюць на яго стылістычнае значэнне, якое складаецца з двух кампанентаў, што выступаюць як розныя бакі адной з’явы: а) функцыянальна-стылёвай (паметы тыпу *разм., кніжн.* паказваюць на прыналежнасць слова да пэўнага стылю), б) экспрэсіўна-ацэначнай афарбоўкі (паметы тыпу *іран., ласк., жарт., неадабр., груб., пагард.* паказваюць на наяўнасць у слове дадатковага адцення). Напрыклад, назойнік *лодар* пададзены ў ТСБМ з паметай *разм., неадабр.*

Паметы ж тыпу *гіст.* маюць непасрэдную сувязь толькі з падзелам лексікі паводле яе актыўнага і пасіўнага складу. Так, паметай *гіст.* пазначаны, напрыклад, аброк ‘натуральны або грашовы падатак, які спаганяўся з прыгонных сялян’ або войтаўства, лірнік і г. д.» [10, с. 51]. З улікам названых азначэнняў паметы, што суправаджаюць гістарызмы сучаснай беларускай мовы, больш правільна вызначаць як храналагічныя, якія перш за ўсё паказваюць на часавую характарыстыку слова.

Некаторыя моваведы да стылістычных памет адносяць заўвагі-ўдакладненні тыпу *даўней, раней*. Напрыклад, А. Каўрус сцвярджае, што «...сталая стылістычная афарбоўка ў слоўніках пазначаецца спецыяльнымі стылістычнымі паметкамі. Так, у “Тлумачальным слоўніку беларускай мовы” (пад рэд. А. Баханькова)... шэраг слоў мае паметы *даўней, раней: абшарнік, голь, правіант, саета, смута*» [7, с. 8–9].

У састаў функцыянальна-стылістычных памет Д. Дзятко ўключае паметы *архаіч., стар., уст.* У прыватнасці, лінгвіст змяшчае іх у «сістэму абмежавальных памет, якія паказваюць на функцыянальную інтэнсіўнасць загалоўччай адзінкі і яе адносіны да ядра сучаснай мовы: *звыч.* – звычайнае, *рэдка.* – рэдкае, *архаіч.* – архаічнае, *неал.* – неалагічнае, *стар.* – старое, *уст.* – устарэлае і г. д.» [11, с. 35].

У беларускім мовазнаўстве застаецца нявырашаным пытанне аб змесце і назве паметы, якая павінна выкарыстоўвацца для адлюстравання ўстарэлых слоў у даведніках. Напрыклад, І. Лепешаў прапануе пры абазначэнні архаізмаў ужываць замест агульнапрынятай паметы *ўст.* памету *арх.* Ён адзначае, што «...па незразумелых прычынах замест адзіна правільных памет *арх.* і *гіст.* (для абазначэння відавых паняццяў у адносінах да родавага “ўстарэлая лексіка”) у ТСБМ выкарыстоўваюцца *ўст.* і *гіст.* Паметай *уст.*, такім чынам, фактычна пазначаны архаізмы» [10, с. 51].

На думку П. Сцяцко, у айчыннай лексікаграфіі пры фіксацыі ўстарэлых намінацый неабходна ўжываць скарачэнне *заст.* (ад беларускага слова *застарэлае*), а не рускае скарачанае абазначэнне *уст.* [12, с. 122]. З ім пагаджаецца Ф. Піскуноў, які таксама прапануе абазначаць устарэлыя словы ў даведніках паметай *саст.* (ад беларускага слова *састарэлае*)⁷. Пагаджаюцца з даследчыкамі і аўтары выдання «Вялікі беларуска-рускі слоўнік» (2015), якія адзначаюць, што ў даведнік «уклучана як сучасная лексіка, а таксама наватворы, так і рэдкія ды састарэлыя словы, гістарызмы...»⁸. Словазлучэнне *састарэлае слова* паслядоўна ўжывае В. Варановіч. Напрыклад, у манаграфіі ён піша: «...ад асновы назойніка ўтворана састарэлае слова *інстытутка*...» [13, с. 119]. У апошнія гады ў грамадстве, найперш у інтэрнэце, сацыяльных сетках, таксама сталі выкарыстоўвацца менавіта выразы *састарэлая лексіка, састарэлыя словы*. Напрыклад, 15 жніўня 2017 г. у інтэрнэце быў апублікаваны матэрыял «Гістарызмы і архаізмы. Як адрозніць гэтыя састарэлыя словы?»⁹, 13 лютага 2019 г. – артыкул «Шыя: састарэлае назва. Састарэлая лексіка: назвы частак цела»¹⁰. Між тым 5 красавіка 2022 г. у *Instagram* быў змешчаны запіс, у якім беларуская лексема *ядваб* прыводзіцца ў якасці адпаведніка рускаму слову *шёлк* і ўказваецца, што ў некаторых слоўніках гэтая лексічная адзінка лічыцца састарэлым словам¹¹. Трэба адзначыць, што

⁷Спіс асноўных скарачэнняў // Вялікі слоўнік беларус. мовы: арфаграфія, акцэнтацыя, парадыгматыка / Ф. А. Піскуноў. Мінск : Зміцер Колас, 2012. С. XI–XII.

⁸Каротка аб слоўніку // Вялікі беларус.-рус. слоўнік / П. Д. Купрысь. Мінск : Зарвест, 2015. С. 5.

⁹Гістарызмы і архаізмы. Як адрозніць гэтыя састарэлыя словы? [Электронны рэсурс]. URL: <https://info-4all.ru/be/obrazovanie/istorizmi-i-arhaizmi-kak-otlichit-eti-ustarevshie-slova/> (дата звароту: 25.10.2022).

¹⁰Тродзен А. Шыя: састарэлае назва. Састарэлая лексіка: назвы частак цела [Электронны рэсурс]. URL: <https://tostpost.com/be/adukacyya/27462-shyya-sastarelae-nazva-sastarelaya-leks-ka-nazvy-chastak-cela.html> (дата звароту: 25.10.2022).

¹¹Лёгкая мова [Электронны рэсурс]. URL: https://www.instagram.com/lohkaja_mova/ (дата звароту: 25.10.2022).

праз згадванне гэтага слова аўтары запісу спрыяюць актыўнаму ўжыванню лексемы *ядваб* у сучаснай беларускай мове.

Трэба параўнаць значэнне намінацый *застарэлы*, *састарэлы* і *ўстарэлы* ў сучаснай беларускай літаратурнай мове. У тлумачальных слоўніках семантыка дзеепрыметнікаў *устарэлы* і *састарэлы* супадае: *устарэлы* ‘які не адпавядае сучасным патрабаванням, выйшаў з ужытку, моды’, *састарэлы* ‘1. Які стаў стары (наз.). 2. перан. Які перастаў быць сучасным; устарэлы’ (ТСБЛМ-2016). Слова *застарэлы* падаецца як размоўная мнагазначная лексема: *застарэлы* ‘разм. 1. Даўні па часу ўзнікнення; стары, састарэлы. 2. Які цягнецца з даўніх часоў; непапраўны, невылечны. 3. Які не адпавядае сучасным патрабаванням, нормам; устарэлы’ (ТСБМ).

Заклучэнне

У выніку аналізу фактычнага матэрыялу можна зрабіць некаторыя высновы.

1. Да пачатку XXI ст. у гісторыі лексікаграфічнага адлюстравання ўстарэлых адзінак сфарміраваліся дзве пазіцыі. Аўтары такіх даведнікаў, як, напрыклад, «Белорусско-русский словарь» (1962), «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (1977–1984), залічваюць паметы *ўст.* і *гіст.* да стылістычных, у той час як складальнікі выдання «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (1996) адносяць іх да дыяхранічных памет. На думку аўтара гэтага артыкула, памета *ўст.* адносіцца да функцыянальна-стылістычных, а памета *гіст.* абазначае часавую характарыстыку ўстарэлага слова і сферу яго ўжывання.

2. Спосаб адлюстравання крытэрыю ўстарэласці ў даведніках афармляецца наступным чынам: 1) памета, 2) двайная памета, 3) заўвагі-ўдакладненні ў слоўніковым артыкуле, якія паказваюць прыналежнасць намінацый да мінулага (*старая*, *даўней*, у *старажытнасці* і пад.).

3. Памета *ўст.* у спалучэнні з іншымі маркёрамі ўказвае на стылістычную прыналежнасць намінацыі (*ўст. высок.*, *ўст. праст.*) і магчымасць ужывання ў сучаснай мове ў іншым стылістычным статусе ці з адпаведнай эмацыянальнай афарбоўкай (*ўст. і разм.*, *ўст. і пагард.*).

4. Паметы непаслядоўна прымяняюцца для абазначэння аднатыпнай у лінгвістычных адносінах устарэлай лексікі. Напрыклад, складальнікі даведніка «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» (2016) абазначаюць лексему *дрыгавічы* паметай *гіст.*, але словы *крывічы*, *радзімічы* гэтай паметы не маюць. У даведніках такую лексіку неабходна абазначаць аднолькава.

5. Прапануецца ўжываць у айчынным мовазнаўстве тэрмін «састарэлая лексіка» і выкарыстоўваць у слоўніках не скалькаваную з рускай мовы памету *ўст.*, а памету *саст.* Узяўшы за аснову значэнне паняцця «састарэлая лексіка», якое прыводзяць складальнікі выдання «Беларуска-рускі слоўнік» (1962), аўтар гэтага артыкула тлумачыць памету *саст.* як паказальнік таго, што ў сучаснай мове слова (якое-небудзь яго значэнне) выйшла з актыўнага ўжывання, бо яно заменена іншым словам, ці яго паняцце, прадмет перасталі існаваць у сучаснай рэчаіснасці. Гэта дазволіць лексікографам аднастайна змяшчаць састарэлыя намінацыі ў рэестры даведнікаў.

Скарачэнні

БГ-I – Байкоў М., Гарэцкі М. Практычны расійска-беларускі слоўнік. 1-е выд. Мінск : Белтрэстдрук, 1924. 255 с. ; **БГ-II** – Байкоў М., Гарэцкі М. Практычны расійска-беларускі слоўнік. 2-е выд. Мінск : Дзяржвыд Беларусі, 1926. 192 с. ; **БРС-1925** – Байкоў М., Некрашэвіч С. Беларуска-расійскі слоўнік. Мінск : Дзяржвыд Беларусі, 1925. 356 с. ; **БРС-1962** – Белорусско-русский словарь / под ред. К. Крапивы. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. 1048 с. ; **Ласт.** – Ластоўскі В. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна : Друк. А. Бака, 1924. 832 с. ; **Кап.** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы для школьнікаў / уклад.: І. Л. Капылоў, С. Я. Рапацэвіч. Мінск : Совр. школа, 2009. 480 с. ; **РБС-1928** – Некрашэвіч С., Байкоў М. Расійска-беларускі слоўнік. Мінск : Дзяржвыд Беларусі, 1928. 728 с. ; **РБС-1937** – Руско-беларускі слоўнік / пад рэд. А. Александровіча. Мінск : Акад. навук, 1937. 494 с. ; **РБС-1953** – Русско-белорусский словарь / под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебкі. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 788 с. ; **САГ** – Струкава С. М. Слоўнік архаізмаў і гістарызмаў: па творах беларускай мастацкай літаратуры і публіцыстыкі. Мінск : Беларус. навука, 2007. 654 с. ; **СБН** – Носовіч І. Словарь белоруского наречия. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1870. 756 с. ; **ТСБЛМ-1996** – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. Мінск : БелЭн, 1996. 784 с. ; **ТСБЛМ-2016** – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. І. Л. Капылова. Мінск : БелЭн, 2016. 968 с. ; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. М. П. Лобана. Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1977–1984. 5 т.

Бібліяграфічныя спасылкі

- Кандраценя ІУ, Кунцэвіч ЛП, Нікалаева ВМ, Рычкова ЛВ. Праблема сістэматызацыі памет у агульнафілагічных слоўніках для абазначэння спецыяльнай лексікі. *Беларуская лінгвістыка*. 2011;67:31–39.
- Давыдава ЛВ. З гісторыі стылістычных памет у беларускай лексікаграфіі. В: Берлінская СГ, редактор. *Материалы 74-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. Часть 3; 15–24 мая 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2017. с. 40–43.
- Ковалева ЕВ. *Устаревшая лексика в системе современного русского языка и в художественных текстах XIX века* [диссертация]. Москва: Московский педагогический государственный университет; 1996. 245 с.

4. Гуліцкі МФ. *Нарысы гісторыі беларускай лексікаграфіі (XIX – пачатак XX ст.)*. Мінск: Вышэйшая школа; 1978. 120 с.
5. Шакун ЛМ. 50-годдзе беларускага савецкага мовознаўства. *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 1969;1:36–45.
6. Некрашэвіч СМ. *Да пытання аб укладанні слоўніка жывой беларускай мовы*. Мінск: [б. в.]; 1925. 23 с.
7. Каўрус А. Тлумачальныя слоўнікі беларускай мовы. *Полымя*. 1990;8:200–208.
8. Плотнікаў БА. Тлумачальныя слоўнікі беларускай мовы. В: Кожина АА, Норман БЮ, Руденко ЕН, редакторы. *Белорусский и другие славянские языки: семантика и прагматика. Материалы Международной конференции «Вторые Супруновские чтения»*; 28–29 сентября 2001 г.; Минск, Беларусь. Минск: БГУ; 2002. с. 120–130.
9. Складаревская ГИ. Заметки о лексикографической стилистике. В: Филин ФП, Сороколетов ФП, редакторы. *Современность и словари*. Ленинград: Наука; 1978. с. 101–111.
10. Лепешаў ІА. *Сучасная беларуская літаратурная мова: спрэчныя пытанні*. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы; 2002. 207 с.
11. Дзятко ДВ. Лексікаграфія як раздзел мовознаўства: тэрміны, праблемы, тыпы слоўнікаў. *Роднае слова*. 2016;8:34–37.
12. Сцяцко ПУ. *Уводзіны ў мовознаўства*. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы; 2001. 229 с.
13. Варановіч ВЛ. *Словаўтварэнне назоўнікаў у беларускай мове*. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы; 2005. 135 с.

References

1. Kandracenja IU, Kuncjevich LP, Nikalaeva VM, Rychkova LV. [The problem of systematisation of labels in general philological dictionaries to designate special vocabulary]. *Belaruskaja lingvistyka*. 2011;67:31–39. Belarusian.
2. Davydava LV. [From the history of stylistic memory in Belarusian lexicography]. In: Berlinskaya SG, editor. *Materialy 74-i nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Chast' 3; 15–24 maya 2017 g.; Minsk, Belarus* [Proceedings of the 74th scientific conference of students and postgraduate students of the Belarusian State University. Part 3; 2017 May 15–24; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2017. p. 40–43. Belarusian.
3. Kovaleva EV. *Ustarevshaya leksika v sisteme sovremennogo russkogo yazyka i v khudozhestvennykh tekstakh XIX veka* [Obsolete vocabulary in the system of the modern Russian language and in fiction texts of the 19th century] [dissertation]. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 1996. 245 p. Russian.
4. Gulicki MF. *Narysy gistoryi belaruskaj leksikografii (XIX – pachatak XX st.)* [Essays on the history of Belarusian lexicography (19th – early 20th centuries)]. Minsk: Vyshhejshaja shkola; 1978. 120 p. Belarusian.
5. Shakun LM. [50th anniversary of Belarusian Soviet linguistics]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhawnaga universitjeta. Serija 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 1969;1:36–45. Belarusian.
6. Nekrashjevich SM. *Da pytanja ab ukladanni slownika zhyvoj belaruskaj movy* [To the question of compiling a dictionary of the living Belarusian language]. Minsk: [s. n.]; 1925. 23 p. Belarusian.
7. Kawrus A. [Explanatory dictionaries of the Belarusian language]. *Polymja*. 1990;8:200–208. Belarusian.
8. Plotnikaw BA. [Explanatory dictionaries of the Belarusian language]. In: Kozhinova AA, Norman BYu, Rudenko EN, editors. *Belorusskii i drugie slavyanskije yazyki: semantika i pragmatika. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii «Vtorye Suprunovskie chteniya»*; 28–29 sentyabrya 2001 g.; Minsk, Belarus [Belarusian and other Slavic languages: semantics and pragmatics. Proceedings of the International conference «Second Suprun readings»; 2001 September 28–29; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2002. p. 120–130. Belarusian.
9. Sklyarevskaya GI. [Notes on lexicographic stylistics]. In: Filin FP, Sorokoletov FP, editors. *Sovremennost' i slovari* [Modernity and dictionaries]. Leningrad: Nauka; 1978. p. 101–111. Russian.
10. Lepeshaw IJa. *Suchasnaja belaruskaja litaraturnaja mova: sprjecznyja pytanni* [Modern Belarusian literary language: controversial issues]. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2002. 207 p. Belarusian.
11. Dzjatko DV. [Lexicography as a section of philology: terms, problems, types of elephants. Finished]. *Rodnae slova*. 2016;8:34–37. Belarusian.
12. Scjacko PU. *Uvodziny w movaznawstva* [Introduction to linguistics]. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2001. 229 p. Belarusian.
13. Varanovich VL. *Slovawtvarjenne nazownikaw u belaruskaj move* [Word formation of nouns in the Belarusian language]. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2005. 135 p. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 09.11.2022.
Received by editorial board 09.11.2022.

УДК 811.161.1'373.2.821.161.1-2Угаров

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОНОМАПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ДРАМЕ М. Ю. УГАРОВА «ГОЛУБИ»

И. М. ПЕТРАЧКОВА¹⁾

¹⁾ Гомельский государственный медицинский университет, ул. Ланге, 5, 246000, г. Гомель, Беларусь

Исследуются имена собственные, функционирующие в художественном контексте пьесы М. Ю. Угарова «Голуби». Рассматриваются ономапоэтические средства, представленные индивидуально-авторскими и прецедентными антропоэтонимами, которые номинируют сюжетных и внесюжетных действующих лиц ностальгической драмы, варианты личных имен, а также проприальные единицы второго плана, так называемые фоновые поэтонимы. Анализируется ономапоэтическое пространство пьесы. Выявляются типы антропоэтонимов, их лингвистические и экстралингвистические возможности. Устанавливается, что выбор ономапоэтических средств обусловлен индивидуально-авторским контекстом, отражающим взгляды современного русского драматурга на исторические события. Демонстрируется информационный потенциал ономапоэтической лексики, который наиболее полно раскрывается в ходе анализа взаимодействия художественного контекста и поэтонимов драмы. Показывается корреляция специфики интерпретации имени персонажа с хронотопом описываемых в пьесе событий, художественным контекстом и особенностями воплощения авторской позиции. Обнаруживаются скрытые смыслы номинаций, обусловленные фрагментами пьесы и концепцией драматурга. Определяются ономапоэтические тенденции создания литературных имен и использования их возможностей, присущие идиостилью М. Ю. Угарова (сочетание классических и новаторских черт).

Ключевые слова: имя собственное; антропоэтоним; ономапоэтические средства; оним; драма; пьеса; поэтоним; интерпретация; вариант; прецедентное имя.

ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ АНАМАПАЭТЫЧНАЙ ЛЕКСІКІ Ў ПОСТМАДЭРНІСЦКАЙ ДРАМЕ М. Ю. УГАРАВА «ГАЛУБЫ»

І. М. ПЕТРАЧКОВА^{1*}

^{1*} Гомельскі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт, вул. Ланге, 5, 246000, г. Гомель, Беларусь

Даследуюцца ўласныя імёны, якія функцыянуюць у мастацкім кантэксце п'есы М. Ю. Угарова «Голубы». Разглядаюцца анамапаэтычныя сродкі, прадстаўленыя індывідуальна-аўтарскімі і прэцэдэнтнымі антрапаэтонімамі, што намінаюць сюжэтных і пазасюжэтных дзеючых асоб ностальгічнай драмы, варыянты асабістых імёнаў, а таксама прапрыяльныя адзінкі другога плана, так званыя фонавыя паэтонімы. Анализуецца анамапаэтычная прастора п'есы. Выяўляюцца тыпы антрапаэтонімаў, іх лінгвістычныя і экстралінгвістычныя магчымасці. Выяўляецца, што выбар анамапаэтычных сродкаў абумоўлены індывідуальна-аўтарскім кантэкстам, які адлюстроўвае погляды сучаснага рускага драматурга на гістарычныя падзеі. Дэманструецца інфармацыйны патэнцыял анамапаэтычнай лексікі, які найбольш поўна раскрываецца падчас аналізу ўзаемадзеяння мастацкага кантэксту і паэтонімаў драмы. Паказваецца карэляцыя спецыфікі інтэрпрэтацыі імя персанажа з хранатопам апісаных у п'есе падзей.

Образец цитирования:

Петрачкова ИМ. Интерпретация ономапоэтической лексики в постмодернистской драме М. Ю. Угарова «Голубы». *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2023;1:32–42.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-32-42>

For citation:

Petrachkova IM. Interpretation of onomapoetic vocabulary in the postmodernist drama of M. Yu. Ugarov «Doves». *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;1:32–42. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-32-42>

Автор:

Инна Михайловна Петрачкова – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой русского языка как иностранного факультета иностранных студентов.

Author:

Inna M. Petrachkova, PhD (philology), docent; head of the department of Russian language as foreign, faculty of international students.
innamihail@mail.ru

мастацкім кантэкстам і асаблівасцямі ўвасаблення аўтарскай пазіцыі. Выяўляюцца схаваныя сэнсы намінацый, абумоўленыя фрагментамі п'есы і канцэпцыяй драматурга. Вызначаюцца анамапаэтычныя тэндэнцыі стварэння літаратурных імён і выкарыстання іх магчымасцей, ўласцівыя ідэястылю М. Ю. Угарова (спалучэнне класічных і наватарскіх рыс).

Ключавыя словы: імя ўласнае; антрапаэтонім; анамапаэтычныя сродкі; онім; драма; п'еса; інтэрпрэтацыя; паэтонім; варыянт; прэцэдэнтнае імя.

INTERPRETATION OF ONOMAPOETIC VOCABULARY IN THE POSTMODERNIST DRAMA OF M. Yu. UGAROV «DOVES»

I. M. PETRACHKOVA^a

^aGomel State Medical University, 5 Lanhie Street, Homiel 246000, Belarus

The article examines proper names, functioning in the artistic context of the play «Doves» by M. Yu. Ugarov. All onomapoetic means are considered, represented by individual authorial and precedent anthroponyms, nominating the plot and extra-plot characters of the nostalgic drama, variants of personal names, as well as propria units of the second plan, the so-called background poetonims. The onomapoetic space of the play is analysed. The types of anthroponyms, their linguistic and extralinguistic possibilities are revealed. The conditionality of the choice of onomapoetic means by the individual authors context, reflecting the views of the modern Russian playwright on historical events, has been established. The informational potential of onomapoetic vocabulary is demonstrated, which is most fully revealed in the course of the analysis of the interaction between the artistic context and poetonims of the drama. The correlation of the interpretation of the characters name with the chronotope of the events described in the play, the artistic context and the embodiment of the authors position is shown. The hidden meanings of the nominations are revealed, due to the fragments of the play and the concept of the playwright. Onomapoetic tendencies of creating literary names and using their capabilities, which are inherent in the idiostyle of M. Yu. Ugarov (combination of classical innovative features), are determined.

Keywords: proper name; anthroponym; onomapoetic means; onym; drama; play; poetonym; interpretation; variant; precedent name.

Введение

Ономапоэтические изыскания по-прежнему остаются достаточно востребованными, популярными и ценными для современной филологии. Это подтверждают темпы неуклонного и достаточно быстрого увеличения количества отечественных научных публикаций, посвященных различным вопросам литературной ономастики. В поле зрения В. В. Шура [1; 2] и О. А. Лещинской [3] находятся антропонимы и топонимы в белорусских поэтических и прозаических художественных текстах. Исследования по ономапоэтике А. Ф. Рогалёва непосредственно касаются типологии имен собственных, особенностей заголовков произведений русской литературы XVIII–XIX вв., а также функциональных составляющих поэтонима в русских сказках и творениях писателей-классиков [4; 5]. Вопросы прецедентности имени собственного, специфики реализации его метафорических возможностей рассматривают И. Э. Ратникова [6; 7] и О. В. Шеверина [8]. В центре внимания работ С. Ф. Бут-Гусаим оказываются проблемы, связанные с установлением роли антропонимов как жанрообразующего ресурса в произведениях исторической прозы, а также с раскрытием национально-культурной специфики проприальных единиц в творчестве белорусских прозаиков [9]. Ряд научных трудов, направленных на выявление функций мифологических и библейских номинаций в русской поэзии Серебряного века, принадлежит Е. Ю. Муратовой [10; 11]. В публикациях О. В. Шевериновой [12; 13] актуализируется применение социопрагматического и сравнительно-сопоставительного подходов к изучению русского и немецкого ономастикона произведений В. П. Астафьева и Г. Бёлля. Анализу ономастической лексики, а именно антропонимов и топонимов, функционирующих в русских и белорусских поэтических и прозаических художественных текстах, посвящены работы А. Н. Деревяго [14], Т. П. Слесаревой [15] и др. Библиография исследований по ономапоэтике российских ученых является еще более обширной. Так, А. А. Фомин подробно обозревает основные тенденции развития русской литературной ономастики, ее итоги и перспективы, приводит спектр ономастических школ и направлений, перечисляет имена их основателей (О. И. Фомин, Г. Ф. Ковалёв, В. И. Супрун, А. Г. Митрошкина, Н. В. Васильева и др.) и последователей [16].

Становление современной ономапоэтики и формирование особого подхода к изучению литературного имени связаны с работами представителей донецкой ономастической школы (В. Н. Михайлов [17], Е. С. Отин¹ и В. М. Калинин [18]).

Научная новизна настоящей статьи состоит в том, что в ней впервые интерпретируется ономапоэтическая лексика пьесы М. Ю. Угарова «Голуби». Выявление специфики имен собственных, функционирующих в художественном контексте этого произведения русской драматургии второй половины XX в., представляется интересным, актуальным и перспективным, поскольку ранее данный материал не рассматривался. Вместе с тем следует заметить, что вопросы функционирования поэтонимов в творчестве М. Ю. Угарова и проблемы интерпретации имен собственных приходится признать вовсе не изученными. В целом с точки зрения онимики драматургии второй половины XX в. литературная ономастика остается неизведанной практически во всех аспектах. Раскрытие информационного потенциала поэтонима, установление его природы, более детальное рассмотрение имен собственных не только как лингвистической, но и как экстралингвистической категории способствуют решению ряда методологических проблем языкознания и литературоведения. Благодаря анализу имен собственных можно достигнуть общей для лингвистов и литературоведов филологической цели – интерпретации текста. Работа в этом направлении обогатит литературную ономастику свежими идеями и концепциями, позволит взглянуть на ее предмет под новым углом.

Материалы настоящей статьи полезны как для установления специфики идиостиля М. Ю. Угарова, выявления традиционных и новаторских тенденций номинации героев в текстах русской драматургии постмодернизма, так и для констатации общих ономапоэтических универсалий, присущих произведениям рубежа веков, написанным для театра. Данное ономастическое исследование является логическим продолжением предыдущих работ автора настоящей статьи и расширяет круг выявленных ранее закономерностей использования ономапоэтических средств в ностальгических драмах исторической направленности Е. А. Греминой – другого русского драматурга конца XX в. [19].

Материалы и методы исследования

Материалом исследования служат имена собственные, извлеченные методом сплошной выборки из художественного контекста постмодернистской пьесы М. Ю. Угарова «Голуби» (1988) [20], в фокусе их ономапоэтического прочтения. Выявлены 16 проприальных единиц, 7 из которых, не считая их варианты, являются антропоэтонимами, 9 – фоновыми именами собственными. Объект изысканий – ономапоэтическое пространство (поэтонимосфера) драмы. Под термином «ономапоэтическое пространство» подразумеваются все имена собственные, функционирующие именно в художественном (вымышленном) произведении. Это понятие отличается от термина «ономастическое (онимическое) пространство» (СРОТ, с. 96, 98), зафиксированного Н. В. Подольской, который, по мнению автора настоящей статьи, уместно употреблять скорее по отношению к реальному ономастикону. Вместе с тем во вступительном очерке к книге «Словарь русской ономастической терминологии» Н. В. Подольская отмечает, что «...обозначение данным словом данного понятия – вещь условная. <...> Слово-термин может меняться» (СРОТ, с. 8), и «вполне отдает отчет в своей ответственности... за возможную неполноту словника, за неточность некоторых дефиниций, связанную с неуточненностью в настоящее время отдельных ономастических понятий» (СРОТ, с. 6). Кроме того, Н. В. Подольская полагает, что «познание всех сфер ономастического пространства продолжается непрерывно и заставляет пересматривать соотношения понятий, включая новые понятия» (СРОТ, с. 12).

Предметом изучения являются возможности ономапоэтической лексики, которая охватывает все классы имен собственных (антропоэтонимы и фоновые номинации), функционирующих в ностальгической пьесе М. Ю. Угарова «Голуби». Цели работы – интерпретация номинаций, представленных в художественном контексте произведения, и установление основных ономапоэтических тенденций, присущих писателю в рамках созданного им художественного метода постмодернистской ностальгической драмы. Поставленные цели требуют решения следующих задач: распределения и группировки всех имен собственных, введенных автором в художественный текст, с точки зрения парадигматического, семантического, этимологического, лингвокультурологического и прагматического подходов, выявления степени реализации всех возможных рациональных смыслов имен собственных в текстовом поле пьесы, а также установления традиционных и новых приемов создания и употребления поэтонимов с помощью методов количественного подсчета и дескрипции.

¹Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк : Юго-восток, 2010. 517 с.

Результаты и их обсуждение

Имена собственные занимают важное место в драматургических произведениях конца XX в. Несмотря на то что количество ономастической лексики в постмодернистских драмах сравнительно невелико, они, наряду с немногочисленными ремарками, репликами действующих лиц и особенностями актерской игры, является весьма важным выразительным художественным средством, присутствующим в арсенале писателя для воплощения творческого замысла и передачи индивидуально-авторских мировоззренческих позиций.

Проблема интерпретации художественного текста вообще и имени собственного, функционирующего в художественном тексте, в частности имеет многовариантное решение, предполагает использование как лингвистической, так и литературоведческой методологии, поскольку литературная ономастика (ономапэтика) – дисциплина, которая находится на стыке языкознания и литературоведения. Исходя из этого под таким методом научного познания, как интерпретация имени собственного, функционирующего в художественном тексте, следует понимать рефлексию симбиоза лингвистической и литературоведческой информации, содержащейся в ониме и необходимой для многоаспектного филологического изучения художественного произведения. Поэтонимы, избранные М. Ю. Угаровым, содержат богатую лингвистическую, историко-культурологическую и литературоведческую информацию.

В художественном контексте новаторской пьесы каждая проприальная единица представляет собой достаточно информативную часть текста. Целью использования таких номинаций является достижение писателем большей художественной выразительности. Ономапэтическая лексика – это особая группа имен собственных, состав которой ограничивается только номинациями, принадлежащими литературному (виртуальному) произведению. Анализ ономапэтической лексики позволяет проследить процесс творческого развития авторской концепции драматурга.

Известно, что в 1990-х гг. М. Ю. Угаров, в отличие от многих авторов-современников, последователей театра абсурда, активно обращался к классической литературе, создавая новые варианты хорошо известных сюжетов и собственные трактовки исторических событий. Одним из таких произведений является пьеса «Голуби», в которой посредством ретроспективного диалога автор обращает внимание на реальные события прошлого и представляет свое видение истории. Сюжет разрабатывается в жанре ностальгической драмы, объединяющей черты документальной и психологической пьесы. События, отраженные в драме М. Ю. Угарова, созвучны событиям сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» исторической трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». Действия пушкинского произведения разворачиваются в 1603 г., когда Россией правит царь Борис Годунов, но совсем скоро на престол взойдет самозванец (бывший монах). Существует разногласие во мнениях об этом историческом периоде, поскольку в то время ни царь, ни его приближенные не вели дневников. Об этой эпохе сохранились лишь скудные свидетельства русских историографов XVII в. В драме «Голуби» М. Ю. Угаров предлагает собственную версию этих событий. Его пьеса представляет собой историю трех монахов (Варлаама, Григория, Федора), рассказанную в философском, драматическом ключе.

Одной из важных тенденций современной драматургии является использование весьма ограниченного числа имен собственных, номинирующих сюжетных персонажей. Несмотря на это, масштабность и глобализм проблем, поднимаемых в пьесе, требуют привлечения в художественный контекст историй, в которых упоминаются имена внесюжетных персонажей. Они не появляются на сцене, однако об их жизнях и роли в судьбе действующих лиц читатели узнают из реплик героев пьесы. В драме «Голуби» внесюжетные персонажи становятся значимыми участниками происходящих событий, поэтому выбор номинаций для таких персон, безусловно, актуализируется писателем.

По способу художественной номинации антропонимы произведения (44 % от общего числа имен собственных) подразделяются на две группы. В первую группу входят индивидуально-авторские имена (4 языковые единицы, не считая их варианты, или 57 % от общего числа антропонимов), которые представлены онимами сюжетных (*Варлаам / Варлаамушка / Варлаамка / Варя / раб божий Варлаам, Федор / Федя / Феденька / Федька / Федька-писец / Федь / раб божий Федор, сын Богданов, Гриша / Гришка / Григорий*) и внесюжетных (*Алексей / Алешка*) героев. Вторую группу составляют прецедентные имена (3 языковые единицы, или 43 % от общего числа антропонимов) – онимы внесюжетных персонажей (*Дмитрий-царевич / Дмитрий / царь Димитрий Иоаннович, Борис / Борис Федорович Годунов, Грозный*).

Под индивидуально-авторскими именами имеются в виду имена собственные, которые обладают определенным прагматическим ресурсом, являются результатом индивидуального творчества художника слова и выражают авторские интенции. Особенность употребления индивидуально-авторских имен в драме «Голуби» состоит в том, что М. Ю. Угаров использует только металогически значимые номинации (семантика поэтонима опосредованно, фигурально, косвенно или скрыто характеризует

персонажа) [21, с. 69–70]. К металогически значимым именам собственным относятся косвенноговорящие, скрытоговорящие и прецедентные поэтонимы. Граница между данными типами номинаций является весьма виртуальной, поскольку активация сем имени, как правило, обусловлена уровнем образованности читателя (зрителя), а также тем, появляются ли в его восприятии нужные параллели и соответствия. Все индивидуально-авторские имена, номинирующие сюжетных действующих лиц пьесы «Голуби», принадлежат к группе так называемых скрытоговорящих поэтонимов. Понятие «скрытоговорящие поэтонимы» выделяется по аналогии с терминами «прямоговорящие поэтонимы» и «косвенноговорящие поэтонимы». Скрытоговорящие имена собственные представляют собой не качественно новый тип поэтонимов, изобретенный русскими писателями второй половины XX в., а такой же, как и прямо- и косвенноговорящие поэтонимы, способ характеристики действующих лиц, подчеркивания их отличительных внешних либо (чаще всего) внутренних черт, связанных с особенностями поведения, спецификой воззрений, характером, местом в обществе, профессией, интересами, склонностями, привычками и др. Традиционно в поэтической ономастике, особенно при исследовании литературных имен в произведениях русской классической литературы XIX в., имена, которые автор настоящей статьи интерпретирует как скрытоговорящие, имели иное терминологическое обозначение (имена с подтекстом, имена в подтексте произведения) [22, с. 62].

Безусловно, скрытоговорящие поэтонимы отличаются от косвенноговорящих поэтонимов и тем более от прямоговорящих поэтонимов. Если прямоговорящие поэтонимы непосредственно описывают человека (это своеобразная цветная фотография изображаемого объекта), а косвенноговорящие поэтонимы основываются не на прямом соответствии имени обозначаемому объекту, а на мыслимых семантических ассоциациях и обычных созвучиях (это своего рода эскизы-наброски, в которых тем не менее подмечены какие-то выразительные черты действующего в художественном тексте персонажа или жизненный эпизод, отразившийся на его судьбе, причем эта черта или эпизод подсказывается читателю либо в авторских ремарках, либо в репликах героев, а порой откровенно раскрывается самим именуемым), то скрытоговорящие поэтонимы характеризуют героев произведения еще менее заметно, поэтому они могут казаться вполне нейтральными, неговорящими. Эффект скрытости, завуалированной значимости имен данного типа достигается за счет создания онима или использования реально существующего имени собственного, в основе которого лежит устаревшее, забытое, малоизвестное или неизвестное широкой аудитории диалектное либо иноязычное слово. Их значимость возможно раскрыть лишь сопоставив скрытое происхождение проприальной единицы с соответствующим контекстом произведения [21, с. 71].

Так, иноязычная этимология христианских имен, избранных для номинации сюжетных действующих лиц драмы М. Ю. Угарова, эксплуатируется автором по оппозиционному принципу относительно подлинной сущности самих персонажей, а именно греховности монахов, чтобы еще контрастнее оттенить характеры Федора и Варлаама. Каждый из них совершил грех убийства. Духовно-церковная семантика имени собственного *Федор* (от греч. Θεός – бог, δῶρον – дар, т. е. Божий дар (ССЛИ, с. 220)) полярна семантике греха детоубийства: *ФЕДОР. Да что тут говорить – как я ребенка малого – забил?! И палкою его! И кипятком! Много ли ему надо? Вмиг уходили мы его... (Шепчет.) С девкою одною. Был грех... [20, с. 17].* Более того, Федору присущ грех гордыни. Он не может смириться с ролью переписчика, через чужое слово ему необходимо реализовать собственную позицию, творческий потенциал: *ВАРЛААМ. <...> Вот, смотри, Федор², вот! (Тычет пальцем в лист.) Раз, два, три, четыре, пять! Пять раз прописался. Слово опустил. А слово, оно – значит!.. <...> А ведь это не одним годом собрано, сам знаешь, каким усердием. <...> Не дело это, Федор, не дело... У тебя всяк учиться рад... да не прописывай только! [20, с. 20], ФЕДОР. Вот ты говорил – прописываю, мол. Есть такое. А есть – и подписываю [20, с. 20].* Так Федор осуществляет рефлексивное прочтение чужого текста, включая в него свое слово: *ФЕДОР. Моя воля. Что хочу – то и делаю [20, с. 21].* По его мнению, репрезентация истории зависит от авторской воли: *ФЕДОР. А воля-то – моя. <...> Вот тут-то уж (тычет пальцем в лист) – тут-то он (царь. – И. П.) – червь! А я – царь [20, с. 21].* Вместе с тем в художественном контексте пьесы скрытая семантика имени собственного всецело воплощается в своем исходном значении: и Варлаам, и Григорий искренне восхищаются талантом Федора, его Божьим даром, указывая на то, что у него *всяк учиться рад*, ему *впору хоть и золотом писать* [20, с. 20]. Так, самый старший из монахов-книгописцев, 24-летний Варлаам, пришел в восторг от качества письма Федора: *ВАРЛААМ... Рука... Вот оно, что рука значит! Да, легка рука! Легкая рука... Большое дело. Легкая рука головы стоит. Ведь как легкой-то рукой описывает... У всех рука суше будет, а у этого... [20, с. 9], ВАРЛААМ. О, Господи! <...> Спасибо, рука у него умная, а то... [20, с. 14].* В свою очередь, Варлаам, восхищаясь талантом писца, *положил кисть Федора себе на лицо* и прошептал: *ВАРЛААМ. <...> У Господа нашего такие руки были... [20, с. 13].*

²Полужирный курсив в цитатах наш. – И. П.

Этимологии личного имени *Варлаам* с высокой религиозной коннотацией (от халдейск. *bar* – сын, *lahama* – дородность, тучность или *laham* – хлеб, т. е. сын Бога или сын хлеба (ССЛИ, с. 59)) противопоставлено то, что герой виновен в смерти сожженного им монаха. Об этом становится известно из диалога двух иноков: *ВАРЛААМ (шепчет). Каменка топилась. А он и говорит: «Дождись, чтоб погасла, да дыру заткни, а до этого спать не ложись...».* *ГРИША. А ты?.. (Губами.) У-ШЕЛ? (ВАРЛААМ кивает.) И дыру... (Губами.) ПРИ-КРЫЛ? ВАРЛААМ (кивает). Никто и не подумал на меня... Я ведь громче всех плакал* [20, с. 26]. Варлааму не свойственны муки совести из-за произошедшего, что свидетельствует об отсутствии истинной веры у персонажа. Безусловно, художественный контекст пьесы лишь усиливает контраст семантики имени собственного и характера героя драмы.

На первый взгляд, антропонимы иноков Варлаама и Гриши не имеют четкой отсылки к конкретным историческим персонам, поскольку драматург не указывает о них дополнительную информацию (неизвестны их полные имена, фамилии, прозвища, происхождение и прочие детали). В связи с этим данные имена собственные не могут быть отнесены к прецедентным. Но в результате знакомства с художественным контекстом пьесы «Голуби», соотнесения интертекстов А. С. Пушкина и М. Ю. Угарова, а также сопоставления некоторых документальных исторических фактов становится очевидно, что данные проприальные единицы выбраны автором отнюдь не случайно. Они обладают суггестивностью (от англ. *suggestive* – указывающий, намекающий на что-либо, т. е. наводящий на размышления (АРУС, с. 1063)). Оним называется суггестивным, если он заставляет усиленно работать воображение читателя (зрителя), вызывает яркие эмоциональные переживания, формирует мировоззрение или обновляет старое миропонимание в пределах художественного пространства пьесы. В поиске множества решений по реализации индивидуально-авторской задумки, доктрины созданной пьесы, писатель, как правило, прибегает к такому ономапотическому средству, как выбор суггестивного имени собственного, наводящего на мысли и ассоциации, а также обладающего определенным завуалированным семантическим дифференциалом. В итоге имя собственное обретает смысл через механизм его раскодирования. У поэтонима возникает запланированный драматургом механизм воздействия на аудиторию [23, с. 299–300]. Имя собственное проявляет суггестивные возможности лишь в том случае, когда в сознании аудитории в результате эффекта внушения возникают именно те ассоциативные коды, которые позволяют извлечь из поэтонима непосредственно заложенный в него драматургом замысел.

Суггестивное имя монаха Григория, несомненно, становится явным указанием-намеком драматурга на документальный образ самозванца Григория Отрепьева (Лжедмитрия I). Однако посредством употребления этого поэтонима М. Ю. Угаров выражает свое видение истории эпохи Бориса Годунова, авторскую концепцию, отличную от уже имеющихся. Писатель предлагает фрагмент истории жизни Григория до самозванства. Исследуя внутренние мотивы зарождения желаний отказаться от собственного имени и обрести власть, драматург делает вывод о том, что Гриша не подходит на роль хитрого авантюриста, стремящегося к господству. В интерпретации М. Ю. Угарова герой невольно оказывается соблазненным злой идеей других персонажей, в частности его старших братьев-иноков: 19-летнего Федора и 24-летнего Варлаама. Таким образом, писатель автоматически выводит персонажа из событий большой истории, о чем свидетельствует нейтральный неформальный вариант имени (гипокористика (СРОТ, с. 50, 70)) действующего лица – *Гриша* (именно под этой вариативной формой персонаж выступает как действующее лицо драмы). Поведение Гриши говорит о его беззлобности, открытости, наивности, доведенных почти до абсурда: он искренне любит братьев, всецело доверяет им, внимает каждому их слову, кротко переносит обиды и даже побои Федора. Эти и прочие детали художественного контекста служат тому подтверждением. В пьесе Грише 17 лет, он клирошанин (от греч. κληρος – место для певчих перед алтарем (СРЯ-2, с. 59)), т. е. церковный певчий, символизирующий ангела (в народном сознании угаровская лексема *крылошанин* ассоциируется со словом *крыло*, а значит, и с ангелом). Этимология онима *Григорий* (от греч. γρηγορέω – бодрствовать (ССЛИ, с. 83)) также опосредованно, скрыто характеризует персонажа: в отличие от Федора, который страдает падучей болезнью и периодически спит на протяжении действия драмы, или Варлаама, который является достаточно степенным и сдержанным, лишь Григорий, пожалуй, по-настоящему энергичный, активный, живой, безгрешный, эмоционально искренний и открытый персонаж. Гриша оказывается единственным истинным голубем (в соответствии с христианской традицией в образе этой птицы актуализированы такие значения, как абсолютная чистота души, кротость и смирение). Кроме того, неучастие Гриши в спорах, возникающих между Федором и Варлаамом, характеризует его как нейтральную к мирским страстям и проблемам личность. Формирование психологии самозванства у Гриши происходит посредством бессознательного присвоения жизненного опыта других персонажей, а именно Федора и Варлаама, которые подталкивают героя выбрать такой путь. Варлаам рассказывает Григорию историю о спасенном царевиче Дмитрие, которого спрятали в монастыре: *ВАРЛААМ. Имя другое дали. Вот лежит он сейчас где-нибудь... спит...*

а не знает, что он – царь **Димитрий Иоаннович!** <...> Простой монах, всем кланяется, со всеми прост... А между тем... <...> Царь так царь. Так Бог велел! Лежит в грязной келье, всем в ноги кланяется, всяк его прогнать может. А на отцовском месте, где ему сидеть, – татарин сидит! <...> Ну, он, конечно, испугается сначала. <...> А потом, думает, соберу полки и поведу их на Москву. Татарина сгонять!.. Вот и нет испуга! <...> Сразу видать – царем будет! По всем приметам будет!.. [20, с. 31]. Гриша, узнав об этом, отнюдь не радуется, напротив, он пребывает в растерянности, испуге и ищет утешение в молитве.

Так, постепенно авторский художественный контекст драмы подводит к тому, что имя Григория ассоциируется с конкретным историческим лицом, дьяком (‘1. В древней Руси: до 14 в. – княжеский писец, в 14–17 вв. – должностное лицо, занимавшее ответственные посты в государственных учреждениях. 2. То же, что дьячок – низший церковный служитель, не имеющий степени причетник, псаломщик’ (СРЯ-1, с. 460)) Чудова монастыря Григорием Отрепьевым, а субъект – носитель номинации *Варлаам* отождествляется с иноком Варлаамом, в компании которого, по мнению исследователей, будущий Лжедмитрий убежал из московской обители. Между тем с помощью избранных ономапоэтических средств драматург лишь намекает на образы реальных персоналий прошлого, не ссылаясь в пьесе на данные факты истории. Более того, в отличие от А. С. Пушкина М. Ю. Угаров не обозначает и место действия, умалчивая о том, что все события происходят в Чудовом монастыре, и этим выражает программную для себя установку на предельный субъективизм, отсутствие каких-либо претензий на историзм и документализм.

Еще одна яркая особенность ономапоэтических средств драматургии М. Ю. Угарова заключается в сверхактивном использовании вариантов русского именослова, семантическом маркировании имен собственных как одного из средств экспрессивности, художественной выразительности, необходимого для передачи характерных черт межличностных отношений героев пьесы. В зависимости от событий художественного контекста пьесы М. Ю. Угаров с помощью вариантов имен собственных демонстрирует доверительные, нежные, дружеские, теплые, близкие отношения между героями при общении, которое происходит в довольно стесненных условиях монашеской кельи. Среди подобных лексических единиц выделяются:

- гипокористики (например, *Федя* (*ВАРЛААМ. Федя... А ведь и я убил* [20, с. 20], *ГРИША* (*наклоняется к Федору, тихо. Федя, а в падучей – нехорошо?* [20, с. 12]), *Гриша* (*ФЕДОР. <...> Пусти-ка, Гришиа* [20, с. 30], *ВАРЛААМ. <...> Руглив ты, Гришиа, не по годам руглив...* [20, с. 31]), *Варя* (так Гриша ласково называет Варлаама, что последнему отнюдь не нравится: *ГРИША* (*привстав, изумленно*). *Что ты, Варя, Бог с тобой – где лучше?! ВАРЛААМ. Еще Варей назовешь – прибыю. Вчера – прибил. <...> ГРИША. Хорошо, Варя* [20, с. 8]));

- квалитативы (СРОТ, с. 73), в том числе деминутивы (СРОТ, с. 71) *Варлаамушка* (*ГРИША. Смотри-ка, Варлаамушка, нога-то у него как хороша! Куда девушке...* [20, с. 16], *ГРИША* (*помолчав*). *Не трогай ты меня, Варлаамушка. Дай ты мне только выйти* [20, с. 23]), *Феденька* (*ВАРЛААМ. Видишь, Феденька, я и сам это знаю. <...> Видишь, наказание какое: руки не дали, и ум обманывается...* [20, с. 28]), пейоративы (СРОТ, с. 77) *Варлаамка* (Гриша, наблюдая за припадком Федора, шепчет: *ГРИША. <...> Варлаамка! Началось!* [20, с. 13], *ГРИША. Ой, Варлаамка... Ей-богу, ему сейчас худо будет!..* [20, с. 23]), *Федька* (за искаженный переписанный текст Варлаам зло угрожает Федору: *ВАРЛААМ* (*тихо*). *Тебе, Федька, Бог за это руку отсушит...* [20, с. 21], когда Федор укусил Гришу, тот возмущается: *ГРИША* (*плача*). *Ты, Федька... ты... соба-ака!* [20, с. 10]), *Гришка* (*ВАРЛААМ. Стой, Гришка!* [20, с. 24]), *Алешка* (*ГРИША. <...> Я Алешке рассказывал, как подошел ко мне ночью черный вплотную* [20, с. 9]).

Модификаты (варианты (СРОТ, с. 41)) имен отображают культурные традиции общества и несут в себе достаточно яркий прагматический потенциал: они транслируют эмоциональность и темперамент персонажей, передают искренность и душевность чувств действующих лиц, позволяют разнообразить речь, избежать повторов при номинации героев.

Автор пьесы использует официальные номинации монахов-книгописцев, обладающие порой определенными высокими книжными экспрессивными и оценочными коннотациями (*Варлаам* (это имя собственное используется, когда герои разговаривают о серьезных вещах, о временах [20, с. 24]: *ГРИША. <...> Варлаам, а, Варлаам, а поговори теперь ты со мной* [20, с. 15]) / *раб божий Варлаам* (*ВАРЛААМ. <...> В переписке могу накормить, но исказить не стану! Всегда, зачиная, пишу так: «Книгу сию писал раб Божий Варлаам...»* [20, с. 20]), *Федор* (*ВАРЛААМ. Ты не пей, Федор, больше* [20, с. 11]) / *Федор-писец* (в словах Варлаама ощущается ирония по отношению к другому переписчику: *ВАРЛААМ. О, Господи! Еще. Еще слово пропущено. Ай да Федор-писец!* [20, с. 20]) / *раб божий Федор, сын Богданов* (Варлаам находит и читает записку Федора, обращающегося к Богу: *ВАРЛААМ* (*читает*). *«Господи, помоги рабу твоему Федору, сыну Богданову. <...> Писать ему золотом...»* [20, с. 9]), *Григорий* (имя собственное употребляется как знак проявления самоуважения: *ГРИША. <...> Кто бы меня так спросил: есть ли хоть, мол, минутка, Григорий, когда тебе не скучно?..* [20, с. 14]), *Алексей* (*ГРИША. <...> В прошлый раз вот так же с Алексеем сидели, а он* (Федор. – И. П.) *лежал...* [20, с. 9]) и др.).

Сложность организации художественного контекста предполагает множественность его интерпретаций, поэтому автор должен ввести в текст ориентиры, чтобы сузить это множество трактовок до тех, которые он подразумевает. Для введения таких ориентиров художник слова обращается к общеизвестным фактам, произведениям литературы, достижениям культуры, легко узнаваемым широким кругом лиц. Прецедентные имена являются теми константами художественного мира писателя, благодаря которым реализуется авторский замысел. Каждое драматургическое произведение также содержит в себе информацию, реализующую авторскую точку зрения в сознании читателя (зрителя).

С этой целью М. Ю. Угаров использует в ностальгической драме «Голуби» так называемые прецедентные имена, которые представляют собой имена реальных лиц (узуальные онимы) – личные имена, отчества, фамилии, прозвища исторических персон. Прецедентные имена и словоупотребления с ними подразделяются на две группы по критерию *денотация – коннотация*. Их дифференциация обусловлена раскрытием социально-исторического или филологического контекстов [19, с. 130–131].

В текстовом пространстве пьесы «Голуби» в основном присутствуют денотативные прецедентные имена – онимы, несущие в себе определенный культурный код и создающие образность произведения, но не участвующие при этом в создании метафорических смыслов, принципиальной выразительности, экспрессивности или фигуральности. Это собственно узуальные реминисценции, имена собственные исторических деятелей. Прежде всего они применяются для отражения историко-культурного фона, воссоздания хронотопа, убеждения аудитории в возможности представленных фактов. В ностальгической драме используются внесюжетные (лишь упоминаемые в художественном тексте) имена исторических персонажей (реалионимы *Дмитрий-царевич / Дмитрий царь / Димитрий Иоаннович / Димитрий, Борис / Борис Федорович Годунов, Грозный*) в целях указания на отнесенность описываемых исторических событий к XVII в. Онимы обладают определенной энциклопедической информацией. Реальный именник, с одной стороны, наполняет пьесу М. Ю. Угарова жизненностью, открытостью и правдивостью, а с другой стороны, служит знаком эпохи описываемых в драме событий, передает реальные факты, отражает нравственные категории определенного периода. В пьесе автор пытается восстановить предысторию появления Лжедмитрия I (Дмитрия-царевича), якобы ранее убитого законного наследника Иоанна Грозного, который претендовал на трон вместо Бориса Годунова. По распространенной версии многих историков, именно Григорий Отрепьев, монах, дьяк Чудова монастыря (в московском Кремле), в начале XVII в. бежал оттуда и впоследствии выдавал себя за царевича Дмитрия, а в 1605 г. взошел на русский престол под именем Дмитрия I. Одна из версий произошедшего была отражена еще в пьесе А. С. Пушкина «Борис Годунов». Известно, что пушкинская трагедия основана на данных исторических событиях. Благодаря применению М. Ю. Угаровым прецедентных имен представляется возможным соотнести эти два литературных контекста, воссоздать колорит эпохи XVII в., выдвинуть на суд читателя (зрителя) собственную версию произошедшего.

К номинациям второго плана относятся фоновые имена. В художественном контексте драмы «Голуби» в качестве подобных имен собственных выступают топонимы (хоронимы *Сибирь, Индия*, полисонимы *Казань, Астрахань, Серпейск, Москва*), идеоним («Голуби»), культонимы (библейзмы) (*Господь / Господи / Бог / Боженька, Христос, Богородица / Матушка / Матушка Божия*).

Произведения современной русской драматургии рубежа веков, в том числе творчество М. Ю. Угарова, отличает преобладание номинаций второго плана (56 % от общего числа проприальных единиц). Представленные разряды фоновых имен в основном связаны с отражением фактов биографии сюжетных и внесюжетных героев драмы. Например, полисонимы *Казань, Астрахань, Москва* призваны напомнить читателям (зрителям) о заслугах русских царей Иоанна Грозного и Бориса Годунова в обустройстве государства. Топоним *Серпейск* обозначает место, где совершил грех-преступление (убийство старца-келейника) инок Варлаам.

Но главным фоновым именем собственным является заглавие пьесы. С точки зрения грамматической формы название ностальгической драмы «Голуби» представляет собой отдельную словоформу имени существительного во множественном числе. На первый взгляд оно является вполне нейтральным. Оним отождествляется с формой множественного числа именительного падежа одушевленной лексемы *голубь* ‘птица средней величины с коротким клювом, большим зобом и оперением разнообразной окраски (обычно серовато-голубой или белой)’, которая в переносном значении употребляется как ласково-фамильярное обращение к мужчине (СРЯ-1, с. 329). Во-первых, в художественном контексте драмы крылошанин Гриша, демонстрируя искреннюю любовь, привязанность, заботу и восхищение, неоднократно обращается к своему брату-монаху Федору именно так: *ГРИША (снова садясь на пол). Голубь, голубь... (Залезает на кровать к Федору и дует ему в лицо.) ВАРЛААМ. Отстань! Слышишь, не трогай его. ГРИША (печально). Нет. Не вернулся еще, голубь* [20, с. 7–8], *ГРИША (лежа). Голубь, голубь... ФЕДОР. Отвяжись!* [20, с. 11], *ВАРЛААМ. Фу ты, черт! Не умер ли... (Прислушивается.) (Спит.) ГРИША.*

Голубь, голубь... [20, с. 14], *ВАРЛААМ. Сунь ему тряпку в рот, чтоб языка не прикусил! ГРИША. Голубь, голубь...* [20, с. 23], *ГРИША. А и пойду. (Забирается к Федору на постель.) Как хорошо с тобой, Федя. ФЕДОР. Еще голубем назови...* *ГРИША. А и назову. Назову. Голубь ты мой серебряный...* [20, с. 27].

Во-вторых, такое обращение отнюдь не случайно, поскольку, когда речь идет о монахах, апеллятив *голубь*, вероятнее всего, выступает в качестве христианской эмблемы Святого Духа, символизирующей духовную чистоту и непорочность. Однако в образе Федора присутствует мало подобных черт. Хотя Гриша и отмечает, что у Федора пальцы *как перья птички... белые* [20, с. 193] и называет его серебряным голубем [20, с. 27], монах-книгописец является грешником: он несет ответственность за смерть ребенка, является тщеславным и горделивым человеком. По мнению автора настоящей статьи, таким образом драматург намекает на одноименный роман Андрея Белого, в котором серебряный голубь воплощает лжесвятого духа тьмы, корысти. В христианском каноне голубь, как зримый образ Святого Духа, должен иметь золотой цвет (золотой голубь парит над престолом православного храма, золото символизирует вечность, нетленность, солнечный свет духовной истины), тогда как голубь серебряного цвета ассоциируется с лунным, ночным светом, греховностью. Те же коннотации связаны с образом Федора. Так, лексема, которая легла в основу названия пьесы, способствует формированию догадки относительно темы пьесы, связанной с религиозными понятиями. Особое внимание обращает на себя пролог, в котором указывается место описываемых событий – келья в монастыре [20, с. 7]. Автор демонстративно проводит лексему *голубь* рефреном по всему художественному контексту пьесы, делает звуковой акцент на ее заглавии в заключительной ремарке: *Гулят голуби* [20, с. 32].

В-третьих, особенно по-современному переосмысливается лексема *голуби* там, где автор рисует сцены невинных, на первый взгляд, гомоэротических игр монахов-переписчиков (*ФЕДОР. <...> (Вскакивает с кровати, подхватывает с полу ГРИШУ и кладет его на постель, укрывает.) ГРИША. Ах ты, господи, хорошо-то как... ФЕДОР (прыгает на постель). Давай полюбимся? (Целует его в губы. ГРИША отбивается, мычит.)* [20, с. 10]), которые постепенно наполняются все более тревожным смыслом. Большинство историков сходятся во мнении о том, что гомосексуалистов называют голубыми из-за того, что эти мужчины часто именуют друг друга голубями (голубками). И если поначалу заголовок драмы не совсем понятен, то впоследствии он может рассматриваться как намек на гомосексуальные отношения между братьями-монахами. Таким образом, суггестивное заглавие пьесы приобретает спектр смыслов, связанных с раскрытием не только темы, но и целого ряда идеологических подтекстов, иллюстрирующих индивидуально-авторский взгляд на историю, морально-этические принципы прошлых времен, проблемы греховности и безгрешности.

Вполне закономерным представляется обильное применение таких фоновых имен собственных, как культонимы (библейзмы), поскольку действие драмы разворачивается в келье монастыря, а главными героями являются монахи, люди достаточно религиозные, постоянно обращающиеся к Богу. Так, Гриша, узнав о том, что он, возможно, является царевичем Димитрием Иоанновичем, испугавшись, как истинный христианин, прежде всего ищет утешение в молитве: *ГРИША (шепчет). Господи!.. Нет, не так... Не то это... (Встает.) Богородица, матушка!.. Все упование мое на Тебя возлагаю... Матушка Божия! Сохрани Ты меня под покровом Твоим!..* [20, с. 32]. В текстовом поле драмы регулярно встречаются фразы, в которых фигурируют данные номинации либо используются устойчивые выражения с культонимами типа *Бог с тобой* [20, с. 8], *слава Богу* [20, с. 9], *скажи ты мне ради Бога* [20, с. 19], *Бога ради* [20, с. 20, 23, 58], *прости нас, Боженька* [20, с. 12], *Господом нашим прошу, уйди* [20, с. 19], *по Божьему изволению* [20, с. 20, 22] и др. Использование подобных поэтонимов способствует реалистичной передаче мировоззрения и помыслов персонажей пьесы, воссозданию атмосферы монастырской жизни XVII в.

Выводы

Ономапоэтическая лексика является важнейшей составляющей драматургического текста и обладает огромным информационным потенциалом. В ностальгической драме «Голуби» М. Ю. Угаров использует металогически значимые антропоэтонимы сюжетных и внесюжетных персонажей (прецедентные и индивидуально-авторские скрытоговорящие проприальные единицы), а также фоновые номинации второго плана (в частности, топонимы, культонимы, идеонимы и др.). Интерпретационные ресурсы поэтонимов (раскрытие затемненной семантики (этимологии) имен собственных либо выявление аллюзивных связей онима с денотатом, номинации с художественным контекстом, установление суггестивности проприальной единицы, определение роли вариантов личного имени и даже фиксация корреляции разных парадигматических классов ономастических средств) позволяют драматургу, ограниченному рамками жанровых канонов произведения, написанного для театра, максимально полно воссоздать исторический хроно-топ, дать исчерпывающую характеристику действующим лицам и выразить индивидуально-авторскую

концепцию реконструируемых в драме событий прошлого. Ономапоэтические наблюдения позволяют зафиксировать в идиостиле М. Ю. Угарова тенденции создания современного драматургического текста.

К классическим чертам идиостиля относятся использование традиционного русского именослова, металогически значимых имен собственных со скрытым подтекстом (*Варлаам, Федор, Григорий*), культонимов (*Господь, Богородица, Бог*), прагматического ресурса всего разнообразия вариантов личных имен (*Федя / Федька / Федор, Варлаам / Варя / Варлаамка* и др.), взаимодействие и реалистичное соответствие антропонимов и номинаций второго плана (монахи *Варлаам, Гриша и Федор*), а также многозначность трактовок одного поэтонима (*Федор, Григорий / Гриша*). В число новаторских черт идиостиля входят употребление небольшого числа проприальных единиц в художественном контексте (16 имен собственных), преобладание фоновых имен (56 %) над антропонимами (44 %), эксплуатация исключительно денотативных (энциклопедических) значений, интертекстуальных возможностей прецедентных имен, отсутствие у них коннотативных метафорических смыслов (*Иоанн Грозный, Борис Годунов*), а также суггестивность отдельных номинаций (*Гриша / Григорий, «Голуби»*).

Сокращения

АРУС – Англо-русский учебный словарь : в 2 т. Т. 2. М – Z / под ред. Ю. А. Лысенковой. М. : АСТ, 2006. 1500 с. (Серия «Collins COBUILD»); **СПОТ** – Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / под ред. А. В. Суперанской. М. : Наука, 1978. 198 с.; **СРЯ-1** – Словарь русского языка : в 4 т. Т. 1. А – Й / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1985. 696 с.; **СРЯ-2** – Словарь русского языка : в 4 т. Т. 2. К – О / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1986. 752 с.; **ССЛИ** – Суперанская А. В. Современный словарь личных имен. Сравнение. Происхождение. Написание. М. : Айрис-пресс, 2005. 384 с.

Библиографические ссылки

1. Шур ВВ. *Онім у мастацкім тэксце*. Мінск: Беларускі кнігазбор; 2006. 216 с.
2. Шур ВВ. *Уласнае імя ў мастацкім тэксце*. Мазыр: Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна; 2010. 207 с.
3. Ляшчынская ВА. *Слова ў паэзіі Янкі Купалы*. Падлужны АІ, рэдактар. Мінск: Беларуская навука; 2004. 272 с.
4. Рогалев АФ. *Имя и образ: художественная функция имен собственных в литературных произведениях и сказках*. Гомель: Барк; 2007. 224 с.
5. Рогалев АФ. *Ономастика художественных произведений*. Гомель: Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины; 2003. 194 с.
6. Ратникова ИЭ. *Антиномия узуса и возможностей языка в ономастической семантике*. Минск: БГУ; 1999. 24 с.
7. Ратникова ИЭ. *Имя собственное: от культурной семантики к языковой*. Минск: БГУ; 2003. 214 с.
8. Шеверина ОВ. Прецедентное имя в индивидуально-авторской картине мира В. П. Астафьева. *Studia Wschodniosłowiańskie*. 2016;16:325–332.
9. Бут-Гусаім СФ. *Жанраўтваральная роля антрапонімаў у гістарычнай прозе берасцейскіх пісьмэннікаў*. Брэст: Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна; 2013. 111 с.
10. Муратова ЕЮ. *Лингвопоэтика Марины Цветаевой*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2005. 96 с.
11. Муратова ЕЮ. *Смыслы слова в системе поэтического языка XX века*. Минск: БГУ; 2008. 207 с.
12. Шеверина ОВ. Художественные ономастиконы произведений В. П. Астафьева и Г. Бёлля как отражение русского и немецкого национально-культурных пространств. *Ученые записки ВГУ им. П. М. Машерова*. 2016;21:148–153.
13. Шеверина ОВ. Социопрагматическая информативность фамилий в творчестве Г. Бёлля. *Известия Смоленского государственного университета*. 2020;3:143–155. DOI: 10.35785/2072-9464-2020-51-3-143-155.
14. Деряго АН. *Имя собственное в художественном тексте*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2008. 239 с.
15. Слесарева ТП. Ономастическое пространство романа Н. С. Лескова «Чертовы куклы»: семантический аспект. В: Ганцовская НС, Супрун ВИ, Неганова ГД, редакторы. *Ономастика Поволжья. Материалы XVIII Международной научной конференции; 9–10 сентября 2020 г.; Кострома, Россия. Том 2*. Кострома: Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова; 2020. с. 288–293.
16. Фомин АА. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы. *Вопросы ономастики*. 2004;1:108–120.
17. Михайлов ВН. *Лингвистический анализ ономастической лексики в художественной речи*. Симферополь: Симферопольский государственный университет имени М. В. Фрунзе; 1981. 28 с.
18. Калинин ВМ. *Поэтика онима*. Донецк: Юго-Восток; 1999. 408 с.
19. Петрачкова ИМ. Ономапоэтические универсалии в ностальгических драмах Елены Анатольевны Греминой. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки*. 2022;9:127–135.
20. Угаров МЮ. Голуби. В: Гремина ЕА, Угаров МЮ. *Пьесы и тексты. Том 2*. Москва: Новое литературное обозрение; 2019. с. 7–32.
21. Петрачкова ИМ. Своеобразие онимических средств в драматургических текстах театра абсурда Дмитрия Липскерова. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021;1:64–76.
22. Магазаник ЭБ. *Ономапоэтика, или «говорящие имена» в литературе*. Ташкент: Фан; 1978. 146 с.
23. Петрачкова ИМ. Суггестивность имен собственных в постмодернистской драме Михаила Юрьевича Угарова «Зеленые щеки апреля». В: Скуридина СА, редактор. *Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы III Международной научной конференции; 20–22 апреля 2022 г.; Воронеж, Россия*. Воронеж: Воронежский государственный технический университет; 2022. с. 299–303.

References

1. Shur VV. *Onim u mastackim tjeksce* [Onym in an artistic text]. Minsk: Belaruski knigazbor; 2006. 216 p. Belarusian.
2. Shur VV. *Ulasnae imja w mastackim tjeksce* [Proper name in an artistic text]. Mazyr: Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin; 2010. 207 p. Belarusian.
3. Ljashchynskaja VA. *Slova w pajezii Janki Kupaly* [Words in Yanka Kupala's poetry]. Padluzhny AI, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2004. 272 p. Belarusian.
4. Rogalev AF. *Imya i obraz: khudozhestvennaya funktsiya imen sobstvennykh v literaturnykh proizvedeniyakh i skazkakh* [Name and image: the artistic function of proper names in literary works and fairy tales]. Homiel: Bark; 2007. 224 p. Russian.
5. Rogalev AF. *Onomastika khudozhestvennykh proizvedenii* [Onomastics of works of art]. Homiel: F. Skorina Gomel State University; 2003. 194 p. Russian.
6. Ratnikova IE. *Antinomiya uzusa i vozmozhnostei yazyka v onomasticheskoi semantike* [Antinomy of usus and language possibilities in onomastic semantics]. Minsk: Belarusian State University; 1999. 24 p. Russian.
7. Ratnikova IE. *Imya sobstvennoe: ot kul'turnoi semantiki k yazykovo* [Proper name: from cultural semantics to linguistic]. Minsk: Belarusian State University; 2003. 214 p. Russian.
8. Sheverinova OV. [Precedent name in the individual-author's picture of the world of V. P. Astafiev]. *Studia Wschodnioslowianskie*. 2016;16:325–332. Russian.
9. But-Gusaim SF. *Zhanrawtvaral'naja rolja antraponimaw u gistarychnaj proze berasciejskich pis'mennikaw* [The genre-forming role of anthroponyms in the historical prose of Brest writers]. Brest: Brest State A. S. Pushkin University; 2013. 111 p. Belarusian.
10. Muratova EYu. *Lingvopoetika Mariny Tsvetaevoi* [Linguopoetics of Marina Tsvetaeva]. Viciebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2005. 96 p. Russian.
11. Muratova EYu. *Smysly slova v sisteme poeticheskogo yazyka XX veka* [Meanings of the word in the system of poetic language of the 20th century]. Minsk: Belarusian State University; 2008. 207 p. Russian.
12. Sheverinova OV. Literary onomastics in works by V. P. Astafiev and H. Böll as a reflection of Russian and German national and cultural spaces. *Uchenye zapiski VGU im. P. M. Masherova*. 2016;21:148–153. Russian.
13. Sheverinova OV. Family name socio-pragmatic informative value in the literary works by H. Böll. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020;3:143–155. Russian. DOI: 10.35785/2072-9464-2020-51-3-143-155.
14. Derevyago AN. *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste* [Proper name in a literary text]. Viciebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2008. 239 p. Russian.
15. Slesareva TP. [Onomastic space of the novel «Devil's dolls» by N. S. Leskov: a semantic aspect]. In: Gantsovskaya NS, Suprun VI, Neganova GD, editors. *Onomastika Povolzh'ya. Materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tom 2; 9–10 sentyabrya 2020 g.; Kostroma, Rossiya* [Onomastics of the Volga region. Proceedings of the 28th International scientific conference. Volume 2; 2020 September 9–10; Kostroma, Russia]. Kostroma: Kostroma State University named after N. A. Nekrasov; 2020. p. 288–293. Russian.
16. Fomin AA. [Literary onomastics in Russia: results and prospects]. *Problems of Onomastics*. 2004;1:108–120. Russian.
17. Mikhailov VN. *Lingvisticheskii analiz onomasticheskoi leksiki v khudozhestvennoi rechi* [Linguistic analysis of onomastic vocabulary in artistic speech]. Simferopol: Simferopol'skii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Frunze; 1981. 28 p. Russian.
18. Kalinkin VM. *Poetika onima* [Poetics of the onym]. Donetsk: Yugo-Vostok; 1999. 408 p. Russian.
19. Petrachkova IM. Onomapoetic universalities in the nostalgic drama by Helena Anatolyevna Gremina. *Herald of Polotsk State University. Series A: Humanity Science*. 2022;9:127–135. Russian.
20. Ugarov MYu. [Doves]. In: Gremina EA, Ugarov MYu. *P'esy i teksty. Tom 2* [Plays and texts. Volume 2]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2019. p. 7–32. Russian.
21. Petrachkova IM. The originality of onymic means in the dramatic texts of the theater of the absurd by Dmitry Lipskerov. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;1:64–76. Russian.
22. Magazanik EB. *Onomapoetika, ili «govoryashchie imena» v literature* [Onomapoetics, or «speaking names» in literature]. Tashkent: Fan; 1978. 146 p. Russian.
23. Petrachkova IM. [Suggestiveness of proper names in the postmodern drama «Green cheeks of April» by of Mikhail Yuryevich Ugarov]. In: Skuridina SA, editor. *Lingvokul'turnye universalii v mirovom prostranstve. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 20–22 aprelya 2022 g.; Voronezh, Rossiya* [Linguistic and cultural universals in the world space. Proceedings of the 3rd International scientific conference; 2022 April 20–22; Voronezh, Russia]. Voronezh: Voronezh State Technical University; 2022. p. 299–303. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.11.2022.
Received by editorial board 14.11.2022.

УДК 811.161.1'373+811.161.1'367

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ

В. К. ГОЛУБЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается возможность преобразования устойчивых сочетаний со структурой *имя прилагательное + имя существительное* в конструкцию *отвлеченное имя существительное + генитив*. В число устойчивых сочетаний включаются фразеологизмы (коллокации и идиомы) и двухсловные термины. Выявляется, сохраняется ли при такой трансформации идентичность референтной ситуации, которая обозначена исходным сочетанием. С учетом трансформационного потенциала исходных сочетаний выделяются нетрансформируемые и трансформируемые конструкции, а среди последних – трансформируемые коррелятивные (сохраняют смысловое соответствие исходному сочетанию) и трансформируемые некоррелятивные (формируют новое значение) сочетания. Исследуются формальные и семантические факторы, способствующие трансформации и препятствующие ей.

Ключевые слова: синтаксическая деривация; отвлеченное имя существительное; референт; идиома; коллокация; фразеологизм; терминологическое сочетание.

АБ СІНТАКСІЧНАЙ ДЭРЫВАЦЫІ Ў ВОБЛАСЦІ ЁСТОЙЛІВЫХ СПАЛУЧЭННЯЎ

В. К. ГОЛУБЕВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца магчымасць пераўтварэння ўстойлівых спалучэнняў са структурай *прыметнік + назоўнік* у канструкцыю *адцягнены назоўнік + генітыў*. Да ўстойлівых спалучэнняў адносяцца фразеалагізмы (калакацыі і ідыёмы) і двухслоўныя тэрміны. Выяўляецца, ці захоўваецца пры такой трансфармацыі ідэнтычнасць рэферэнтнай сітуацыі, якая пазначана зыходным спалучэннем. З улікам трансфармацыйнага патэнцыялу зыходных спалучэнняў выдзяляюцца нетрансфармуемыя і трансфармуемыя канструкцыі, а сярод апошніх – трансфармуемыя карэлятыўныя (захоўваюцьсэнсавую адпаведнасць зыходнаму спалучэнню) і трансфармуемыя некарэлятыўныя (фарміруюць новае значэнне) спалучэнні. Даследуюцца фармальныя і семантычныя фактары, якія спрыяюць трансфармацыі і перашкаджаюць ёй.

Ключавыя словы: сінтаксічная дэрывацыя; адцягнены назоўнік; рэферэнт; ідыёма; калакацыя; фразеалагізм; тэрміналагічнае спалучэнне.

Образец цитирования:

Голубева ВК. О синтаксической деривации в области устойчивых сочетаний. Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2023;1:43–58.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-43-58>

For citation:

Golubeva VK. About syntactic derivation among stable word combination. Journal of the Belarusian State University. Philology. 2023;1:43–58. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-43-58>

Автор:

Виктория Константиновна Голубева – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Victoria K. Golubeva, PhD (philology); senior lecturer at the department of Russian language, faculty of philology.
v.k.golubeva9@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7597-4956>

ABOUT SYNTACTIC DERIVATION AMONG STABLE WORD COMBINATION

V. K. GOLUBEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article considers the possibility of transforming stable word combinations with structure *adjective + noun* into the construction *abstract noun + genitive*. Phraseologisms (collocations and idioms) and two-word terms are considered among stable combinations. It is revealed whether the identity of the referent situation, which is indicated by the original phrase, is preserved during such a transformation. Considering the transformational potential of the original phrases, non-transformable and transformable constructions are distinguished, and among the transformable ones, correlative (retain the semantic correspondence of the original construction) and non-correlative (form a new meaning). The formal and semantic factors preventing transformation and promoting it are investigated.

Keywords: syntactic derivation; abstract noun; referent; idiom; collocation; phraseologism; terminological combination.

Введение

Традиционно закрепившееся представление об отвлеченных именах существительных типа *заселение, открытость, кривизна* связано с феноменом синтаксической деривации, в соответствии с которым семантика мотивирующего глагола или имени прилагательного сохраняется в производном имени существительном, занимающем иную синтаксическую позицию. Некоторые исследователи определяют отвлеченные имена существительные как «производные слова, которые образованы с помощью продуктивных суффиксов и имеют формально обусловленную семантическую структуру» (БТСРЯ, с. 18). В свою очередь, Л. О. Чернейко подразумевает под ними имена существительные, которые «было бы логичнее рассматривать как формы соответствующих производящих, а не как самостоятельные слова» [1, с. 64]. Преобладание структурного аспекта в трактовке данного лексико-грамматического класса закономерно отразилось в лексикографической практике. При фиксации отвлеченных имен существительных используется в основном гнездовой метод. Для наиболее частотных лексем с развитой семантической структурой разрабатываются отдельные словарные статьи, однако многие отвлеченные имена существительные вовсе не включаются в лексикографические источники. С одной стороны, это подразумевает прозрачность семантики таких производных слов, а с другой стороны, актуализирует вопрос о нормативном статусе многих лексем: если подобные деадъективы не представлены в словаре, то они являются ненормативными, (еще) неузуальными или потенциальными в языке?

После публикации этапной работы Е. Куриловича [2] лингвисты продолжали исследовать феномен синтаксической деривации и не раз обращались к проблеме несовпадения систем значений отвлеченного имени существительного и систем значений его производящих слов, указывая на несовершенство лексикографических методов фиксации отглагольных и отадъективных номинаций. Результатом сложного поиска моделей, способных безоговорочно охватывать трансформационные отношения синтаксических дериватов с их производящими словами, стала необходимая индивидуализация подхода к интерпретации разных представителей данного лексико-грамматического класса. Без этого нельзя установить, как наследуется семантика деривата, какие семантико-синтаксические функции он может выполнять, а какие для него закрыты. Несмотря на то что ученые (П. Адамец [3], М. В. Всеволодова [4], Г. А. Золотова [5], Е. С. Кубрякова [6], Е. В. Падучева [7; 8], А. Г. Пазельская [9–11], С. Г. Татевосов [11], З. И. Резанова¹ и Р. И. Розина [12]) сделали немало интересных наблюдений об отвлеченных именах существительных (в основном об отглагольных), закономерностях их образования и специфике употребления, поведение этих слов остается во многом непредсказуемым.

Автор настоящей статьи концентрирует внимание на именах прилагательных, которые выступают в качестве производящих слов для отвлеченных имен существительных, в составе несвободных словосочетаний. По своей природе такие конструкции не всегда поддаются преобразованиям и (или) сохраняют исходное устойчивое значение.

Долгое время несвободные сочетания рассматривались в первую очередь в лексико-фразеологическом аспекте (скажем, по спаянности компонентов). С точки зрения грамматики они классифицировались,

¹Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: русское производное имя : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. Томск, 1996. 40 с.

например, по морфологической принадлежности главного слова, а также по соотносительности фразеологизмов с частями речи и их способности выступать в качестве определенного члена предложения. Вместе с тем такие конструкции характеризуются не только по критериям устойчивости, идиоматичности, но и по возможности варьироваться. Стоит отметить, что под варьированностью не следует понимать только лексическую мену компонента фразеологизма (*вынести на себе* – *вынести на своих плечах*, *выскочить из памяти* – *выскочить из головы*). Не менее важно исследовать способность устойчивых сочетаний подвергаться пассивизации, модифицировать видовую характеристику глагола (возможны грамматические варианты фразеологизма *втоптать (втаптывать) в грязь*, однако чаще он употребляется с глаголом совершенного вида [13]), допускать при себе отрицание (*в отцы годиться* – **в отцы не годиться*, *в сорочке родиться* – **в сорочке не родиться*, *вешать лапшу на уши* – *не вешай мне лапшу на уши* [14, с. 293]).

А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский отмечают, что вопрос о трансформации фразеологизмов находится лишь на начальном этапе исследования [14]. Вместе с тем трансформационный потенциал – одна из ключевых характеристик единицы фразеологического словаря, претендующего на полноту описания материала. Важность этого параметра вызвана тем, что он идентифицирует способность фразеологической единицы встраиваться в разные контексты – предложения, различающиеся по своей структуре, модальной характеристике, временным планам и т. д. Так, например, в отличие от предложения *Чтоб руки мне тут не распускал!* предложение **Чтоб грех на душу мне тут на себя не брал!* является ненормативным [14, с. 304].

Поскольку в рамках настоящей статьи интерес представляют трансформационные отношения отвлеченных имен существительных и мотивирующих их имен прилагательных, в качестве исходного объекта исследования были выбраны устойчивые сочетания типа *имя прилагательное + имя существительное*. Использование трансформационного метода чаще всего предполагает преобразование этой структуры в конструкцию типа *отвлеченное имя существительное + генитив (всемирный потоп – всемирность потоп)*. Кроме того, были проанализированы случаи, когда генитив заменяется на грамматически эквивалентную форму притяжательного местоимения, носитель признака выражается иной падежной формой без дублирования в форме генитива, носитель признака эксплицируется иными средствами контекста.

Важно, что синтаксическая гибкость исходной адъективно-субстантивной конструкции позволяет передавать аналогичный смысл при тех предикатах, которые требуют выражения актанта отвлеченным, а не предметным именем существительным, как в соответствующем сочетании с именем прилагательным (*на платформе ждали обреченные люди* – *предсказал обреченность людей* – **предсказал обреченных людей*). Кроме того, по своей природе деадъектив выражает признак в виде отдельной, предметной сущности, т. е. более выпукло по сравнению с соответствующим именем прилагательным. В связи с этим в случае коммуникативной необходимости трансформация, в отличие от использования нейтрального синонимического средства, позволяет акцентировать признак и при этом сохранить экспрессивность исходной фразеологической единицы.

Цели настоящей статьи – установление трансформационного потенциала устойчивых сочетаний в направлении *имя прилагательное* → *деадъектив*, а также выяснение того, сохраняется ли при таком преобразовании идентичность референтной ситуации, обозначенной исходным сочетанием.

С учетом дискуссионности вопроса о границах понятия «устойчивое сочетание» следует отметить, что в рамках данного исследования в качестве единиц анализа выступили фразеологизмы (идиомы и коллокации) и двухсловные термины (они также не лишены признаков идиоматичности [14, с. 38]) адъективно-субстантивной структуры, которые были выбраны из специализированных (фразеологические словари и терминологические справочники) и общеязыковых (толковые словари русского языка) источников² (БТСРЯ, ФОСРЯ). Соответствующие исходным сочетаниям трансформы с деадъективами извлекались из текстов художественного, публицистического, научного, научно-технического и разговорного стилей. Поиск осуществлялся в различных подкорпусах Национального корпуса русского языка, научных статьях, книгах, диссертациях и авторефератах (в том числе с использованием систем *Google Scholar*, *Google Books*), а также в интернет-версиях средств массовой информации. В некоторых случаях примеры моделировались автором статьи.

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования термины и фразеологические обороты были распределены на нетрансформируемые и трансформируемые конструкции, причем последние были разделены на трансформируемые коррелятивные сочетания, в которых сохраняется смысловое соответствие исходной устойчивой конструкции, и трансформируемые некоррелятивные сочетания, в которых формируется новое значение.

²Борисова Е. Г. Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарем ключевых слов. М. : Филология, 1995. 149 с. ; Немченко В. Н. Грамматическая терминология: словарь-справочник. М. : Флинта, 2011. 585 с. ; Новый политехнический словарь / под ред. А. Ю. Ишлинского. М. : Большая рос. энцикл., 2000. 671 с.

Замечание о «капризе трансформации номинации», сделанное Е. В. Падучевой в отношении отглагольных субстантивов [7, с. 329], оказывается в полной мере релевантным для характеристики соотношения *имя прилагательное как компонент устойчивой конструкции – отадъективное имя существительное*. При рассмотрении ограничений на трансформацию несвободных словосочетаний следует говорить о комплексе факторов, препятствующих данным преобразованиям. Автор настоящей статьи условно выделяет формальные (структурные) и семантические ограничения, при этом последние рассматриваются как в группе фразеологических единиц, так и в группе терминов.

1. Формальные ограничения на трансформируемость. Независимо от того, какой тип несвободного сочетания подвергается трансформации (фразеологизм или термин), отсутствие в языковой системе или узусе деадъектива как конструктивной единицы устойчивого сочетания служит прямым ограничением для синтаксического преобразования, даже если в потенциальном отвлеченном имени существительном могут актуализироваться качественные семы, т. е. признак соответствует прототипическому значению деадъектива (*двойная бухгалтерия, правая рука, подкидной дурак, больной вопрос, голова садовая, отец родной, задняя мысль*).

Выделяется ряд формально-грамматических групп имен прилагательных, у которых независимо от того, сохраняют ли они первичную семантику или закрепляются в составе фразеологизма либо термина в ином значении, нет соотносительных отвлеченных имен существительных ввиду специфики их структуры. Так, даже те притяжательные имена прилагательные, которые утратили сему притяжательности, формально не приспособлены выступать в качестве производящих слов для имен существительных (*медвежья услуга, львиная доля, львиный зев, анютины глазки, сизифов труд, танталовы муки, прокрустово ложе, эзопов язык, ахиллесова пята*).

Абстрактные имена существительные очень редко образуются от следующих слов:

- от лексем, которые оканчиваются на *-ский* (*бальзаковский возраст, кристаллическая решетка, гипертонический раствор* (но *гипертоничность раствора – гипертоничный раствор*));
- от адъективов с суффиксами субъективной оценки или с историческим суффиксом сравнительной степени (*богатенький Буратино, старший офицер, младший лейтенант*);
- от имен прилагательных, перешедших из разряда причастий (в том числе исторически) (*пропадающая душа, ходячий анекдот, трескучий мороз, падающий ангел, горячая точка, блуждающая почка, потерпевшая сторона*).

Формальные ограничения возникают также в тех случаях, когда потенциальный деадъектив омонимичен иному имени существительному с уже устоявшейся семантикой: *наружное лекарство – *наружность лекарства, внешний угол треугольника – *внешность угла треугольника, внешний рынок – *внешность рынка, жидкие кристаллы – *жидкость кристаллов, пряные растения – *пряность растений, полая вода – *полость воды, прямая речь – *прямота (прямизна) речи, нервная система – *нервность системы, недвижимое имущество – *недвижимость имущества, жалобная книга – *жалобность книги* (имя прилагательное *жалобный* связано со словом *жалоба*, а не со словом *жалобность*), *красная девица – *краснота девицы* (в процессе развития языка произошло сужение значения имени прилагательного *красный*, которое больше не употребляется в значении ‘красивый’; возможно выражение *краса девицы*), *великие географические открытия – *великость географических открытий, великое сопротивление – *великость сопротивления* (*великость* ‘книжн. Важность, значительность’ (БТСРЯ)) и др.

Вместе с тем анализ текстов разной функционально-стилистической направленности показывает, что при коммуникативной необходимости носители языка преодолевают указанные ограничения, употребляя деадъективы в несвойственных им значениях и создавая новые лексемы. Как отмечалось, многие отвлеченные имена существительные не всегда последовательно фиксируются в словарях. Эти потенциальные слова, еще не ставшие узуальными, актуализируются в речи, когда семантика и синтаксическая позиция требуют выдвижения признака имени прилагательного на первый план посредством его оформления в виде деадъектива.

В силу этого, если рассматривать трансформационный потенциал имен прилагательных вне параметров нормативности и узуальности, обнаруживается, что для актуализации признака становится возможным практически любое преобразование, например создание деадъектива *ромовость* в качестве трансформации имени прилагательного в словосочетании *ромовая баба* (1).

(1) *Помните, эту бабу, в школьном буфете, за целых 19 копеек? <...> В первую очередь обкусывалась самая сухая нижняя часть, а верхняя, где вся ромовость сосредоточена, оставлялась напоследок* (РБ).

Как видно, для выражения семантики ‘пропитанность булки ромом’ говорящий предпочитает употребить неузуальную лексему, а не описательно выразить признак с помощью синонимических языковых средств.

Подобные окказиональные преобразования становятся одним из маркеров идиоматичной (в широком смысле) речи, предполагающей осложненность способа выражения содержания (не в смысле максимального усложнения языковых форм, а с точки зрения концентрированности выражения и нетривиальности понимания заложенного в фразу смысла). Идиоматичность речи часто приводит к большей синтаксической простоте высказывания при большей семантической нагруженности его компонентов (2–5) [14, с. 28].

(2) *Передать то, что собирался, Орес забыл. Сказались молодость и сильная **садовость** головы* (Приключения).

(3) *Ндаа, **садовость** моей головы не знает пределов! Сегодня у двух хороших людей день рождения, а я об этом напрочь забыл. Итак...* (Приключения).

(4) *Григорий Григорыч сын Постников, отец Иринушки, к сожалению, проявил бесстыдную **подколотность**. Началась эта **подколотность** издавна* (Иванов).

(5) *Во мне ведь коварства нет, так, легкая **подколотность*** (НКРЯ; Ерофеев В. Из записных книжек. 1958–1990).

Так, в примерах (2–3) вместо нейтральных номинаций *рассеянность, невнимательность, несообразительность* говорящие предпочитают употребить окказиональный трансформ *садовость*, который обеспечивает более нетривиальный способ выражения желаемой семантики. Между тем в примерах (4–5) деадъектив явно отсылает к фразеологизму *подколотная змея* и за счет корреляции с ним сжато и емко характеризует лицо.

В разговорной речи и в рамках неофициальной коммуникации деадъективы могут возникать даже от притяжательных по происхождению имен прилагательных (6–8).

(6) *Если Вам не нравится его «**маменькиность**», зачем начали с ним жить?* (ЖМС).

(7) *Если учитывать **маменькиность** бывшего – то браку наступил конец, через месяц уже* (ЕРМ).

(8) – *Не ходите замуж за маменькиных сынков.*

– *...Кстати, я до сих пор не могу понять в чем его **маменькиность**? Мужик строит дачу для вашей семьи. Помогайте ему, если принципиально хотите быть с ним рядом* (МС).

2. Семантические аспекты трансформации. При характеристике семантического фактора и описании связанных с ним ограничений на преобразования в первую очередь важно отметить специфику имен прилагательных, служащих основой для трансформаций. Как известно, в языковой системе способность образовывать отвлеченные имена существительные служит маркером прежде всего качественных имен прилагательных. Многие адъективы, которые представляют собой компоненты устойчивых конструкций (лексемы *мягкий, стойкий, тяжелый, краткий, быстрый* и др.), по своей первичной функции являются качественными и, значит, потенциально открытыми для образования отвлеченных имен существительных. Но в изначально качественном имени прилагательном, которое входит в состав несвободных сочетаний типа *твердый знак, быстрые углеводы, прямой угол*, происходят лексико-грамматические сдвиги. Ученые отмечают, что такие адъективы тяготеют к разряду относительных имен прилагательных, при этом некоторые исследователи уточняют, что вернее говорить не о приобретении именем прилагательным значения отношения, а о семантической специализации лексем и убывании у них проявлений качественности [15, с. 183].

Однако, как показывает языковой материал, не только принадлежность лексемы к относительным именам прилагательным выступает препятствием для ее трансформации в отвлеченное имя существительное. Относительные имена прилагательные могут становиться синтаксическими дериватами, что отчетливее всего проявляется в терминологической сфере (9–10).

(9) *В диссертации подчеркивается, что **документальность фильма** оказывается явлением эстетически более емким, нежели фиксация «потока действительности»* (Андреев).

(10) *В стихотворении Д. Кудрявцева «Упражнения в женской рифме» обыгрывается... понятие «женской рифмы»... Однако на деле «**женскость**» **рифмы** во многих позициях нарушается* (Фатеева).

Так, в примере (9) имя прилагательное в устойчивом словосочетании *документальный фильм* реализует не значение ‘представляющий собой документ, являющийся документом; основанный на документах’ (БТСРЯ), а значение ‘показывающий подлинные факты, события’ (БТСРЯ).

Семантическое несоответствие мотивирующего имени прилагательного и имени качества возникает, потому что последнее образуется от адъектива в его первичных, а не вторичных значениях. В связи с этим оно утрачивает способность выступать коррелятом терминологического или фразеологического имени прилагательного, выполняет другие функции в тексте.

2.1. Трансформация терминологических сочетаний: сохранение или преодоление терминологичности. Выделяются трансформируемые коррелятивные, трансформируемые некоррелятивные и не трансформируемые сочетания.

Под трансформируемыми коррелятивными сочетаниями подразумеваются соотносимые конструкции, в которых имя прилагательное и деадъектив связаны отношениями синтаксической деривации в исходном понимании этого явления. Так, удобство и компактность номинаций, их свойство занимать синтаксические позиции, закрытые для исходных адъективно-субстантивных именных групп, а также способность выпукло представлять не объект и его признак, а один из признаков объекта обуславливают трансформации типа *правильная дробь – правильность дроби, биквадратное уравнение – биквадратность уравнения, краткий гласный – краткость гласного, стертая метафора – стертость метафоры, конкретное существительное – конкретность существительного, беглые гласные – беглость гласных* (11–16).

(11) *Setälä относил все это к общеугрофинскому праязыку в его целом, ссылаясь на то, что спорадически подобные колебания согласных (но независимо от закрытости или открытости второго слога!) выпадают в мадярском и (один раз!) в зырянском* (НКРЯ; Трубецкой Н. С. Письма Р. О. Якобсону. 1920–1938).

(12) *Существует ли правильный треугольник на координатной плоскости, вершины которого имеют целые координаты? <...> Заметим, что **правильность треугольника** не использовалась* (СО).

(13) ***Стертость метафоры** с модельной точки зрения определяется употребительностью метафорической модели* (Баранов).

(14) ***Конкретность существительного hand**, обусловленная наблюдаемостью движения руки как одной из самых активных и многофункциональных частей тела человека, проявляется и в образованных от него глаголах* (Чупина).

(15) *Изобретение позволяет правильно учитывать **бинокулярность зрения** при имитации близко расположенных объектов* (ПП).

(16) *Во-вторых, это же явление можно оценивать как вовлечение в сферу действия причастных форм, иначе говоря, использование кратких страдательных причастий для заполнения пустующей «клетки» морфологической **страдательности** в парадигме личных **форм глагола*** (Хоссейни).

В прототипическом случае характер предиката в таких высказываниях требует заполнения актантной позиции либо именной группой с отвлеченным именем существительным, либо сентенциальным актантом с показателями *что; то, что* или аналогичными средствами (*На то, что метафора является стертой, указывает...; То, является ли метафора стертой, определяется...*). Во многих случаях свернутость номинации выступает в качестве ее важного преимущества в научных и научно-технических текстах, в которых высказывания могут быть осложнены разного рода уточнениями и пояснениями, а также в научно-популярном и учебном дискурсе (17).

(17) *Здесь уже, конечно, совпадение точек *P* и *G* означает **правильность треугольника*** (Математика).

Так, в примере (17), как и в примере (12), выделенное выражение имеет значение ‘то, что треугольник правильный’, а не значение ‘правильный треугольник’.

Вместе с тем компактность выражения актанта влечет за собой неэксплицированность некоторых смысловых компонентов и, как результат, множественность интерпретации высказывания (18).

(18) *Есть некоторые признаки, по которым можно определить **правильность глагола*** (УБ).

Действительно, пример (18) может быть интерпретирован по-разному (*Есть некоторые признаки, по которым можно определить, что этот глагол правильный; Есть некоторые признаки, по которым можно определить, правильный или неправильный это глагол*). Последний вариант трактовки демонстрирует появление в номинации семантического приращения ‘параметр, шкала признака’, отсутствующего в смысловой структуре качественного имени прилагательного *правильный*. Этот тип преобразований, выходящий за рамки отношений чистой синтаксической деривации, рассматривается далее.

В зависимости от причин некоррелятивности выделяются два подтипа трансформируемых некоррелятивных сочетаний. В первом случае по сравнению с именем прилагательным, выражающим конкретное значение признака (‘выше нормы’), деадъектив приобретает семантическое приращение ‘параметр, шкала этого признака’. Этот тип трансформации косвенно упоминают авторы академического издания «Русская грамматика» в связи с описанием словообразовательных значений отвлеченных имен существительных: «Многие слова этого типа имеют также более общее значение ‘признак, проявляющийся в различной степени и поддающийся измерению’: *скорость, влажность, жирность, рентабельность*,

газоносность, засоренность, результативность, сорность» [16, с. 178]. О такого рода преобразованиях лингвисты писали и применительно к лексике определенных тематических групп. Например, М. В. Ташлыкова исследовала параметрические имена существительные вроде *глубина, высота, длина* [17, с. 82–162].

Что касается терминологических единиц, то здесь перенос такого типа весьма распространен (например, *твердые сыры – твердость сыров, твердая валюта – твердость валюты, глубокая рифма – глубина рифмы, воспламеняемые материалы – воспламеняемость материалов*). Грамматическая перестройка коллокаций влечет за собой семантические сдвиги. Если сочетания с именами прилагательными *сладкие вина, сухие вина*³ являются референтными, т. е. идентифицируют совершенно определенный вид объектов с устойчивыми, заданными параметрами, то в сочетаниях вроде *сладость вин* выражается критерий, по которому могут варьироваться различные виды данного типа объектов (в разной степени обладающие названным признаком).

Во внутренней форме номинации может быть заложен адъективный признак, ориентирующий на конкретную точку (отрезок признаковой шкалы): *сладкое вино – сладость вина, сухое вино – *сухость вина, полусухое вино – *полусухость вина, полусладкое вино – *полусладость вина*⁴; *длинные волны – длина волны, ультракороткие волны – *ультракороткость волны, короткие волны – *короткость волны, средние волны – *среднесть волны, сверхдлинные волны – *сверхдлина волны*. Кроме того, деадъективы могут мотивироваться связанными опорными компонентами сложных имен прилагательных: *-валентный (двухвалентный марганец, трехвалентный хром) – валентность, -рядный (однорядное остекление, двухрядный магазин, широкорядный посев) – рядность* [16, с. 178].

Нередко встречаются названия признака (критерия для описания исследуемых объектов), имеющие составной характер, т. е. формирующиеся оппозицией двух соположенных номинаций, которые образуются от соответствующих имен прилагательных с антонимичными значениями (*долгий гласный – долгота гласных, краткий гласный – краткость гласных; глухой звук – глухость звуков, звонкий звук – звонкость звуков; сильная позиция – сила позиции, слабая позиция – слабость позиции; полная форма имен прилагательных – полнота формы имен прилагательных, краткая форма имен прилагательных – краткость формы имен прилагательных; твердый согласный – твердость согласных, мягкий согласный – мягкость согласных; открытый слог – открытость слога, закрытый слог – закрытость слога*).

Отличие от мотивирующего имени прилагательного деадъектив приобретает способность выражать и значение 'шкала признака', и значение 'высокая степень проявления признака по этой шкале', что дифференцируется контекстуально, по типу предиката, актантную позицию которого занимает деадъективное сочетание. Так, сочетание *твердая валюта* выражает значение высокой степени проявления признака ('валюта, которая может быть беспрепятственно обменена на другую валюту' (БТСРЯ)), тогда как сочетание *твердость валюты* – значение шкалы признака ('параметр, по которому оценивается, насколько беспрепятственно валюта может быть обменена на другую валюту') (19) и значение высокой степени проявления признака ('способность валюты беспрепятственно обмениваться на другую валюту') (20).

(19) *Твердость валюты находится в прямой зависимости от экономического потенциала страны, масштабов ее внешнеэкономической деятельности, устойчивости внутреннего денежного обращения, степени развития национальных товарных и денежных рынков и рынков капитала* (ЭГУ).

(20) *Главный признак твердости валюты – выход ее на мировые валютные биржи, а это, увы, дело далекого будущего* (НКРЯ; Алексеев В. Не зовите его «деревянным». Труд. 2002. 2 окт.).

Во втором случае сочетание трансформируется, но утрачивает терминологический характер. Как уже отмечалось, в составе термина происходит перестройка семантической структуры имени прилагательного. У него ослабляются качественные семы и актуализируются относительные семы. Поскольку отвлеченное имя существительное, как правило, образуется от адъективов в их первичных, а не вторичных значениях, оно не вступает с именем прилагательным в отношения синтаксической деривации (21–23).

(21) *Дворец Екатерины Павловны был превращен в своего рода клуб литературы и изящных искусств* (НКРЯ; Паустовский К. Орест Кипренский. 1936).

³Некоторые сочетания из числа тех, которые рассматриваются в этом контексте, уже вышли за пределы специальной речи, превратились в общеупотребительные (*твердый сыр, сухие вина* и др.), поэтому их можно квалифицировать как коллокации – разновидность фразеологизмов.

⁴Хотя для дифференциации сортов вин используется признак «сладость вина», параметр «сухость вина», отражающий по сути ту же характеристику, только с другой стороны шкалы, встречается в единичных случаях и пока носит скорее окказиональный или узкоспециальный характер: *Именно они [танины] и отвечают за терпкость и «сухость» вина* (ВТ). Кавычки маркируют неосвоенность языком данного сочетания.

(22) В водно-этанольных экстрактах травы **василька синего** могут присутствовать органические вещества (Подололина).

(23) Гусеницы развиваются на... культивируемых **резеде душистой** (*Reseda odorata* L.) и большой настурции (*Tropaeolum majus* L.) (Миронов).

В примерах (21–23) имена прилагательные называют определенный класс искусств, вид растения. Соответствующие номинации *изящество*, *синь* (*синевая*), *душистость* наследуют как раз исходное, качественное значение имен прилагательных, выступают не классифицирующим и идентифицирующим, а оценочно-квалифицирующим средством (24–26).

(24) *Легкость, изящество искусства* музыки, *небольшая звуковая насыщенность, отсутствие резкого контраста тем, ограниченный масштаб* – отличительные черты многих фортепианных сонат Гайдна (Гончарук).

(25) Скудная, ржаво-коричневая от недавних ливней рожь шелестела под ветром; резкая **синева василька** подчеркивала сиротскую скудость ее облика (Голубков).

(26) Поэтому горькая сладость роз, сладкое благовонье апельсиновых цветов, нежный запах фиалки и **душистость резеды** сопутствуют у Фета ситуациям и отношениям, не сводимым исключительно к любовному контексту (Шарафадина).

Грамматические преобразования ведут к потере узнаваемости сочетания как специального и обеспечивают перекодировку его устоявшегося денотативного содержания. Так, в противовес объективированному условно-терминологическому свойству, фиксируемому именем прилагательным, номинация выражает один из актуальных в конкретном времени и пространстве признаков, субъективно воспринимаемое качество. Как и в преобразованиях предшествующего типа (*длинная волна* – *длина волны*), в таких деадъективных конструкциях явления представлены недифференцированно (в примерах (24–26) речь идет об искусстве, васильке и резеде вообще). Однако в данном случае грамматическая трансформация сопровождается сменой дискурса, в котором синтаксический трансформ оказывается востребованным. Сам характер приведенных контекстов и направленность описания объекта, оказавшегося в фокусе внимания, свидетельствуют о том, что в сфере употребления данных сочетаний требуется точность и детализированность иного плана.

Как было показано, принадлежность лексемы к классу относительных имен прилагательных не препятствует ее трансформации в деадъектив, особенно в терминологической сфере. Вопрос о характере признака, который приспособлен и который не приспособлен для того, чтобы быть выраженным в форме отвлеченного имени существительного, остается открытым. Способность к преобразованиям (в том числе к неузальным) проявляют прежде всего те адъективы, которые выражают значения качества, оценки и признака, формирующего шкалу для сопоставления разных объектов. Вместе с тем невозможность трансформации одних деадъективов и способность к преобразованию других, аналогичных деадъективов пока можно объяснить лишь отсутствием коммуникативной потребности в выдвижении признака посредством деадъектива и, следовательно, тем, что в узусе еще не сложилась база контекстов, фиксирующих трансформацию: *углекислый газ, плоскостная живопись, перестойные травы, полууставное письмо, перекрестный вопрос, сверхтвердый материал, сверхтекучий жидкий гелий, острозаразная болезнь* (как уже говорилось, шкала признака чаще формируется не по верхним, а по средним точкам континуума: *твердость, текучесть, заразность*). Однако с появлением такой потребности деадъективы могут постепенно входить в употребление и закрепляться в узусе (27–30).

(27) Первоначально наше внутреннее законодательство определяло субъект особой государственной поддержки исходя из функциональных соображений не через признак **коренности** (так как все население Российской Федерации рассматривается как коренное), а через критерий численности (Жуков).

(28) Герой получает европейское образование – один из мотивов, определяющий его **«лишность»** в России (Федосеенко).

(29) **«Лишность» героя** подчеркнута: датчанин приезжает учиться в Париж, где снимает комнатушку, и он последний представитель знатного рода (Григорян).

(30) Аллюзии и отсылки к героям и произведениям предшествующих эпох несут определенную функцию: они призваны подчеркнуть **«лишность» героя**, актуализировать тип мышления и мировосприятия **«лишнего человека»** (Григорян).

В примерах (28–30) показательна вариативность суффиксальной морфемы, служащей для образования деадъектива (*лишность* и *лишнесть*).

Не происходит трансформация и в том случае, если она ведет к смене референта исходной номинации, имеющей образную основу. Так, выражение *мучнистый картофель* ‘содержащий много крахмала’ (БТСРЯ) можно преобразовать в выражение *мучнистость картофеля* (‘показатель того, насколько высокое содержание крахмала у картофеля’ или ‘высокий показатель качества *мучнистый*’), тогда как сочетания *мучнистая роса* ‘болезнь растений, при которой на них появляется белый налет’ (БТСРЯ), *солнечное сплетение* ‘совокупность нервных узлов, расположенных в брюшной полости вокруг начала артерий’ (БТСРЯ) трансформировать в сочетания **мучнистость росы*, **солнечность сплетения* нельзя. Поскольку образность в большей степени является признаком фразеологических единиц и во многом предопределяет характер их трансформаций, специфика таких преобразований подробнее рассматривается далее.

2.2. Трансформация фразеологизмов: образная переинтерпретация ситуации. На способность конструкции трансформироваться не в малой степени влияет тип фразеологизма (идиомы, коллокации, пословицы, грамматические фразеологизмы, синтаксические фразеологизмы) [14, с. 66]. Поскольку структуре адъективных и деадъективных словосочетаний соответствуют в первую очередь идиомы и коллокации, в данной статье трансформационному анализу подвергались именно они. Среди отобранных фразеологизмов были выделены выражения, устойчивость и идиоматичность которых вызвана переосмыслением или метафоризацией одного или обоих компонентов конструкции, а также другими причинами.

Так, были отобраны коллокации с уникальным компонентом в составе – именем прилагательным, употребляющимся только в сочетании с данным именем существительным (4–5, 31–35).

(31) Почему 2020 год такой сложный, или Разбор мифа про *высокосность* (П2020).

(32) Впрочем, вне зависимости от «*высокосности*» года прогноз ввода в строй домов был прогнозируем несколько месяцев назад (НКРЯ; Грекова О. Кризис продолжается: покупателям новостроек снова придется подождать. Московский комсомолец. 2017. 6 февр.).

(33) Вот и начался новый, 1964 год. <...> Несмотря на его «*высокосность*», будем надеяться, что все будет хорошо (НКРЯ; Шелест П. Дневник. 1964).

(34) В «Учении», например... отмечается *высокосность года* и указывается дата пасхального полнолуния (ГДЛ).

(35) «*Закадычность*» еще одна очень характерная черта всего творчества Ерофеева (Лесин).

Поскольку имя прилагательное имеет ограниченную сочетаемость (и, значит, лишено семантической двусмысленности), при отсутствии формально-структурных ограничений оно способно трансформироваться. Стоит отметить, что подобные трансформы различаются по степени узуальности. Скажем, лексема *высокосность* тяготеет к узусу больше, чем слова *закадычность* и *подколотность*, а приведенная в примерах (2–3) лексема *садовость* явно является окказиональной.

Кроме того, были проанализированы коллокации, в составе которых приписываемый признак относится к объекту опосредованно. Данные конструкции, как правило, являются нетрансформируемыми. Так, если в случаях типа *сладкий перец* и *душистый горошек* признак прямо характеризует предмет, названный субстантивом, то в конструкциях вроде *мягкий знак*, *твердый знак*, *белый человек*, *легкая промышленность*, *легкая атлетика*, *черная металлургия*, *желтая раса* механизм приписывания признака объекту носит несколько иной характер и требует более детального лексико-семантического анализа.

При выявлении семантической мотивировки таких сочетаний оказывается, что они создаются в результате семантико-синтаксической свертки, а некоторые из них обнаруживают непрозрачность внутренней формы. Дело в том, что в таких случаях адъективный признак относится не к названному грамматически главным именем существительным объекту, а к иному, имплицитному в свертке смежному объекту, посредством которого раскрывается семантика эксплицитного субстантива. Например, при помощи устойчивых сочетаний *мягкий знак*, *твердый знак* называются знаки, которые используются для графического обозначения твердости (в дореформенной письменности) или мягкости согласного, обозначенного предшествующей буквой⁵. Мягкость и твердость являются характеристиками не буквы, а звука, для графического маркирования которого предназначен данный письменный знак. Специфика же деадъективов состоит в том, что они, как правило, обозначают признак его непосредственного носителя, выраженного подчиненным ему генитивом. Ввиду этого, например, нормальным и употребительным является выражение *твердость (мягкость) звука*, но не выражение **твердость (мягкость) знака*.

Интересны в исследуемом аспекте и устойчивые выражения *легкая атлетика* и *легкая промышленность*. В дефинициях современных толковых словарей⁶ (БТСРЯ) отсутствует указание на признак,

⁵После реформы орфографии 1918 г. термин «твердый знак» стал еще более условным названием.

⁶Большой академический словарь русского языка / под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Герда. М.: Наука, 2004–2021. 27 т.; Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М.: АСТ, 2006. 3 т.; Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М.: АСТ, 2016. 1456 с.

легший в основу данных номинаций. Между тем Я. В. Поляничко определяет легкую атлетику как вид спорта, основу которого составляют естественные движения человека (в том числе ходьба, бег, прыжки в длину и высоту, метание копья, диска, молота, толкание ядра и т. п.) и который не предполагает подъем тяжестей, а под легкой промышленностью подразумевает обрабатывающую промышленность, изготавливающую предметы широкого потребления (в том числе одежду, обувь, головные уборы и т. п.) и не использующую тяжелое оборудование. Лингвист замечает, что данные устойчивые сочетания обычно толкуются с опорой на семантику антонимичного адъектива *тяжелый* [18, с. 15]. На контрасте с семей «имеющий большой вес», которая содержится в семантической структуре имени прилагательного *тяжелый*, возникает смысловой компонент «имеющий незначительный вес», представленный в семантической структуре адъектива *легкий* и мотивирующий использование этой лексемы в устойчивом сочетании. Итак, признак «легкий» («легкость»), прямо характеризующий такие объекты, как снаряды и оборудование, по их весу, лишь опосредованно относится к субстантивам *атлетика*, *промышленность*, т. е. сами эти объекты по весу не характеризуются. Это блокирует преобразование исходных, субстантивно-адъективных сочетаний в выражения **легкость атлетики*, **легкость промышленности*, в которых имя качества указывало бы на свойство зависимого генитива. То же относится к следующим примерам: *белый человек* «принадлежащий к европеоидной расе; светлокожий» (БТСРЯ) – **белизна человека*, *желтая раса* «о монголоидной расе» (БТСРЯ) – **желтизна расы*, *черная металлургия*⁷ – **чернота металлургии*.

Наконец, были исследованы идиомы и коллокации с переосмысленными или семантически осложненными компонентами в составе и выделены их типы. К первому типу относятся выражения, в которых имя существительное сохраняет словарное значение, а имя прилагательное переосмысливается или осложняется дополнительными семами, отсутствующими в словарной дефиниции: *жестокый романс* – **жестокость ромansa* (36), *святая вода* – *святость воды* (37–38), *глухая пора* – *глухость (глухота) поры* (39–40), *луженое горло (глотка)* – *луженость горла (глотки)* (41–42), *тонкая усмешка* – *тонкость усмешки* (43–44), *белое мясо* – *белизна мяса* (45), *черная икра* – *чернота икры* (46), *красная игра* – *краснота икры* (47), *зеленый (черный) чай* – **зелень (чернота) чая*.

(36) Но тональность стихотворения заметно отличается от романсной – в нем нет надрыва и острой драматичности. Есенин не следует слепо канону жанра, а смягчает диктуемую мотивной структурой «жестокость» ромansa стилистическими средствами традиционной народной поэзии, ее символами и образами (Чернова).

(37) Здесь чувствуется, однако, и некая остаточная вера в святость воды, извлекаемой из Темзы (Акройд).

(38) Люди устремятся туда с раннего утра, чтобы запастись святой водой. <...> Святость воды определяется правильностью ее освящения (Медведева).

(39) Ваши «Тяжелые сны» вызвали слишком много порицаний, и гг. критики набросились на роман, кажется, главным образом вследствие глухости нынешней литературной поры и недостатка предметов для хлестких разборов (Сологуб).

(40) Ни в глухоте ночной поры, / Ни в вечности бездонном чане, / Ни там, где чуждые миры, / Нет абсолютного молчанья (Шумилова).

(41) – Но-но! Шо расиумелась-то? В Цэка она напишет... Да хоть в зацэка пиши!

– И напишу! – Серафима уже давно не была молодым специалистом, в должности наторела и, если по делу, луженость глотки умела начальству демонстрировать (Шишкин).

(42) [Во время поездки в Венгрию] хозяева предлагают всем желающим проверить, так сказать, «луженость» своей глотки. Открываешь рот, задираешь голову, а хозяин из специальной дегустационной поилки льет тебе в рот вино (СС).

(43) Но изумительнее всего тонкость усмешки императора – художник изобразил ее с необычайным искусством... усмешка, ласковая для верноподданных, но сулящая беду неверным (Осоргин).

(44) ...Видишь примиряющую улыбку умирающего Феди Протасова, в предсмертных словах которого тонут слезы скорби в тонкости юмористической усмешки (Мастера).

(45) Показатель готовности уха – легкое отстаивание мяса рыбы от костей, а показатель хорошего качества – прозрачность бульона, его тонкий аромат, белизна мяса рыбы (ГР).

(46) Уже упомянутый Охотный Ряд с блеском рыб, с чернотой икры, с рыже-розовой семгой... (Цветаева).

⁷В указанных толковых словарях русского языка отсутствует определение сочетания *черная металлургия*. Оно представлено, например, в нелингвистическом терминологическом справочнике: «Черная металлургия – отрасль металлургической науки и техники, охватывающая производство черных металлов от добычи и переработки рудного сырья до получения чугуна, стали, проката, ферросплавов, а также некоторых изделий из чугуна или стали» (Новый политехнический словарь... С. 610).

(47) *Внутри банки ожидаемо была **икра красная**, имитированная. Довольно крупная, равномерная, красивая на вид, но **слишком красная**. Краситель не жалели, но на настоящую икру чисто визуально она похожа довольно слабо. Оригинальный продукт имеет более благородный рыжевато-красный оттенок, **краснота** в икре больше оттеночная, а не такая грубая* (КБ2020).

Например, выражение *жестокий романс* имеет не значение ‘суровый, безжалостный романс’, а значение ‘романс с ярко выраженным мелодраматизмом, надрывностью’ (БТСРЯ). Хотя в узусе деадъектив не выражает такую семантику (*жесткость человека, жестокость схватки*), в индивидуальных употреблениях, причем маркированных самим говорящим, он встречается. В свою очередь, сочетание *святая вода* имеет значение ‘вода, освященная церковью и способная снимать сглаз и другие недуги’ (БТСРЯ), а выражение *святость воды* означает обладание жидкостью сверхъестественной силой, чудодейственными свойствами. Компонент ‘освященная церковью’, как правило, отсутствует в деадъективе даже в тех контекстах, в которых речь идет о церковных обрядах. Так, из пресуппозиции в примере (38) следует, что святость воды не отождествляется с ее освященностью, а освященная вода не всегда обладает качеством святости. Между тем в примерах (39–44) происходит коррелятивная трансформация: *глухая пора* ‘время застоя и упадка’ (БТСРЯ) – *глухость (глухота) поры, луженое горло (глотка)* ‘о способности громко, без усталости кричать, говорить или петь; о способности пить много спиртного’ (БТСРЯ) – *луженость горла (глотки)*, *тонкая усмешка* ‘выражающая иронию, лукавство’ (БТСРЯ) – *тонкость усмешки*. Интерес представляют пары *белое мясо* ‘куриная, индюшачья грудка или телятина’ (БТСРЯ) – *белизна мяса* (45), *черная икра* ‘икра осетровых рыб’ (БТСРЯ) – *чернота икры* ‘черный цвет икры’ (46), *красная икра* ‘икра лососевых рыб (кеты, нельмы и др.)’ (БТСРЯ) – *краснота икры* (47), *зеленый чай* ‘разновидность чая, дающего зеленовато-желтый настой горьковато-вяжущего вкуса’ (БТСРЯ) – **зелень чая*, *черный чай* ‘разновидность чая, дающего темный настой; байховый’ (БТСРЯ) – **чернота чая*. Например, по сравнению с другими видами мяса (красного, темного) белое мясо отличается не буквально белизной, а бледным цветом до и после приготовления.

Ко второму типу относятся выражения, в которых имя прилагательное сохраняет словарное значение, а имя существительное переосмысливается: *белые мухи* ‘кружащийся в воздухе редкий мелкий снег, появляющийся обычно в конце осени в холодную погоду, не остающийся на почве и напоминающий беспорядочно летающих мелких насекомых’ (ФОСРЯ) – **белизна мух* (насекомых), *добрый дядя* ‘человек, щедрый за чужой счет’ (БТСРЯ) – *доброта дяди* (брата отца или матери; знакомого мужчины старше по возрасту) (48), *важная птица* ‘о человеке с точки зрения его общественного значения, положения’ (БТСРЯ) – *важность птицы* (животного с крыльями) (49), *бедный родственник* ‘тот, кому покровительствуют, помогают из милости’ (БТСРЯ) – *бедность родственника* (того, кто находится в родстве) (50). Между тем в паре *запретный плод* ‘недозволенное, запрещенное, но очень привлекательное и желанное’ (БТСРЯ) – *запретность плода* происходит коррелятивная трансформация (51).

(48) *Митя, никогда раньше не задумывавшийся о том, что он был рожден крепостным и если бы не **доброта дяди**-литейщика, то, вероятно, навеки остался б рабом, сейчас болезненно переживал это обстоятельство* (НКРЯ; Форш О. Михайловский замок.1946).

(49) *И, очнувшись от печали, улыбнулся я вначале, / Видя **важность** черной **птицы**, чопорный ее задор, / Я сказал...* (По).

(50) *Даже поглядев на этот импровизированный столик, можно было понять, что мнение моей впечатлительной тетушки о вопиющей **бедности родственников**, как всегда, было крайне преувеличенным* (Серова).

(51) *Не исключено, что в ширящейся популярности М. [Мандельштама] – по роду своей поэтики поэта «для немногих» – играют роль и очевидные внелитературные моменты: **запретность плода**, например (то же относится, конечно, и к менее «трудным» Пастернаку и Цветаевой)...* (Левин).

Наконец, к третьему типу относятся выражения, в которых оба компонента реализуют несловарные значения и смысл целого выражения не складывается из значений составляющих его слов: *узкое место* – *узость места*⁸ (52), *бездонная бочка* – *бездонность бочки* (53–55), *тяжелая артиллерия* – *тяжесть артиллерии* (56), *попутный ветер* – *попутность ветра* (57–58), *мир тесен* – *теснота мира* (59).

(52) *Если бы капитан в достаточной мере учел наличные условия (**узость места**, ветер, течение и балластное состояние судна), то он не стал бы разворачиваться так, как он это сделал* (ПНМ).

⁸Не исключая возможность употребления этого сочетания как идиоматического, важно отметить, что такие контексты не были зафиксированы.

(53) Наступает между тем период, когда Бразилия перестанет воспроизводить достаточное для спроса на заграничных рынках, прежде всего европейских, количество квалифицированных игроков – при всей кажущейся **бездонности бочки**, из которой талантливые молодые футболисты поступают в клубы любого разряда (БЭ).

(54) Людьми ты, как вином, **бездонность бочки** / Грехов своих цинично заполнял (Эрлих).

(55) [На гербе] сноп связан в виде бочки, отражая легендарность названия – «Винодельненский». <...> Более того, бочка своей **бездонностью** символизирует бездонность, безграничность творческого созидательного потенциала жителей района одновременно являясь и символом удачи (Флаг).

(56) Кроме того, нужно знать, что препарат вымывает из организма калий и кальций. <...> При всей **тяжести артиллерии**, «Медрол» – очень сильный противовоспалительный препарат и во многих случаях, можно сказать, незаменимый (Препарат).

(57) Почаще обращай благодарное внимание на **попутность ветра**. Когда замечаешь, что ветер попутный, крути педали как можно резвее (Леви).

(58) **Попутность** и **встречность ветра** обусловлена-таки вращением земли (НЧЖО).

(59) Неожиданно я вижу знакомую пару из Москвы – Антона и Алену. <...> На четвертый день случайно выяснили, что работали с Антоном в одной и той же конторе почти в одно и то же время. И у нас есть общие знакомые. **Теснота мира** забавляет и пугает одновременно (Бенигсен).

Устойчивое сочетание *узкое место* имеет значение ‘наиболее слабая, уязвимая сторона в каком-либо деле, создающая затруднения, осложнения и т. п.’ (БТСРЯ), а выражение *узость места* означает недостаточную широту места (52). В свою очередь, в парах *бездонная бочка* ‘человек, который может выпить много спиртного (обычно не хмелея); то (тот), что (кто) требует многочисленных капиталовложений, затрат’ (БТСРЯ) – **бездонность бочки** (53–55), *тяжелая артиллерия* ‘человек или группа людей, пользующиеся большим авторитетом и имеющие большую власть и привлекаемые, подобно мощному оружию при проведении военных действий, для достижения определенных целей’ (ФОСРЯ) – **тяжесть артиллерии** (56), *попутный ветер* ‘обстоятельства, помогающие в осуществлении чего-либо’ (ФОСРЯ) – **попутность ветра** (57–58), *мир тесен* ‘о неожиданно обнаружившихся общих знакомых, связях’ (БТСРЯ) – **теснота мира** (59) происходит коррелятивная трансформация. В примере (55) при описании изображения бочки на гербе реализуется прямое значение выражения **бездонность бочки**. Между тем в примере (57) приводится фрагмент из сборника коротких эссе В. Л. Леви, содержащих жизненные советы автора, который для своих обобщений использует зримые образы. В то же время деадъективное выражение **попутность ветра**, как и адъективное устойчивое сочетание *попутный ветер*, может употребляться как свободное (в первичном значении составляющих его лексем) (58).

В результате рассмотрения трансформационного потенциала разных типов фразеологических единиц и сравнения их с терминологическими единицами были сделаны следующие выводы.

Во-первых, один из основных аспектов исследования некоррелятивности фразем, как и терминологических конструкций, заключается в смысловом взаимодействии устойчивых и свободных словосочетаний. В одних случаях утрачивается устойчивость и (или) образность трансформации и он может пониматься только как свободное сочетание, в других случаях демонстрируется чистая синтаксическая деривация, т. е. сохраняется фразеологичность или терминологичность конструкции, а в третьих случаях в зависимости от контекстуальных условий допускаются разные прочтения.

Во-вторых, тем, какие компоненты исходной фразеологической единицы являются носителями образности, во многом задается диапазон семантического варьирования при некоррелятивной трансформации. Если переосмысливается зависимое слово (имя прилагательное), то референциальная соотнесенность исходного и полученного сочетаний выдерживается в рамках одного класса объектов: денотат семантически главного компонента сохраняется практически неизменным, за исключением некоторого сужения или расширения понятий (*белое мясо* – *белизна мяса рыбы*). Смена грамматики конструкции влечет за собой смысловое варьирование в области признака, наблюдающееся, например, по линии детализации (*святая вода* ‘освященная церковью’) или обобщения (*святость воды* ‘обладание жидкостью сверхъестественной силой, чудодейственными свойствами’), актуализации сущностных качеств при условности их номинации (принадлежность объекта к определенному типу: *белый соус*, *белый гриб*, *твердый сыр*) либо ощутимых физических свойств (*белизна соуса*, *белизна гриба*, *твердость сыра*) и др.

Если в исходном сочетании носителем образности выступает семантически главный компонент (имя существительное), то экстенционал грамматически преобразованной конструкции (т. е. соответствующая ей ситуация или объект) представляет собой кардинально иной объект (*доброта дяди*, *бедность родственника* и т. д.) или же объект, в принципе отсутствующий в реальной действительности (выражения **белизна мух*, **жестокость романа* не существуют вне специального контекста). Чаще всего транс-

формация некоррелятивных конструкций данного типа приводит к снятию образности сочетания. Однако не исключено, что в деадъективных трансформах контекстуальными средствами может поддерживаться идиоматичность исходной конструкции (например, посредством введения в текст не только деадъективного, но и исходного, идиоматического сочетания и подчеркивания их смысловой связи). В преобразованиях подобного типа иногда встречаются корреляты. Так, в паре *запретный плод – запретность плода* семантическая соотносимость конструкций вызвана, вероятно, широкой распространенностью образа в русской культуре и высокой степенью предсказуемости совместного употребления лексем для выражения данного значения.

В-третьих, поскольку в некоторых преобразованиях переосмысливаются оба компонента, то семантические противоречия не возникают и распад единого смысла сочетания в результате деметафоризации имени прилагательного или имени существительного не происходит. В силу этого данные конструкции часто характеризуются коррелятивной трансформируемостью. Однако недостатком таких трансформов является невозможность выражения с их помощью некоторых метонимических и метафорических значений.

В-четвертых, в разных типах образных трансформов с деадъективом наблюдаются ограничения на выражение метафорических и метонимических значений, присущих исходным сочетаниям. Дело в том, что при трансформации меняется синтаксическая вершина именной группы, и это может нарушать механизм реализации метафорической модели, поскольку преобразование предполагает сопоставление логически несопоставимых объектов действительности. Устойчивое сочетание *бездонная бочка* со значением лица строится по метафорической модели *предмет – человек*. Однако трансформация фразеологизма в деадъективное выражение, построенное по модели **качество – человек*, невозможна (**удивлялся бездонности этой бочки*) (60). То же касается фразеологизма *бесплодная смоковница* со значением ‘человек, деятельность которого не приносит результатов’ (БТСРЯ): выражение **сожалел о бесплодности смоковницы*, в котором под словом *смоковница* подразумевается какое-либо лицо, невозможно (61). Устойчивое сочетание *премудрый пескарь* употребляется в значении ‘трусливый обыватель’ (БТСРЯ), однако недопустимо использовать выражение **сомневался в премудрости этого пескаря* при обозначении конкретного человека (62).

(60) У нее, старухи, здоровый аппетит, который не щадит карманов ее детей, ненасытный – не даром ее называют в сердцах *бездонной бочкой* (НКРЯ; Гельфанд В. Дневники 1944–1946 гг. 1944–1946).

(61) «Дура. *Бесплодная смоковница*, – равнодушно думал Самгин, как бы делая надписи. – Насколько Марина умнее, интереснее ее [Лидии]...» (НКРЯ; Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 3. 1928).

(62) Впрочем, не мне тебе говорить, что жизнь *«премудрого пескаря»* не стоит гроша ломаного, какой бы долгой она ни была (НКРЯ; Демидов Г. Письмо В. Т. Шаламову. 1965).

В основе некоторых идиоматических конструкций лежит метонимический перенос *человек (животное) – часть его тела, человек – его интеллектуальный (эмоциональный) жест*: *умная голова* ‘умный, толковый человек’ (БТСРЯ), *ненасытная утроба* ‘такой, которого трудно насытить, накормить; прожорливый’ (БТСРЯ), *живой укор* ‘кто-либо находящийся перед глазами и вызывающий угрызения совести’ (БТСРЯ) (63), *луженая глотка* ‘тот, кто способен громко, без усталости кричать, говорить или петь; тот, кто способен пить много спиртного’ (БТСРЯ) (64), *тяжелая рука* ‘о том, кто сильно и больно бьет; о том, кто приносит неудачу в деле’ (БТСРЯ).

(63) Невозможно сказать: умер Миклош Янчо, ушла эпоха. Эпоха... важной частью которой был режиссер, ушла давным-давно. И он оставался лишь *живым* упреком, *укором* эпохе, пришедшей на смену той, во времена которой он мог творить и даже пользоваться успехом (НКРЯ; Павлов А. Миклош Янчо, режиссер со взглядом. Известия. 2014. Февр.).

(64) – ...Янки – индюки! – хором заканчивают сотни *луженых глоток* (НКРЯ; Браво А. Комендантский час для ласточек. Сибирские огни. 2012).

Интересно, что деадъективы обладают способностью метонимически называть лицо, идентифицировать его по характерному признаку (65–66).

(65) Но к родителям *юность* особо сурова, / Ей совсем не к лицу проявлять *мягкотелость* (Тушнова).

(66) *Безумство* ищет, *глупость* судит (НКРЯ; Тютчев Ф. Не рассуждай, не хлопочи!.. 1850).

Однако при трансформации заложенная в исходную конструкцию метонимическая модель нарушается, а признак, выражаемый теперь посредством деадъектива (*луженость, живость*), видимо, не является идентифицирующим для объекта (как, например, *юность, безумство, глупость*).

В-пятых, к причинам нетрансформируемости (по крайней мере в узусе и вне языковой игры), предполагающей невозможность преобразовать устойчивую конструкцию даже в свободное сочетание, относятся несоответствие семантических структур отвлеченного имени существительного и мотивирующего производящего имени прилагательного, а также смысловая несогласованность между деадъективом и субстантивом в рамках свободного сочетания. Как упоминалось, при отсутствии реальной ситуации или объекта (экстенционала) не встречаются сочетания **белизна мух*, **белизна человека* (деадъектив *белизна* предельно сужает комплекс значений мотивирующего имени прилагательного и реализует только значение цвета).

Или если, например, устойчивая конструкция *зеленая улица* ‘о свободном пути для любого транспорта; об отсутствии препятствий, задержек для осуществления чего-либо’ (БТСРЯ) способна претерпевать некоррелятивную трансформацию (*зелень улицы* ‘зеленая растительность на улице’), то выражения *зеленый чай* и *черный чай* нет (выражения **зелень чая*, **чернота чая* невозможны, поскольку цвет жидкости, получаемой при заваривании этих сортов чая, не соответствует прототипическому зеленому и черному цветам). Следует, однако, указать на возможность использования синонимических конструкций для актуализации соответствующего цветового значения (*чай заварился до черноты*), при этом номинации выполняют уже не идентифицирующую (указание на таксон в классификации), а дескриптивную функцию.

Заключение

Причиной, по которой ответы на многие вопросы еще не найдены, является качество, внутренне присущее фразеологизмам, – их нерегулярность. Созданные вопреки какому-то грамматическому или семантическому правилу, в его нарушение, устойчивые сочетания с трудом вписываются в классификационные клетки исследователя, оставляют многочисленные случаи до конца необъясненными и логически непонятными.

С точки зрения трансформации область устойчивых сочетаний представляется насквозь континуальной: трансформируемость и нетрансформируемость, коррелятивность и некоррелятивность не разделяются четкой границей в силу постоянной балансировки между узуальными и индивидуально-речевыми, игровыми структурами, потенциальными и уже актуализированными с возникновением коммуникативной потребности единицами, конструкциями, понимаемыми однозначно, и конструкциями, приобретающими семантические приращения в контексте.

В специальной сфере терминологические сочетания значительно реже фиксируют образное переосмысление компонентов, к тому же их употребление во многих случаях обусловлено заданностью термина, который необходимо поместить в определенную актантную позицию предиката. В отличие от терминов образные единицы – это по большей части особый, причем вариативный, способ сказать о мире, поэтому при синтаксической неподатливости фраземы язык (узус) предлагает немало аналогичных способов замены.

В силу потенциальности (а не реальности) и во многих случаях отсутствия языкового прецедента трансформации фраземы говорящий, исходя из собственных коммуникативных задач и языкового чутья, принимает решение в пользу грамматической модификации фразеологизма либо использования синонимического средства. То, что в каждом конкретном случае окажется важнее, представляется сугубо индивидуальным (языковая игра, актуализация связи с устойчивой конструкцией, нетривиальное описание мира или употребление сдержанной, нормативной конструкции, нейтральное выражение данной мысли при необходимости выдвинуть на первый план иную смысловую единицу текста). Прагматика трансформации или отказа от нее, безусловно, является темой отдельной статьи.

Сокращения

Акройд – *Акройд П.* Темза. Священная река. М. : Изд-во Ольги Морозовой, 2009. 564 с. ; **Андреев** – *Андреев Б. Б.* Эстетический феномен исполнительского мастерства в советском кино : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.04. М., 2004. 43 с. ; **Баранов** – *Баранов А. Н.* Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славян культуры, 2014. 632 с. ; **Бенигсен** – *Бенигсен В.* Закон Шруделя [Электронный ресурс]. URL: http://loveread.me/read_book.php?id=36147&p=51 (дата обращения: 03.08.2022) ; **БТСРЯ** – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с. ; **БЭ** – Бразильская экспансия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sportsdaily.ru/articles/brazilskaya-ekspansiya-10254> (дата обращения: 10.10.2022) ; **ВТ** – Винные танины – вводный курс для начинающих [Электронный ресурс]. URL: https://dobro.wine/blog/articles/vinnye_taniny_vvodnyy_ekskurs_dlya_nachinayushchikh/ (дата обращения: 10.10.2022) ; **ГДЛ** – Герменевтика древнерусской литературы / под ред. М. Ю. Люстрова. М. : Языки слав. культуры, 2004. 912 с. ; **Голубков** – *Голубков Д.* Озеро // Новый мир. 1978. № 1. С. 48–70 ; **Гончарук** – *Гончарук А. Ю.* Арт-терапевтические возможности музыкального искусства в реабилитационной деятельности с детьми-инвалидами. М. : Русайнс, 2018. 178 с. ; **ГР** – Готовим рыбу [Электронный ресурс]. URL: <https://eda.wikireading.ru/27010> (дата обращения: 07.09.2022) ; **Григорян** – *Григорян Э. Р.* Доминанты «лишнего человека»: интертекстуальность литературных героев // Актуал. проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов VII (XXI) Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Томск, 16–18 апр. 2020 г.) / под ред. А. Г. Кожевниковой. Томск : Изд. дом ТГУ, 2020. Вып. 21. С. 294–299 ; **ЕРМ** – Если родители мужа не приняли невестку, брак обречен? [Электронный ресурс]. URL: <https://>

sovetsk.kidstaff.com.ua/question-1806635-5 (дата обращения: 07.09.2022); **ЖМС** – Жизнь с маменькиным сыночком. Форум [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/forum/topic.php?id=407902> (дата обращения: 07.09.2022); **Жуков** – Жуков М. А. «Коренность» как содержательное понятие нормативных правовых актов // Журнал рос. права. 2009. № 6. С. 123–131; **Иванов** – Иванов В. В. Пасмурный лист. М.: Правда, 1987. 478 с.; **КБ2020** – Каким был 2020-й, такие и чудеса [Электронный ресурс]. URL: <https://irecommend.ru/content/kakim-by-2020-yi-takie-i-chudes-a-otbornaya-imitatsiya-ikry-v-banke-s-otvalivayush-chimsya-kl> (дата обращения: 10.10.2022); **Леви** – Леви В. Л. Коротко о главном. М.: Торобоан, 2010. 480 с.; **Левин** – Левин Ю. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки рус. культуры, 1998. 824 с.; **Лесин** – Лесин Е. И немедленно выпил. Венедикт Ерофеев и др. [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2010/12/05/232> (дата обращения: 15.08.2022); **Мастера** – Мастера МХАТ. М.: Искусство, 1939. 380 с.; **Математика** – Математика [Электронный ресурс]. URL: <http://math.hashcode.ru/questions/14261/> (дата обращения: 10.10.2022); **Медведева** – Медведева С. Священник рассказал, что следует знать о крещенской воде [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/01/17/regpfo/nizhegorodskij-sviashchennik-rasskazal-cto-sleduet-znat-o-kreshchenskoj-vode.html> (дата обращения: 10.10.2022); **Миронов** – Миронов В. Г. Булавоусые чешуекрылые (Lepidoptera: Hesperioidea, Papilionoidea) Новгородской области // Эверсманния. Энтомол. исслед. в России и соседних регионах. 2016. № 45–46. С. 34–50; **МС** – Откровения. Форум [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.moya-semya.ru/index.php?app=forums&module=forums&controller=topic&id=81417&page=24&tab=comments#comment-6510738> (дата обращения: 07.09.2022); **НКРЯ** – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 19.10.2022); **НЧЖО** – На что жалуются отдыхающие на Кубе [Электронный ресурс]. URL: https://tonkosti.ru/otzyv/Nytiki-pust-sidyat-doma_%E2%80%94ZhurnalNa-cto-zhaluyutsya-otdyhayushchie-na-Kube-glavnye-minusy-strany-265658382 (дата обращения: 07.09.2022); **Осоргин** – Осоргин М. Собрание сочинений. Т. 2: Старинные рассказы. М.: Моск. рабочий, 1999. 566 с.; **ПНМ** – Посадка на мель (на рифы, на камни) и меры для снятия судна с мели [Электронный ресурс]. URL: <https://flot.com/publications/books/shelf/shipwrecks/11.htm> (дата обращения: 12.10.2022); **По** – Эдгар Алан По. Ворон (перевод М. Зенкевича) [Электронный ресурс]. URL: <http://artsportal.ru/poetry/20714> (дата обращения: 12.10.2022); **Подолкина** – Подолкина Е. А., Ханина М. А., Рудак-ков О. Б. и др. Спектрометрическое определение фенольных соединений из травы василька синего // Химия раст. сырья. 2019. № 3. С. 145–152; **ПП** – Патентный поиск в РФ. Имитатор визуальной обстановки авиационного тренажера [Электронный ресурс]. URL: <https://www.freepatent.ru/patents/2230370> (дата обращения: 10.10.2022); **Препарат** – Препарат Pfizer «Медрол» [Электронный ресурс]. URL: https://otzovik.com/review_13396582.html (дата обращения: 07.09.2022); **Приключения** – Приключения. Форум [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prikl.org/forum/text/index.php/t6032-150.html>; <http://www.prikl.org/forum/index.php?showtopic=4022&st=all> (дата обращения: 08.09.2022); **П2020** – Почему 2020 год такой сложный, или Разбор мифа про высокосность [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/media/territoria/pochemu-2020-god-takoi-slojnyi-ili-razbor-mifa-pro-visokosnost-5f985e9fd203541abd8d0f6c> (дата обращения: 10.10.2022); **РБ** – Ромовая баба (baba au rhum) [Электронный ресурс]. URL: <http://hulinar.ru/2014/06/16/ромовая-баба-baba-au-rhum/> (дата обращения: 08.09.2022); **Серова** – Серова М. По-пытка не пытка. М.: Эксмо-пресс, 2008. 288 с.; **Сологуб** – Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой // Ежегод. Рукопис. отд. Пушкин. дома на 1998–1999 г. / под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 224–271; **СО** – Веретенников Б. М., Мохрачева Л. П., Соболев А. Б., Ходак Г. Л. Студенческие олимпиады по математике УГТУ-УПИ им. Б. Н. Ельцина. М.: Физматлит, 2009. 256 с.; **СС** – Семь стран глазами простого туриста. Венгрия [Электронный ресурс]. URL: <https://album.turizm.ru/story/241480-sem-stran-glazami-prostogo-turista-vengriya/> (дата обращения: 08.09.2022); **Тушнова** – Тушнова В. Память сердца. М.: Сов. писатель, 1958. 147 с.; **УБ** – Интенсив. Учитесь быстрее. Как определить, правильный это глагол или неправильный? [Электронный ресурс]. URL: <https://intensiv.ru/blog/ak-opredelit-pravilnyj-jeto-glagol-ili-nepravilnyj/> (дата обращения: 10.10.2022); **Фатеева** – Фатеева Н. А. Поэзия как филологический дискурс. М.: Языки слав. культуры, 2017. 360 с.; **Федосеев** – Федосеев Н. Г. Категория «личности» в творчестве А. П. Чехова: к вопросу о типологии героев в русской литературе // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Серия 9, Филология, востоковедение, журналистика. 2009. Вып. 1, ч. 2. С. 31–40; **Флаг** – Флаг Ипатьевского городского округа [Электронный ресурс]. URL: <https://geraldika.ru/s/37930> (дата обращения: 10.10.2022); **ФОСРЯ** – Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Эксмо, 2009. 704 с.; **Хоссейни** – Хоссейни А., Мехраби К. Сопоставление категории залога в русском и персидском языках // Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji. 2007. № 35. С. 31–49; **Цветаева** – Цветаева А. Из прошлого // Новый мир. 1966. № 1. С. 39–133; **Чернова** – Чернова Е. В. Русский бытовой романс в ранней лирике С. А. Есенина // Вестн. Воронежск. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 1. С. 103–109; **Чупина** – Чупина И. П. Концептуальные основания категоризации фрагментов действительности соматическими фразовыми глаголами // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2011. № 2. С. 55–61; **Шарафадина** – Шарафадина К. И. Обновление традиций флоропэтики в лирике А. Фета // Рус. лит. 2005. № 2. С. 18–54; **Шишкин** – Шишкин Е. Правда и блаженство. Минск: Харвест, 2017. 639 с.; **Шумилова** – Шумилова Т. Лунные прописи: книга избранных стихотворений [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.by/books?id=Mz4REAAAQBAJ&pg=PT125&lpg=PT125&dq=v=onpage&q&f=false> (дата обращения: 08.09.2022); **ЭГУ** – Энциклопедия государственного управления в России / под ред. В. К. Егорова. М.: РАГС, 2008. Т. 2. 520 с.; **Эрлих** – Эрлих А. Сказание о Прометее. Комедия [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2017/12/20/4433> (дата обращения: 10.10.2022).

Библиографические ссылки

1. Чернейко ЛО. *Лингво-философский анализ абстрактного имени*. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 1997. 320 с.
2. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. В: Звегинцев ВА, редактор. *Очерки по лингвистике*. Москва: Издательство иностранной литературы; 1962. с. 57–70.
3. Адамец П. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных. *Филологические науки*. 1973;4:40–47.
4. Всеволодова МВ. *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка*. Москва: УРСС; 2017. 656 с.
5. Золотова ГА. О синтаксических свойствах имен качества. В: Золотова ГА, редактор. *Синтаксис и стилистика*. Москва: Наука; 1976. с. 130–161.
6. Кубрякова ЕС. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянских культур; 2004. 560 с.

7. Падучева ЕВ. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте. В: Падучева ЕВ, редактор. *Статьи разных лет*. Москва: Языки славянских культур; 2009. с. 317–337.
8. Падучева ЕВ. Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации в русском языке. В: Падучева ЕВ, редактор. *Статьи разных лет*. Москва: Языки славянских культур; 2009. с. 145–172.
9. Пазельская АГ. *Наследование глагольных категорий именами ситуаций* [диссертация]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 2006. 216 с.
10. Пазельская АГ. Образование отглагольных существительных и актантные преобразования в РЯ. В: Бондарко АВ, Кустова ГИ, Розина РИ, редакторы. *Динамические модели. Слово. Предложение*. Москва: Языки славянских культур; 2008. с. 634–645.
11. Пазельская АГ, Татевосов СГ. Отглагольное имя и структура русского глагола. В: Плунгян ВА, Татевосов СГ, редакторы. *Исследования по глагольной деривации*. Москва: Языки славянских культур; 2008. с. 348–376.
12. Розина РИ. Номинализации в разговорной речи. В: Кибрик АА, редактор. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Выпуск 7(14). Материалы ежегодной международной конференции «Диалог»; 4–8 июня 2008 г.; Бекасово, Россия*. Москва: Институт проблем информатики Российской академии наук; 2008. с. 449–452.
13. Жуков ВП. Формоизменение фразеологизмов русского языка. *Русистика*. 1991;2:36–40.
14. Баранов АН, Добровольский ДО. *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак; 2008. 656 с.
15. Богданов СИ, Евтюхин ВБ, Князев ЮП, Смирнов ЮБ, Рыжова (Меньшикова) ЮВ, Воейкова МД. *Морфология современного русского языка*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2009. 634 с.
16. Шведова НЮ, редактор. *Русская грамматика. Том 1*. Москва: Наука; 1980. 783 с.
17. Ташлыкова МБ. *Семантические этюды о «синтаксической деривации»*. Иркутск: Иркутский государственный университет; 2013. 277 с.
18. Поляничко ЯВ. Национальная специфика семантики прилагательного (на примере лексемы «легкий»). В: Стернин ИА, редактор. *Семантико-когнитивные исследования. Выпуск 9*. Воронеж: Ритм; 2018. с. 14–18.

References

1. Cherneiko LO. *Lingvo-filosofskii analiz abstraktnogo imeni* [Linguo-philosophical analysis of an abstract name]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1997. 320 p. Russian.
2. Kurilovich E. [Lexical derivation and syntactic derivation]. In: Zvegintsev VA, editor. *Ocherki po lingvistike* [Essays in linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1962. p. 57–70. Russian.
3. Adamets P. [About the semantic-syntactic functions of deverbative and deadjective nouns]. *Filologicheskie nauki*. 1973;4: 40–47. Russian.
4. Vsevolodova MV. *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: fragment prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli yazyka* [The theory of functional-communicative syntax: a fragment of the applied (pedagogical) language model]. Moscow: URSS; 2017. 656 p. Russian.
5. Zolotova GA. [About the syntactic properties of quality nouns]. In: Zolotova GA, editor. *Sintaksis i stilistika* [Syntax and stylistics]. Moscow: Nauka; 1976. p. 130–161. Russian.
6. Kubryakova ES. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: on the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2004. 560 p. Russian.
7. Paducheva EV. [Predicate nouns in the lexicographic aspect]. In: Paducheva EV, editor. *Stat'i raznykh let* [Articles from different years]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2009. p. 317–337. Russian.
8. Paducheva EV. [About attributive contraction of subordinate predication in Russian]. In: Paducheva EV, editor. *Stat'i raznykh let* [Articles from different years]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2009. p. 145–172. Russian.
9. Pazel'skaya AG. *Nasledovanie glagol'nykh kategorii imenami situatsii* [Inheritance of verb categories of names] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2006. 216 p. Russian.
10. Pazel'skaya AG. [Formation of verbal nouns and actant transformations in Russian]. In: Bondarko AV, Kustova GI, Rozina RI, editors. *Dinamicheskie modeli. Slovo. Predlozhenie* [Dynamic models. Word. Sentence]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2008. p. 634–645. Russian.
11. Pazel'skaya AG, Tatevosov SG. [Verbal name and structure of the Russian verb]. In: Plungyan VA, Tatevosov SG, editors. *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii* [Research on verb derivation]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2008. p. 348–376. Russian.
12. Rozina RI. [Nominalisations in colloquial speech]. In: Kibrik AA, editor. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Выпуск 7(14). Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог»; 4–8 июня 2008 г.; Бекасово, Россия* [Computational linguistics and intelligent technologies. Issue 7(14). Proceedings of the annual International conference «Dialogue»; 2008 June 4–8; Bekasovo, Russia]. Moscow: The Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences; 2008. p. 449–452. Russian.
13. Zhukov VP. [Form change of phraseological units of the Russian language]. *Rusistika*. 1991;2:36–40. Russian.
14. Baranov AN, Dobvol'skii DO. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Знак; 2008. 656 p. Russian.
15. Bogdanov SI, Evtyukhin VB, Knyazev YuP, Smirnov YuB, Ryzhova (Men'shikova) YuV, Voeikova MD. *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Morphology of the modern Russian language]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2009. 634 p. Russian.
16. Shvedova NYu, editor. *Russkaya grammatika. Tom 1* [Russian grammar. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1980. 783 p. Russian.
17. Tashlykova MB. *Semanticheskie etyudy o «sintaksicheskoi derivatsii»* [Semantic studies on «syntactic derivation»]. Irkutsk: Irkutsk State University; 2013. 277 p. Russian.
18. Polyanchko YaV. [National specificity of the semantics of the adjective (on the example of the lexeme «legkii»)]. In: Sternin IA, editor. *Semantiko-kognitivnye issledovaniya. Выпуск 9* [Semantic-cognitive research. Issue 9]. Voronezh: Ritm; 2018. p. 14–18. Russian.

Статья поступила в редколлегию 13.11.2022.
Received by editorial board 13.11.2022.

НАРОДНАЯ ЛИНГВИСТИКА И СОЦИОЛИНГВИСТИКА: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РУССКО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Т. В. БОБКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются особенности отношения русско- и белорусскоязычных белорусов к тому государственному языку, который не используется ими в интернет-коммуникации (белорусский и русский языки соответственно). Определяются социалингвистические характеристики русского и белорусского языков, которые становятся объектом внимания и осмысления в наивных лингвистических представлениях русско- и белорусскоязычных говорящих. Устанавливается, что отношение к двум языкам белорусского социума выражается как в эксплицитной (метаязыковые высказывания), так и в имплицитной (переключение кодов) форме. И эксплицитные, и имплицитные метаязыковые высказывания имеют как существенные сходства, так и важные различия с точки зрения их количества, тематики и функций. Утверждается, что представления о сосуществовании и конкуренции русского и белорусского языков внутри языковой ситуации Беларуси влияют на речевые практики, а именно обуславливают спектр ситуаций, в которых говорящие обращают внимание на язык, не являющийся предпочитаемым в коммуникации, и определяют содержательные и прагматические характеристики метаязыковых комментариев.

Ключевые слова: метакоммуникация; метаязыковая функция языка; наивная лингвистика; интернет-коммуникация; языковая ситуация.

НАРОДНАЯ ЛІНГВІСТЫКА І САЦЫЯЛІНГВІСТЫКА: УЯЎЛЕННІ АБ МОЎНАЙ СІТУАЦЫІ Ў РУСКА- І БЕЛАРУСКАМОЎНАЙ ІНТЭРНЭТ-КАМУНІКАЦЫІ

Т. В. БАБКО^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуюцца асаблівасці стаўлення руска- і беларускамоўных беларусаў да той дзяржаўнай мовы, якая не выкарыстоўваецца імі ў інтэрнэт-камунікацыі (беларуская і руская мовы адпаведна). Вызначаюцца сацыялінгвістычныя характарыстыкі рускай і беларускай моў, якія становяцца аб'ектам увагі і асэнсавання ў наіўных лінгвістычных уяўленнях руска- і беларускамоўных беларусаў. Устанаўліваецца, што стаўленне да дзвюх моў беларускага соцыуму выражаецца як у экспліцытнай (метамоўныя выказванні), так і ў імпліцытнай (пераключэнне кодаў) форме. І экспліцытныя, і імпліцытныя метамоўныя выказванні маюць як істотныя падобнасці, так і важныя адрозненні з пункту гледжання іх колькасці, тэматыкі і функцый. Высвятляецца, што ўяўленні аб суіснаванні і канкурэнцыі рускай і беларускай моў унутры моўнай сітуацыі Беларусі ўплываюць на маўленчыя практыкі, а менавіта абумоўліваюць спектр сітуацый, у якіх звяртаецца ўвага на тую мову, якой не аддаецца перавага ў камунікацыі, і вызначаюць змястоўныя і прагматычныя характарыстыкі метамоўных каментарыяў.

Ключавыя словы: метакамунікацыя; метамоўная функцыя мовы; наіўная лінгвістыка; інтэрнэт-камунікацыя; моўная сітуацыя.

Образец цитирования:

Бобко ТВ. Народная лингвистика и социалингвистика: представления о языковой ситуации в русско- и белорусскоязычной интернет-коммуникации. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2023;1:59–68. <https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-59-68>

For citation:

Bobko TV. Folk linguistics and sociolinguistics: concepts of the language situation in Russian and Belarusian Internet communication. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;1:59–68. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-59-68>

Автор:

Татьяна Викторовна Бобко – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета.

Author:

Tatyana V. Bobko, PhD (philology), docent; associate professor at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology. tatyana1973@tut.by <https://orcid.org/0000-0002-4763-0515>

FOLK LINGUISTICS AND SOCIOLINGUISTICS: CONCEPTS OF THE LANGUAGE SITUATION IN RUSSIAN AND BELARUSIAN INTERNET COMMUNICATION

T. V. BOBKO^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article discusses the attitude of Russian- and Belarusian-speaking Belarusians to the language of the country that is currently not used by them in Internet communication (Belarusian and Russian languages, respectively). The purpose of the article is to determine those sociolinguistic characteristics of the Russian and Belarusian languages that become the object of attention and comprehension in the naive linguistic ideas of Russian and Belarusian speakers. It was found that the attitude to the two languages of the Belarusian society can be expressed both in explicit metalinguistic statements about these languages, and in an implicit form (by switching codes). Both explicit and implicit metalinguistic statements have both significant similarities and a number of important differences in terms of quantity, subject matter, and functions. The patterns obtained suggest that the ideas about the coexistence and competition of the Russian and Belarusian languages within the language situation in Belarus affect speech practices, determining the range of situations in which speakers pay attention to the language that is not their preferred language of communication, and determining meaningful and pragmatic characteristics of metalinguistic comments.

Keywords: metacommunication; metalanguage function of language; naive linguistics; Internet communication; language situation.

Введение

Анализ мнений носителей языка о языке представляется актуальным как для выяснения скрытых механизмов работы метаязыкового сознания, так и для достижения социолингвистических целей, в частности для теоретического осмысления какой-либо языковой ситуации или решения ряда прикладных задач языковой политики. Например, актуальные проблемы исследований народной лингвистики в социолингвистическом ракурсе рассматриваются в публикации [1]. В современной социолингвистике активно изучаются особенности отношения говорящих к своему языку (диалекту) или к языкам соседних стран [2–7]. Это обусловлено необходимостью решения вопросов нормализации языка, языкового планирования, взаимоотношения языков (диалектов) в многоязычных языковых ситуациях, поскольку метаязыковые представления носителей языка являются одним из факторов воздействия на социокультурную ситуацию в языковом сообществе и основополагающим фактором речевого поведения говорящих [8, с. 15]. По мнению Д. П. Моисеевой, «представления говорящего о своем и чужих языках, их носителях, языковой норме коренным образом влияют на его собственные языковые практики» [9, с. 176]. Отношение говорящих к русскому и белорусскому языкам – значимый аспект изучения языковой ситуации Беларуси. В отечественной лингвистике отношение белорусов к сосуществованию и использованию русского и белорусского языков (а также смешанной речи, трясанки) обсуждалось в публикациях Н. Б. Мечковской [10], Е. В. Ленкевич [11–13] и О. С. Горлицкой [14]. Дискуссии в интернете, триггером которых является использование в публикациях белорусского языка, рассматривались в работах А. А. Сомина [15; 16].

Отношение говорящих к языку может изучаться или с помощью различных методик анкетирования и опроса, или через анализ метаязыковых высказываний (некоторые методики описаны в публикации [17]). Выделяются следующие ракурсы во взглядах говорящих на язык: отношение к статусу и функциям государственного языка (диалекта) и языка соседних стран, отношение к нормативно-стилистической системе языка и отношение к речевым практикам, т. е. к тому, как используется язык в различных ситуациях коммуникации. Все аспекты отношения говорящих к языку интегрируются в наивную мифологию языка: «Каждый пользователь языка имеет определенные представления о языке, его единицах, процессах его использования и изучения, своеобразную “личную теорию” языка. Такая личная теория может найти свое выражение как в явных размышлениях об устройстве и употреблении языка, так и в менее явных мнениях и даже предрассудках. Как и любой другой вид человеческой деятельности, метаязыковая деятельность управляется стереотипами, которые и формируют мифологическую картину жизни языка и жизни в языке» [18, с. 4].

В настоящей статье рассматриваются особенности отношения русско- и белорусскоязычных белорусов к государственному языку, который не используется ими в интернет-коммуникации (белорусский

и русский языки соответственно). Цель исследования заключается в определении социолингвистических характеристик русского и белорусского языков, которые становятся объектом внимания и осмысления в наивных лингвистических представлениях русско- и белорусскоязычных говорящих.

Материал и методы исследования

Метаязыковые высказывания о русском и белорусском языках были собраны на русско- и белорусскоязычных форумах в белорусском интернет-пространстве (*onliner.by, diva.by, semeistvo.by, second.by, dzietki.org, by-svet.com*). В выборку не были включены общественно-политические и лингвистические дискуссии, поскольку в подобных обсуждениях триггер (стимул) метаязыковой рефлексии задается их темой. Представляется важным рассмотреть именно те метаязыковые высказывания, которые имеют спонтанный характер и порождаются в ходе обсуждения вопросов, не затрагивающих языковую ситуацию или языковую норму. Это достаточно широкий круг бытовых или общественных дел, связанных с разными аспектами повседневной жизни. Такие неподготовленные метаязыковые высказывания позволяют проследить стимулы метаязыковой рефлексии, которые возникают в процессе обыденного общения, и выявить наивные представления коммуникантов о бытовании и сосуществовании двух языков. Кроме того, подобные высказывания дают более достоверную картину метаязыковых представлений говорящих, чем дискуссии на лингвистическую или социолингвистическую тему [15].

Из обсуждений русскоязычных пользователей были извлечены 318 одиночных метаязыковых реплик и 130 метаязыковых дискуссий, содержащих несколько реплик подряд (к метаязыковым относятся дискуссии, триггером которых служит метаязыковая реплика). Из обсуждений белорусскоязычных пользователей были извлечены 176 одиночных метаязыковых реплик и 128 метаязыковых дискуссий. С помощью методов дискурс-анализа и контент-анализа были выделены метаязыковые высказывания белорусскоязычных пользователей о русском языке и русскоязычных пользователей о белорусском языке. При анализе учитывались также метаязыковые комментарии с межфразовым и внутрифразовым переключением кодов (с включением единиц русского языка в белорусскоязычный комментарий и с включением единиц белорусского языка в русскоязычный комментарий). Метаязыковая функция таких высказываний имеет имплицитный характер, но при этом служит любопытным объектом социолингвистических и лингвокультурных интерпретаций.

Результаты и их обсуждение

Анализ метаязыковых высказываний русскоязычных говорящих о белорусском языке и белорусскоязычных говорящих о русском языке (эксплицитная форма выражения отношения к языку) показал несимметричность таких комментариев как в количественном, так и в тематическом плане. Во-первых, белорусскоязычные коммуниканты значительно чаще говорят о русском языке, чем русскоязычные коммуниканты – о белорусском языке. Во-вторых, тематика белорусскоязычных комментариев является более разнообразной, чем тематика русскоязычных комментариев. При наличии совпадающих тем имеются специфические для белорусскоязычных пользователей вопросы, которые не находятся в фокусе внимания русскоязычных пользователей.

Совпадающими темами русско- и белорусскоязычных комментариев являются социолингвистические характеристики (статус и функции) обоих языков белорусского социума и особенности переключения языковых кодов в процессе общения.

Белорусскоязычные собеседники обсуждают статус и функции сосуществующих в Беларуси языков намного чаще, чем русскоязычные собеседники. Так, были зафиксированы только единичные случаи упоминания русскоязычными говорящими белорусского языка как одного из языков белорусского социума (1).

(1) – *Вы меня простите, но когда человек с высшим образованием говорит о том, что ему не нужна ИСТОРИЯ и ГОСУДАРСТВЕННЫЙ язык страны¹... Без комментариев, как говорится. А потом мы удивляемся, что нас не уважают как нацию.*

– *Вот вы про языки. А на каком языке вы общаетесь? Вот когда вы начнете общаться на бел. мове, тогда будете иметь полное право осуждать тех, кто не желает изучать свой родной язык. Сколько % населения говорит на белорусском? а сколько на нормальном русском?²*

В то же время для белорусскоязычных пользователей обсуждение статуса русского языка по сравнению со статусом белорусского языка является достаточно типичным (2).

¹Полужирный курсив в цитатах наш. – Т. Б.

²Здесь и далее примеры приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

(2) – *Справа ў тым, што расейская (да, мне так больш падабаецца) мова – хочам мы ці не – шмат для каго больш зручны сродак камунікацыі. І для мяне ў тым ліку, на жаль.*

– *Узьнікла пытаньне. А калі ў цябе будзе выбар, абраць картку з беларускамоўным інтэрфейсам сайта, але ёй можна рабіць толькі інтэрнэт-плацяжы кшталту камунальных і аплаты гурткоў, квіткоў у тэатр і т. п. і картку, якая прапановуе шырокія магчымасьці карыстаньня ёй у інтэрнэце, але інтэрфейс – рускі, ты якую абярэш?*

– *Крыху тут разам пабалбочам, і неякі муж не страшны будзе са сваёю расейскаю.*

Приведенные примеры иллюстрируют сходство русского и белорусского языков в тех аспектах их социального бытования, на которые обращают внимание русско- и белорусскоязычные пользователи. При обсуждении выбора языка для общения русскоязычные коммуниканты часто приводят в качестве аргумента одновременно этноконсолидирующую функцию белорусского языка и его недостаточную демографическую мощность по сравнению с русским языком. В фокусе внимания белорусскоязычных коммуникантов находится бо́льшая коммуникативная мощность русского языка, и, как следствие, вопрос о выборе белорусского языка в качестве основного средства общения связан у них с такими проблемами, как необходимость поиска компетентного языкового окружения и недостаточное количество современных белорусскоязычных сервисов.

Вопрос о том, какие функции выполняет русский язык по сравнению с белорусским языком, обуславливает акцентирование коммуникантами внимания на этноконсолидирующей и символической функциях белорусского языка (3).

(3) – *Але з іншага боку. Камунікатыўную функцыю ў нашай краіне, з вашых жа словаў, выконвае мова руская. Вам яе недастаткова для камунікацыі? Ёсць хоць адзін чалавек у гэтай краіне, які не разумее па-руску? На што ж вы тады і самі беларускай размаўляеце і дзяцей вучыце? Хіба не таму толькі, што гэта мова НАША, нацыянальная, нашае культурнае багацце, якое мы не хочам страціць? Хіба ў нашым выпадку якраз апошняя роля, роля нацыянальна-культурная не выходзіць на першы план?*

– *Я згодна з нацыянальна-культурнай роляй мовы. І з тым, што толькі праз мову мы зможам захаваць сябе як народ. Што мова звязвае нас з нашым мінулым.*

Таким образом, социолингвистические обсуждения русского и белорусского языков имеют симметричный характер и показывают, что русско- и белорусскоязычные коммуниканты отчетливо ощущают разницу в функционировании языков и опираются на одинаковые аргументы в дискуссиях о выборе языка как в виртуальном, так и в реальном общении.

Второй совпадающий аспект в обсуждении русского и белорусского языков, который касается переключения языковых кодов, имеет больше различий, чем сходств. Русскоязычные коммуниканты комментируют смену языка общения в актуальной беседе, при этом в русскоязычных дискуссиях это самая частая ситуация, когда в фокус внимания говорящих попадает белорусский язык (4–5).

(4) – *Ой, а чего все перешили на родную мову?*

– *Гэта змова))))*

(5) – *Чегой то ты на бел. мову перешла?*

– *А я проста адказваю на мове суразмоўцы.*

Для белорусскоязычных говорящих вопрос о переключении кодов не связан с текущим диалогом. Помимо прочего, это обусловлено тем, что в русскоязычных дискуссиях реплики на белорусском языке являются нечастотными, но вполне возможными, тогда как случай употребления в белорусскоязычной дискуссии реплики на русском языке был зафиксирован только один раз. Вопрос о переключении кодов касается языковой ситуации в целом, при этом говорящие выделяют различные причины выбора языка коммуникации (от ощущения личного комфорта или дискомфорта до предпочтения кооперативного или некооперативного стиля взаимодействия) (6–7).

(6) – *Дый у паўсядзённым жыцці... Ну прыкладам, аддаю перавагу таму, каб на сходах бацькоўскіх маўчаць. Па-расейску не хочацца, па-беларуску напружвае. Прычым абодва бакі. Мяне – увага, там – разуменне...*

– *Мае спакойна ставяцца да маёй мовы, але з імі я гавару па-расейску.*

– *А мае нібыта рускамоўныя знаёмыя раптам пераходзяць на беларускую... і незнаёмыя.*

(7) – *Я ўжо не кажу пра фразы: давай кажы па-расейску...*

– *Калі гэта сказана без агрэсіі, я спакойна пераходжу на расейскую.*

– *Я не бачу сэнсу пераходзіць на расейскую па першай просьбе. На беларускую ў адказ мне ніхто не пераходзіць. Так што... парытэт.*

Любопытно, что в ситуации переключения кодов русскоязычные говорящие независимо от основного языка дискуссии имеют потребность извиниться за недостаточное знание белорусского языка или по крайней мере сослаться на недостаточный уровень владения им (8–9).

(8) – **Я как раз хотела извиниться, что отвечаю на русском.** К сожалению, не владею так хорошо родной мовой.

(9) – В этой теме можно только на белорусском писать?

– Усё ж адкажу. Але пытаньнем на пытаньне. У нас 2 дзяржаўныя мовы, хіба не?

– **Я пока что вспомнила только «прабачце»!** Читать стало немного тяжелее, прям глаза ломаются с непривычки.

Следует упомянуть, что ни в одном случае переключение кодов не стало конфликтогенным: говорящие продолжают общение на удобном для себя языке. Это может свидетельствовать как о вполне очевидном отсутствии проблемы понимания собеседника, так и об избегании конфликтов в текущем диалоге и стремлении не отвлекаться от темы обсуждения, чтобы не нарушать правила ведения дискуссии на форуме.

Только для белорусскоязычного общения характерно обращение к проблеме смешения языковых кодов у билингвов (10).

(10) – У мяне просьба: хто ведае мову добра – напраўляйце. Я загадзя ўдзячна. Ну не ў нескладовае, гэта бывае высоккае як памылка друку, **а рускія словы... яны ж прабіваюцца праз жадаанне сказаць на-беларуску.**

– Дзяўчаты, дарэчы, **акрамя расейскіх словаў** я б была ўдзячная і за выпраўленні кшталту гэтага. (Хаця я не выпраўляла – прапанавала.) Каб мова натуральна была.

– І сама адчуваю, што **на-беларуску не атрымаецца ў мяне сказаць тое, што на-руску.** Нешта не так перакладзецца (з рускай, на якой думаю), нешта страціцца, нешта інакш прагучыць.

– А наогул, так, праблема, **аўтаматычна расейскія словы перакладаюцца ў галаве.** Хаця ўнутранае ўражанне, што адразу на-беларуску пішаеш...

Основными проблемами говорящие считают автоматизм в употреблении более привычных единиц русского языка и недостаточный словарный запас. Коммуниканты оперируют понятием «перевод», проясняя тем самым разницу между языком внутренней и внешней речи и эксплицируя процесс порождения высказывания. В русскоязычной среде при порождении речи билингвами вопрос о смешении кодов не поднимается, но возникает проблема понимания собеседника, выбирающего для коммуникации на форуме белорусский язык (11).

(11) – Слушай, **вот тебя же не все понимают, когда ты пишешь по-белорусски, но ты вот так пишешь и тебе это кажется «простой, доступной чалавечай мовой», а мне кажутся «простыми и доступными» те выражения, которые я употребляю.**

В ситуации переключения кодов белорусскоязычные говорящие тоже обсуждают проблему понимания собеседника. Однако любопытное различие русскоязычных и белорусскоязычных диалогов заключается в том, что в первом случае акцентируется непонимание собеседниками друг друга, а во втором случае, напротив, понимание (12).

(12) – **Адкажу так, калі няма ніякіх «цалкам сабе беларускіх словаў», то тыя, хто рускую мову ведае не як замежную, разумеюць. Не ведаюць, а менавіта разумеюць.**

Следует обратиться к тем аспектам социальной жизни обоих языков, которые возникают только в русскоязычных или только в белорусскоязычных диалогах. Исключительно в русскоязычной коммуникации были зафиксированы единичные примеры, в которых содержится оценка белорусского языка в ситуации обсуждения выбора языка школьного экзамена. Так, русский язык воспринимается коммуникантами как более сложный по сравнению с белорусским языком, видимо, из-за различия в орфографических принципах (13).

(13) – **Нам очень нравится белорусский язык, и ничего сложного мы в нем не видим. И кто вам сказал, что он никому не нужен? Баллы подпортит? Так учить правила нужно и уметь их применять. Диктанты – простые!**

Темы белорусскоязычных дискуссий являются более разнообразными. В разговорах затрагиваются те вопросы, которые вообще не попадают в фокус внимания русскоязычных собеседников (нормативно-стилистическая характеристика речи на обоих языках, сравнение систем двух языков, выбор правильного варианта белорусскоязычного названия русского языка).

При обсуждении правильности речи говорящие упоминают нормы русского языка для сопоставления их с нормами белорусского языка (14–15).

(14) – *Хаця, шчыра кажучы, палова форума ўвогуле не ведае не толькі беларускай, але і расейскай мовы.*

(15) – *Ты ўжо не «неафіт».*

– *Не неафіты выключна літаратурная мовай выказваюцца? І па-руску таксама? З чаго ж стандарты-та падвойныя?*

– *Ай, ну што ты чапляешся? Я пра тое, што пачаткоўцаў можна напужаць выпраўленнямі, а цябе – наўрад ці.*

Кроме того, при обсуждении лексических норм белорусской речи достаточно часто говорящие апеллируют к присутствию в коммуникативном пространстве русского языка, который служит как бы точкой отсчета для языкового чувства, при этом совпадение или сходство языковых единиц воспринимается ими как примета смешанной речи и вызывает скорее негативную реакцию (16–17).

(16) – *Я, прыкладам, свае асабістыя пачуцці агучвала наконт гэтага слова, мне яно нейкае **трасянкавае**, таму і не падабаецца.*

– *Гэтае адчуванне выключна з прысутнасцю побач расейскай мовы звязанае.*

(17) – *З вучоным «Ч» бянтэжыць, і амаль поўная сугучнасць з расейскім словам. У іх рэч. Бо вучыцца, навучанне – цалкам сабе беларускія словы. І ў навучанні, пагадзіся, **трасянка** ўжо зусім не чуецца, праўда?*

Любопытно, что при обсуждении заимствований и характера их влияния на чистоту языка сходство русских и белорусских слов не воспринимается негативно, скорее наоборот (18).

(18) – *Дарэчы вось хацела спытацца, чаму ровар? Прынамсі я ведаю што ў мове не існуе свайго слова для гэтага транспарту, але калі браць запазычанае, то **лепш рускае, чым польскае**.*

Такие комментарии дают любопытный материал для интерпретации: при сопоставлении слов, сходных по звучанию в обоих языках, говорящие опасаются размывания норм литературного языка узусом смешанной речи, а при выборе из двух заимствований приоритет отдают слову из близкородственного русского языка. Возможная причина этого заключается в том, что в первом случае говорящие осознают скорее сходство языковых форм, а во втором случае – их различие.

Чаще всего апелляция к русскому языку используется при обсуждении выбора той или иной лексической единицы, при этом единицы русского языка могут выступать в качестве примера (19).

(19) – *Слова **хацім** у бел. мове няма. Ну няма. Проста няма. Роўна, як няма «**хочем**» у расейскай.*

Как правило, единицы русского языка приводятся для толкования значения слова при выборе одного из нескольких вариантов. В таких случаях говорящий опирается на эквивалентность или неэквивалентность перевода (20).

(20) – *Хацела сказаць... спадзяюся, зразумееш правільна, а не як жаданне павучыць. Проста не праходзіцца міма мне. «Дзеля» збольшага адпавядае рускаму «раді».*

– *Выбачайце, але тут лепш сказаць «незвычайна», бо невыразна двухсэнсоўнасць у змест уводзіць. Гэта не ёсць адпаведнікам расейскаму «невыразимо» у даным кантэксце.*

В целом в белорусскоязычных диалогах сопоставление словарного состава двух языков и поиск сходств и различий являются насущными и часто обсуждаемыми вопросами (21).

(21) – *Не трэба моўнага пурызму, тое, што слова гучыць так жа, як у расейскай, не робіць яго менш беларускім. Цана – гэта price, кошт – гэта cost. Чым больш словаў, якія адрозніваюцца стылістычна, сферай прымянення, тым мова багацейшая.*

– *Але калі «Грэйзаць» няма ў слоўніку мабыць гэта не адзначае, што слова не беларускае. Не рускае ж між іншым.*

Для русскоязычной коммуникации этот вопрос в принципе не актуален, поскольку белорусский язык не является точкой отсчета для говорящих по-русски белорусов. Однако были зафиксированы единичные примеры, связанные с оценкой тех или иных единиц русского языка, когда именно сходство или совпадение звуковой формы единиц двух языков выступает для говорящего основным критерием оценки (22).

(22) – Как мне омерзительно слово «лялька» почему-то...

– И мне, причем я знаю почему. *Лялька – по-белорусски кукла, т. е. ребенок = кукла. Ляльками называют обычно мамы, которые детей потом за руки дергают так, что я удивляюсь, как из плечевого сустава рука не выскакивает.*

Только в белорусскоязычных диалогах активно обсуждается правильный вариант белорусскоязычного названия русского языка (*рускі, расейскі, расійскі*). Следует отметить, что русскоязычные коммуниканты обсуждают правильное название страны (*Беларусь, Белоруссия*) и правописание слов *белорус, белорусский*. Эта проблема не раз становилась предметом внимания лингвистов (например, в публикации [19]), но она выходит за рамки данной статьи, поскольку такие комментарии непосредственно не связаны с отношением говорящих к языку.

В комментариях спектр эмоциональных реакций собеседников по поводу правильного варианта белорусскоязычного названия русского языка варьируется от нейтральной констатации факта до негативной оценки лексемы *расейскі* (23).

(23) – *Прабачце, вядома, але тэрміна «расейская мова» не існуе, мне здаецца. Ёсць руская мова. Ёсць мовы іншых народаў Расіі, бо гэта іматнацыянальная дзяржава. Дзяржаўная мова ў Расіі – руская, але не расейская. Прабачце яшчэ раз. Але вы самі прасілі звяртаць увагу на памылкі.*

– Але мне – асабіста мне – **выраз «расейскага мова» не падабаецца, я нейкую нядобразычлівасць ў ім адчуваю.**

В диалоге отношение говорящих к употреблению того или иного варианта названия русского языка также может быть подчеркнуто нейтральным или, напротив, вызывать явную реакцию (от иронии до резкой негативной оценки) (24–26).

(24) – *Што наконт рускай/расейскай – я таксама прытрымліваюся назвы руская (таму што лічу, што гэта назва мовы павінна быць, а не краіны), але не спрачаюся з тымі, хто гаворыць «расейская». Мне гэта не замінае.*

(25) – *Я воль па-расейску размаўляю і мяне гэта не бянтэжыць.*

– *Можна яшчэ па-германскі пагаварыць альбо па-амерыканскі ці па-канадскі.*

– *Можна. Кожны размаўляе, як яму падабаецца.*

(26) – *Калі Вам не цяжка, не ўжывайце, клск, такі выраз. Проста вочы рэжа. Вы ж па-расейску не кажаце гаворыць на языке?*

– *А мне гэта рэжа. Я руская і гавару па-руску.*

Наконец, только в белорусскоязычных диалогах встречается сравнение языков как в близком к научному знанию сопоставительном аспекте, так и в чисто бытовом эмоционально-оценочном смысле (27).

(27) – *Давялося яшчэ, будучы ў адной з славянскіх краін, размаўляць. Бо беларуская значна бліжэй да іншых славянскіх моваў, ІМХО, як расейская. Мяне разумелі без праблемаў наогул.*

– *Мне цяжка, мяне пакрыўдзілі, я прачытала чарговае: беларуская грубая нейкая мова, а расейская – гэта да-а-а-а.*

Таким образом, русско- и белорусскоязычные комментарии о белорусском и русском языках соответственно различаются не только тематикой и активностью обсуждений, но и характером эмоционально-оценочных реакций по поводу тех или иных единиц, а также особенностей социальных проявлений языка.

Стоит рассмотреть русско- и белорусскоязычные комментарии, которые содержат включения на белорусском и русском языках соответственно (имплицитная форма выражения отношения к языку). Функции таких включений являются частично несимметричными и представляют собой любопытный материал для прагматической интерпретации [12; 13; 20].

В русскоязычных метаязыковых комментариях переключение кодов используется для демонстрации национальной или культурной идентичности, а также для создания эффекта дистанцирования автора сообщения от сообщаемого. В первом случае говорящие используют прецедентные тексты (*На NRM я раньше постоянно ходил. Сейчас не хожу, Пята Павлова не люблю. Няма таго, што раньш было..., Ешчэ па поводу беларускіх тавараў. Я нічога не знала ўвогуле. Вот і купляй беларускае...*) и единицы белорусского языка, которые часто встречаются в речи русскоязычных белорусов и служат своеобразным этнокультурным маркером (*знянацку, шильда, шуфлядка*). Такое включение может выделяться как вычками (*5 баллов!!! Это тоже в коллекцию «хитриков» надо добавить*), сопровождаться шутливым переводческим комментарием (*У меня просто в комодке выделена одна большая шуфлядка (белорусский*

ящик)) или никак не маркироваться (*А такое посещение должно согласовываться с родителями? Или могут знянацку нагряться?*). В свою очередь, во втором случае говорящий имитирует типичную (в его понимании) речь носителя трасянки: *Беларус будет всей семьей у теици в комнатке ютиться, зато из штанов вылезет, но аудзюшачку пасвяжэя возьме, бо не дай бог у саседа круча будзе*. Такая вставка может заключаться в кавычки (*В этой стране универсал особенно популярен, «а удруг халадзильник перавязци»*), впрочем, за 2–3 года владения авто возить холодильники как-то нет нужды) или оформляться как прямая речь (*А он стука по стальному крылу, говорит гэта ж пластик уродзе...*). Функция подобных включений состоит в том, чтобы создать речевой портрет и сделать акцент на определенных чертах характера персонажа. В таких сообщениях, как правило, есть явный иронический подтекст или отрицательная оценка (*Добавлю еще одну категорию – объявления колхозника, ценник анрил, мало что фотку повернуть не умеет, так исчо и «без лятых дзискау дзяшзуле!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»*). В приведенном примере содержится прямое указание на то, что говорящий имитирует нелитературную, слишком эмоциональную речь «колхозника», употребляя это слово в переносном и сниженном значении.

В белорусскоязычных метаязыковых комментариях включения на русском языке способствуют проявлению национальной или культурной идентичности, а также используются тогда, когда говорящий не находит нужного белорусского слова (выражения) или считает русский эквивалент более подходящим. В первом случае включения выступают в качестве прецедентных текстов. Они могут выделяться кавычками (*Але у мяне такая праблема: рукі «не тем концом», а ў крамах... ну самі ведаеце*) или никак не маркироваться (*Шчыра кажучы, я таксама была крыху шакаваная. А гэта, значыць, такі прыёмю... Семен Семеныч!*). Во втором случае включения могут сопровождаться своеобразным переводческим (*А можа вуснамі дзіцяці глаголет ісціна – не пераклала, дапамажыце, калі ласка, хто здольны, Я пратое, што я баюся напалохаць (лепей «вспугнуть», не ведаю адпаведніка беларускага)*) или метаязыковым («Загоняюсь» занадта часта на дробязях... *Дарэчы, хто ведае беларускі аналаг слэнгавага «загоняться»???*) комментарием или заключаться в кавычки (*Але ж спадабалася табе гэтае «словечко»*). Любопытно, что русское включение в белорусскоязычном тексте, в отличие от белорусского включения в русскоязычном тексте, всегда берется в кавычки или имеет метаязыковой комментарий. По-видимому, белорусскоязычные коммуниканты в большей мере, чем русскоязычные коммуниканты, ощущают (или, возможно, демонстрируют) инородность таких включений.

Включения в целях демонстрации национальной или культурной идентичности одинаково используются в русско- и белорусскоязычных метаязыковых комментариях и указывают на культурную общность белорусского социума. Как известно, парольная функция является одной из основных функций прецедентных текстов [21, с. 85]. Однако следует отметить, что белорусскоязычные коммуниканты используют такие включения чаще и разнообразнее, чем русскоязычные коммуниканты, вероятно, в силу речевых привычек или для создания эффекта выразительности.

Остальные виды включений имеют существенные различия. Для белорусскоязычной коммуникации несвойственно включение для создания эффекта дистанцирования единиц русского языка или смешанной речи, которая оценивается как нарушающая чистоту литературного языка, особенно в среде неофигов. Любопытно, что, отказываясь от имитации смешанной речи, белорусскоязычные коммуниканты свободно используют просторечные или жаргонные единицы русского языка (*халтурка, засада, загоняться* и т. п.), возможно, ради создания эффекта непринужденной, спонтанной речи или в силу речевых привычек. В русскоязычной коммуникации не используются включения с переводческим комментарием, когда говорящий не может подобрать нужное слово (выражение) и заменяет его более привычным или надежным. Как уже говорилось, по вполне очевидным причинам русскоязычные коммуниканты не опираются на белорусский язык при порождении высказывания, следовательно, не имеют нужды в подобных включениях. Важное различие заключается в том, что включение единиц белорусского языка в русскоязычный текст может сопровождаться прямым указанием на переключение языковых кодов, что не встречается при включении единиц русского языка в белорусскоязычный текст: *Аааа... наконец-то знаменательное белорусское «як бы хужей не было»*.

Таким образом, сходство переключения кодов в русско- и белорусскоязычных комментариях заключается в том, что подобные включения демонстрируют национальную или культурную идентичность говорящих, а различия состоят в их прагматической нагруженности и средствах языкового воплощения.

Заключение

Отношение русско- и белорусскоязычных говорящих к двум языкам белорусского социума выражается как в эксплицитной (метаязыковые высказывания), так и в имплицитной (межфразовое или внутрифразовое переключение кодов, выполняющее метаязыковую функцию) форме. Особый интерес представляют высказывания, выражающие отношение говорящего к тому языку (русскому или белорусскому), который не используется им в текущей коммуникации (белорусскоязычной или русскоязычной).

соответственно). Такие высказывания, возникающие в процессе спонтанного общения на повседневные темы, позволяют выявить наивные лингвистические представления говорящих о сосуществующих в коммуникативном пространстве Беларуси языках.

Анализ материала исследования показал, что и эксплицитные, и имплицитные метаязыковые высказывания имеют как существенные сходства, так и важные различия с точки зрения их количества, тематики и функций. Сходства проявляются в акцентировании разных функций (коммуникативной и символической) двух языков, проявлении интереса к переключениям языкового кода в коммуникации, а также в использовании иноязычных включений для демонстрации национальной или культурной идентичности. В то же время метаязыковые высказывания белорусскоязычных пользователей, в которых выражается отношение к русскому языку, отличаются большим разнообразием в тематическом плане, чем метаязыковые высказывания русскоязычных пользователей, в которых выражается отношение к белорусскому языку, и чаще встречаются в диалогах. Это говорит об активном интересе к русскому языку, который служит точкой опоры при сопоставлении или противопоставлении как функций, так и нормативно-стилистического уклада русского и белорусского языков. У русскоязычных пользователей, напротив, внимание к белорусскому языку является в основном ситуативным, т. е. связанным с актуальным развитием диалога. Иноязычные включения также показывают разницу в отношении говорящих к русскому и белорусскому языкам: в русскоязычных комментариях они используются в целях дистанцирования и создания речевой характеристики, обычно негативной, а в белорусскоязычных комментариях — для поиска переводного эквивалента.

Данные закономерности говорят о том, что представления говорящих о сосуществовании и конкуренции русского и белорусского языков внутри языковой ситуации Беларуси влияют на речевые практики, а именно обуславливают спектр ситуаций, в которых говорящие обращают внимание на язык, не являющийся предпочитаемым в коммуникации, и определяют содержательные и прагматические характеристики метаязыковых комментариев.

Библиографические ссылки

1. Головкин ЕВ, редактор. «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык. Материалы Международной научной конференции; 19–21 ноября 2012 г.; Санкт-Петербург, Россия. Санкт-Петербург: Нестор-история; 2012. 100 с.
2. Александров ОА, Андреева ОА. Моделирование социолингвистической ситуации «малого» языка по данным обыденного метаязыкового сознания. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014;4(3):16–19.
3. Вио А, Москвичева СА. Проблема репрезентации языка в сознании его носителей в условиях языкового приграничья: к вопросу о потребности в карельском языке. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2013;1:92–97.
4. Голев НД. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства. *Вестник Томского государственного университета*. 2008;3:5–17.
5. Невежина ЕА. Лингвистическая уверенность / неуверенность в пограничном ареале (на примере Валлонии, Бельгия). *Вестник Бурятского государственного университета*. 2015;11:51–55.
6. Разумова ЛВ, Кряжева Н. О роли языка в процессе социокультурной идентификации говорящего. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010;34:99–104.
7. Фавро Э. Отношение говорящих к языку: генераторы социолингвистических изменений или их зеркала? (Случай французского). Блюмбаум А, переводчик. *Антропологический форум*. 2014;21:129–136.
8. Головкин ЕВ. Народная лингвистика как объект исследования. *Антропологический форум*. 2014;21:9–16.
9. Моисеева ДП. Эпилингвистический дискурс в преподавании французского языка как иностранного: опыт одного пособия. В: Робустова ВВ, редактор. *Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Выпуск 2*. Москва: Добросвет; 2018. с. 176–178.
10. Мячкоўская НБ. Народная лінгвістыка ў беларускім інтэрнеце: метамоўная рэфлексія і моўнае самавызначэнне. У: Запрудскі СМ, Цыхун ГА, рэдактары. *Новае слова ў мовазнаўстве. Матэрыялы V Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Новае слова ў беларусістыцы»*; 20–21 мая 2010 г.; Мінск, Беларусь. Мінск: Четырэ чверці; 2012. с. 260–272.
11. Лянкевіч АУ. Стаўленне да беларускай мовы ў інтэрнэт-камунікацыі (на матэрыялах дыскурсу-аналізу каментарыяў на інтэрнэт-форумах). *Acta Albaruthenica*. 2013;13:145–159.
12. Лянкевіч АУ. Стаўленне да беларускай літаратурнай мовы і змешанага маўлення ў медыя-дыскурсе (на матэрыялах публікацый у газеце «Звязда»). *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2011;3:34–38.
13. Лянкевіч АУ. Стаўленне да беларускай мовы і змешанага маўлення. Адрозненні і падабенствы. У: Запрудскі СМ, Цыхун ГА, рэдактары. *Новае слова ў мовазнаўстве. Матэрыялы V Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Новае слова ў беларусістыцы»*; 20–21 мая 2010 г.; Мінск, Беларусь. Мінск: Четырэ чверці; 2012. с. 240–246.
14. Горицкая ОС. *Язык и границы: лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2021. 300 с.
15. Сомин АА. Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в интернет-СМИ. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. Востоковедение*. 2015;1:68–92. 2015.
16. Сомин АА. Метамоўная рэфлексія ў каментарыях да беларускамоўных навін не сацыялінгвістычнай тэматыкі. В: Русак ВП, рэдактар. *Беларуская мова ў XXI стагоддзі: асноўныя тэндэнцыі развіцця (да 80-годдзя акадэміка А. І. Падлужнага)*. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 28–29 кастрычніка 2015 г.; Мінск, Беларусь. Мінск: Права і эканоміка; 2015. с. 290–298.
17. Гаврилова КА. Конференция «“Народная лингвистика”» – взгляд носителей языка на язык». *Антропологический форум*. 2013;18:423–443.

18. Кашкин ВБ. Бытовая философия языка и языковые контрасты. В: Кашкин ВБ, редактор. *Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 3. Аспекты метакommunikативной деятельности*. Воронеж: Воронежский государственный технический университет; 2002. с. 4–34.
19. Горицкая ОС. Конкуренция графических вариантов в интернете (на примере написаний белорусский, беларусский, беларуский). *Вестник МГЛУ. Серия 1: Филология*. 2014;5:106–114.
20. Запрудски СН. Маўленчая акамадацыя і пераклучэнне кодаў у працэсе міжкультурнай камунікацыі: выпадак Беларусі. In: Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorisation (Studia Slavica Oldenburgensia–17)*. Oldenburg: BIS-Verlag; 2008. p. 57–97.
21. Слышкин ГГ. *Лингвокультурные концепты прецедентных текстов*. Москва: Academia; 2000. 139 с.

References

1. Golovko EV, editor. «Narodnaya lingvistika»: vzglyad nositelei yazyka na yazyk. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 19–21 noyabrya 2012 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [«Folk linguistics»: a native speaker's view of the language. Proceedings of the International scientific conference; 2012 November 19–21; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Nestor-istoriya; 2012. 100 p. Russian.
2. Aleksandrov OA, Andreeva OA. Modelling of sociolinguistic situation of «minor» language according to data of ordinary metalinguistic consciousness. *Philology. Theory & Practice*. 2014;4(3):16–19. Russian.
3. Vio A, Moskvicheva SA. Problem of language representation in native speaker's mind in context of language border zone: studying need in Karelian language. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2013;1:92–97. Russian.
4. Golev ND. [Features of modern everyday metalinguistic consciousness in the mirror of the discussion of issues of language construction]. *Tomsk State University Journal*. 2008;3:5–17. Russian.
5. Nevezhina EA. Linguistic security / insecurity in the boundary area (by the example of Wallonia, Belgium). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;11:51–55. Russian.
6. Razumova LV, Kryazheva N. [On the role of language in the process of socio-cultural identification of the speaker]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2010;34:99–104. Russian.
7. Favro E. [Speakers' attitudes to language: generators of sociolinguistic changes or their mirrors? (The case of French)]. Blyumbaum A, translator. *Forum for Anthropology and Culture*. 2014;21:129–136. Russian.
8. Golovko EV. [Folk linguistics as an object of study]. *Forum for Anthropology and Culture*. 2014;21:9–16. Russian.
9. Moiseeva DP. [Epilinguistic discourse in teaching French as a foreign language: the experience of one manual]. In: Robustova VV, editor. *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya: sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 2* [Language. Culture. Translation. Communication: a collection of scientific papers. Issue 2]. Moscow: Dobrosvet; 2018. p. 176–178. Russian.
10. Mjachkowskaja NB. [Folk linguistics in the Belarusian Internet: metalanguage reflection and linguistic self-determination]. In: Zaprudski SM, Cyhun GA, editors. *Novae slova w movaznawstve. Matjeryjaly V Mizhnarodnaga kangrjesa belarusistaw «Novae slova w belarusistycy»; 20–21 maja 2010 g.; Minsk, Belarus* [A new word in linguistics. Proceedings of the 5th International congress of Belarusianists «New word in Belarusian studies»; 2010 May 20–21; Minsk, Belarus]. Minsk: Four quarters; 2012. p. 260–272. Belarusian.
11. Ljankevich AU. [Attitudes toward the Belarusian language (based on discourse analysis of comments on Internet forums)]. *Acta Albaruthenica*. 2013;13:145–159. Belarusian.
12. Ljankevich AU. [Attitude towards the Belarusian literary language and mixed speech in the media discourse (on the materials of publications in the newspaper «Zvyazda»)]. *Vesnik BDU. Serija 4: Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2011;3:34–38. Belarusian.
13. Ljankevich AU. [Attitude towards the Belarusian language and mixed speech. Differences and similarities]. In: Zaprudski SM, Cyhun GA, editors. *Novae slova w movaznawstve. Matjeryjaly V Mizhnarodnaga kangrjesa belarusistaw «Novae slova w belarusistycy»; 20–21 maja 2010 g.; Minsk, Belarus* [A new word in linguistics. Proceedings of the 5th International congress of Belarusianists «New word in Belarusian studies»; 2010 May 20–21; Minsk, Belarus]. Minsk: Four quarters; 2012. p. 240–246. Belarusian.
14. Goritskaya OS. *Yazyk i granitsy: leksicheskaya i grammaticheskaya spetsyfika russkogo yazyka v Belarusi* [Language and borders: lexical and grammatical specificity of the Russian language in Belarus]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2021. 300 p. Russian.
15. Somin AA. Attitudes to the Belarusian language through the prism of comments in the online media. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 2015;1:68–92. Russian.
16. Somin AA. [Metalanguage reflection in comments to Belarusian-language news on non-sociolinguistic topics]. In: Rusak VP, editor. *Belaruskaja mova w XXI stagoddzi: asnownyja tjendjency razviccja (da 80-goddzja akadjemika A. I. Padluzhnaga). Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjency; 28–29 kastychnika 2015 g.; Minsk, Belarus* [The Belarusian language in the 21st century: the main trends of development (to the 80th anniversary of academician A. I. Podluzhny). Materials of the International scientific conference; 2015 October 28–29; Minsk, Belarus]. Minsk: Prava i jekanomika; 2015. p. 290–298. Belarusian.
17. Gavrilova KA. [Conference ««Folk linguistics»» – the view of native speakers on the language». *Forum for Anthropology and Culture*. 2013;18:423–443. Russian.
18. Kashkin VB. [Domestic philosophy of language and language contrasts]. In: Kashkin VB, editor. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. Vypusk 3. Aspekty metakommunikativnoi deyatel'nosti* [Theoretical and applied linguistics. Issue 3. Aspects of metacommunicative activity]. Voronezh: Voronezh State Technical University; 2002. p. 4–34. Russian.
19. Goritskaya OS. Spelling variation on the Internet (*Belorusskiy, Belarusskiy and Belaruskij*). *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1: Philology*. 2014;5:106–114. Russian.
20. Zaprudski SN. [Speech accommodation and code switching in the process of intercultural communication: the case of Belarus]. In: Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorisation (Studia Slavica Oldenburgensia–17)*. Oldenburg: BIS-Verlag; 2008. p. 57–97. Belarusian.
21. Slyshkin GG. *Lingvokul'turnye kontsepty pretседentnykh tekstov* [Linguistic and cultural concepts of precedent texts]. Moscow: Academia; 2000. 139 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.12.2022.
Received by editorial board 20.12.2022.

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА С ЭЛЕМЕНТАМИ ВТОРЖЕНИЯ В ЛИЧНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОБЕСЕДНИКА

А. В. ЖУПИНСКАЯ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

На материале англо- и русскоязычных медийных интервью анализируется ход развития диалога, содержащего элементы вторжения в личное пространство собеседника (нарушение границ личного пространства) со стороны журналиста, за которым следует ответ интервьюируемого, представляющий собой защитную реакцию. На основании избранной интервьюируемым реакции на вторжение в его личное пространство и степени настойчивости интервьюера выделяются типичные модели развития такого диалога. Устанавливается, что диалог, содержащий элементы вторжения в личное пространство собеседника, развивается по четырем базовым моделям, три из которых могут быть усложнены за счет включения в их состав циклов вопросно-ответного типа. Кроме того, выделяется смешанная модель развития диалога, которая совмещает в себе элементы базовых моделей. Сравнительный анализ типичных моделей развития диалога позволил установить идентичность их реализации в русско- и англоязычном медийных интервью. Разрабатывается общий алгоритм развития диалога с элементами вторжения в личное пространство собеседника.

Ключевые слова: медийное интервью; личное коммуникативное пространство; стратегия вторжения; стратегия защиты; модель развития диалога; базовая модель; усложненный вариант модели; смешанная модель.

МАДЭЛІ РАЗВІЦЦЯ ДЫЯЛОГУ З ЭЛЕМЕНТАМІ ЎМЯШАННЯ Ў АСАБІСТУЮ ПРАСТОРУ СУРАЗМОЎЦЫ

Г. В. ЖУПІНСКАЯ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

На матэрыяле руска- і англамоўных медыйных інтэрв'ю разглядаецца ход развіцця дыялогу, які змяшчае элементы ўмяшання ў асабістую прастору суразмоўцы (парушэнне граніц асабістай прасторы) з боку інтэрв'юера, за якім ідзе адказ інтэрв'юіруемага, што ўяўляе сабой абаронную рэакцыю. На падставе абранай інтэрв'юіруемым рэакцыі на ўмяшанне ў яго асабістую прастору і ступені настойлівасці інтэрв'юера вылучаюцца тыповыя мадэлі развіцця такога дыялогу. Устанаўліваецца, што дыялог, які змяшчае элементы ўмяшання ў асабістую прастору суразмоўцы, развіваецца па чатырох базавых мадэлях, тры з якіх могуць быць ускладнены за кошт уключэння ў іх структуру цыклаў пытальна-адказнага тыпу. Акрамя таго, вылучаецца змешаная мадэль дыялогу, якая спалучае ў сабе элементы базавых мадэлей. Параўнальны аналіз тыповых мадэлей развіцця дыялогу дазволіў устанавіць ідэнтычнасць іх рэалізацыі ў руска- і англамоўных медыйных інтэрв'ю. Распрацоўваецца агульная схема развіцця дыялогу з элементамі ўмяшання ў асабістую прастору суразмоўцы.

Ключавыя словы: медыйнае інтэрв'ю; асабістая камунікатыўная прастора; стратэгія ўмяшання; абарончая стратэгія; мадэль развіцця дыялогу; базавая мадэль; ускладнены варыянт мадэлі; змешаная мадэль.

Образец цитирования:

Жупинская АВ. Модели развития диалога с элементами вторжения в личное коммуникативное пространство собеседника. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2023;1:69–79. <https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-69-79>

For citation:

Zhupinskaya AV. Development models of the dialogue with privacy invasion elements. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;1:69–79. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-69-79>

Автор:

Анна Викторовна Жупинская – аспирантка кафедры общего языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. Г. Задворная.

Author:

Anna V. Zhupinskaya, postgraduate student at the department of general linguistics. annazup@mail.ru

DEVELOPMENT MODELS OF THE DIALOGUE WITH PRIVACY INVASION ELEMENTS

A. V. ZHUPINSKAYA^a

^a*Minsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus*

The article considers the development of the dialogue that contains privacy invasion (violation of personal borders) conducted by the journalist and appropriate response realised by the interviewee. The research is made on the basis of Russian and English media interviews. The aim of the study is to identify typical development models of the dialogue with privacy violation elements. The models can be identified according to interviewee's reaction to privacy invasion and interviewer's degree of persistence. The article states that the dialogue with privacy invasion elements develops according to four basic models, three of which can be further complicated by inclusion of question-answer cycles in their structure. Besides the mixed dialogue model is identified. The mixed model combines elements of basic models. Comparative analysis proved that dialogue models are identical in Russian and English media interviews. Also a general algorithm of the dialogue with privacy invasion elements was created.

Keywords: media interview; privacy; invasion strategy; defense strategy; dialogue model; basic model; complicated variant of model; mixed model.

Введение

Жанр современного медийного интервью представляет большой интерес в лингвопрагматическом отношении. С одной стороны, интервью характеризуются достаточно жесткой регламентированностью коммуникативных ролей, четкой вопросно-ответной структурой и композицией, а с другой стороны, отличаются усложненной диалогической структурой и тактико-стратегической организацией.

На современном этапе жанр медийного интервью претерпевает ряд существенных изменений, которые отражаются на ходе развития диалога. Среди прочего, они связаны с взаимопроникновением и смешением дискурсов. Отмечается, что медийный дискурс, одним из центральных жанров которого является интервью, более всего подвержен влиянию бытовой и политической коммуникации [1, с. 130–131].

При проникновении в медиасферу агональность и конфликтность, свойственные политическому дискурсу, модифицируют традиционную роль журналиста в портретном интервью. В современных интервью отсутствует жесткое распределение ролей, при котором действия интервьюера сводятся к тому, чтобы задавать вопросы и вставлять незначительные комментарии, раскрывающие образ интервьюируемого с положительной стороны [2]. Сегодня журналисты активно высказывают мнение по проблеме, часто отличное от точки зрения интервьюируемого, допускают критику, обвинения в адрес собеседника, а также задают провокационные вопросы в целях его дискредитации [3].

Влияние бытового дискурса на медиасферу проявляется в ослаблении норм, в том числе в расширении тематического диапазона интервью [4]. Так, в современных интервью наблюдается смешение регистров, использование сниженной лексики, разговорных конструкций, сленга и др. [4] Тематический диапазон расширяется в первую очередь за счет вопросов, которые касаются личной жизни интервьюируемого, часто носят провокационный характер и традиционно считаются неприемлемыми в рамках публичной коммуникации.

Сформировавшаяся в результате подобного влияния тенденция к некорректному и провокационному поведению интервьюера по отношению к интервьюируемому отразилась в англоязычной журналистике. Впоследствии она была адаптирована в русскоязычных интервью [5; 6] и значительно развита с появлением электронных видов средств массовой информации [4; 7]. Это позволило выделить в русскоязычном медийном пространстве провокационное интервью как особую разновидность жанра [8; 9].

На тактико-стратегическом уровне диалогического взаимодействия для данных интервью характерна востребованность иницирующей стратегии вторжения в личное пространство собеседника (нарушение границ личного пространства) и стратегии реагирования на подобное вторжение. Термин «личное коммуникативное пространство», основанный на понятии «личная сфера», которое противопоставляется понятию «общественная сфера», связан с закрытостью определенного вида информации, относящейся непосредственно к личности индивида или его близкого окружения, для публичного обсуждения [10, с. 200–201].

Обе стратегии представляют собой комплексные феномены с широким репертуаром составляющих их тактик и высокой вариативностью их реализации, так как и получение от собеседника личной информации, и ее сокрытие существенно осложняются хорошей подготовленностью коммуникантов к публичным формам общения, в том числе к неудобным и (или) провокационным вопросам.

Взаимодействие двух стратегий усложняет структуру как диалога в целом, так и отдельных диалогических единств в частности, что предполагает наличие развернутых моделей организации диалогического общения.

Цель данной работы состоит в выявлении типичных моделей развития диалога, содержащего элементы нарушения границ личного пространства интервьюируемого, на материале англо- и русскоязычных медийных интервью.

Материалы и методы исследования

В качестве материала исследования из англо- и русскоязычных медийных интервью методом сплошной выборки были выделены по 200 контекстов, содержащих элементы вторжения в личное пространство интервьюируемого. Такое количество контекстов представляется достаточным, так как дальнейшее увеличение размеров выборки не приводит к качественным изменениям в получаемых результатах [11].

Отбор материала осуществлялся на основании тематического критерия. Как показал анализ теоретических источников, посвященных проблеме защиты личной информации и концепту «приватность» [10; 12; 13], идентификация факта вторжения в личное пространство собеседника строится на основании темы, затрагиваемой в вопросе. Согласно данному критерию вопрос трактуется как нарушающий границы личного пространства, если касается как минимум одной из следующих тем: негативных переживаний, вредных привычек и зависимостей, личных, в том числе семейных, отношений, вероисповедания, сексуальной жизни, а также особенностей физиологии, уровня доходов и образования.

Источником русскоязычного материала послужили размещенные в интернете видеосюиты с персональных (авторских) *YouTube*-каналов, а также записи телевизионных программ, содержащих интервью с различными медиаперсонами. В русскоязычной медиасфере электронные СМИ сформировали особый подход к ведению интервью, который значительно отличается от классического телевизионного формата с точки зрения временных ограничений, композиции, широты аудитории, способа взаимодействия с ней, жесткости цензуры и др. [4; 7]. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать как традиционные телевизионные интервью, так и интервью, представленные в электронных медиа.

В свою очередь, источником англоязычного материала стали записи интервью из радио- и телепрограмм, доступных в интернете, а также транскрипции этих программ, представленные на сайтах вещательных компаний. Англоязычные медийные интервью практически не подвержены влиянию интернет-СМИ и по-прежнему тяготеют к теле- и радиоформатам. Большинство представленных в интернете интервью являются записями теле- или радиоэфиров без каких-либо существенных изменений.

Отобранные фрагменты интервью исследовались с применением сопоставительного метода и метода контекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение

Нарушение журналистом границ личного пространства интервьюируемого может вызвать широкий спектр реакций, изменяющих ход диалога, со стороны последнего. Так, стратегия реагирования на нарушение границ личного пространства включает восемь тактик, различающихся как по объему и качеству предоставляемой личной информации, так и по степени жесткости реакции [14]. К основным относятся следующие реакции на вторжение в личное пространство:

- игнорирующий вторжение в личное пространство ответ, в котором содержится запрашиваемая информация;
- имитирующие содержательный ответ и традиционно реализуемые в мягкой форме защитные тактики смены темы, неопределенного ответа и шутки, которые предоставляют неполную либо нерелевантную информацию;
- тактики метаязыкового комментария вопроса, переадресации, эксплицитного отказа от ответа и критики сути вопроса или личности спрашивающего, которые допускают достаточно жесткие формы защиты [14].

Обобщив и систематизировав варианты развития диалога с применением данных тактик, можно выделить четыре базовые модели организации диалога с элементами нарушения границ личного пространства интервьюируемого.

Первая модель в наиболее общем виде предполагает наличие трех компонентов: вопроса журналиста, нарушающего границы личного пространства, ответа интервьюируемого, представляющего собой защитную реакцию, и последующего обращения интервьюера к новой теме, т. е. отказа от дальнейшего вторжения (рис. 1).

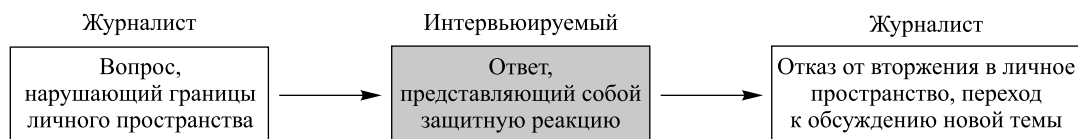

Рис. 1. Первая базовая модель развития диалога

Fig. 1. The first basic model of dialogue development

Данная модель представляется наиболее естественным вариантом развития диалога. Для интервьюируемого вполне закономерным является желание скрыть личную информацию, используя ту или иную тактику защиты. Вместе с тем для журналиста ответная защитная реакция собеседника также является ожидаемой, что мотивирует его отказаться от вторжения, сменив тему на менее личную (1–2).

(1) – *Коль мы заговорили на эту тему (мне мужчины в зале не простят), первый вопрос, который все хотят задать гимнасткам: помогает ли хорошая растяжка в сексуальной жизни?*

– *Я думаю, что этот вопрос корректнее будет задать моему мужу. Я думаю, он вам много расскажет. Я не могу саму себя оценивать, как ты понимаешь. Конечно, мы все хотим думать, что мы королевы. Но лучше давай, когда Павел Алексеевич сюда придет, ты ему задашь этот вопрос.*

– *Та популярность, которая тебя всегда окружала, она как бы обычно не дается не олимпийским чемпионам... Как ты этого добивалась?*¹

(2) – *Was it [roman of her husband] embarrassing?*

– *Oh, Larry, let's not talk about this, come on. I really... well, I understand but I'd rather not.*

– *I'm not going to dwell on it*².

– *Роман мужа на стороне стал оскорблением?*

– *Ой, Ларри, давай не будем об этом. Я и правда... я все понимаю, но лучше не стоит.*

– *Я не стану настаивать*³.

Вторая модель развития диалога включает употребление в качестве реакции на нарушение границ личного пространства тактики содержательного ответа [14], который полностью удовлетворяет информационный запрос журналиста и обеспечивает возможность дальнейшего перехода к новой теме (3–4).

(3) – *Вы с Димой официально встречаетесь.*

– *Мы – да, встречаемся. У нас много номеров вместе было в «Comedy woman». Однажды Гудок нам написал номер, где мы должны были целоваться. Вот, я думаю, как-то там, после этого что-то... Тогда мы были еще друзья.*

– *Ладно, давай поговорим о твоей музыкальной карьере*³.

(4) – *She had cancer, right?*

– *Um-hmm. Yes, ovarian cancer.*

– *I don't think... you never get over the loss of a mother. We have an e-mail question from Lex in New York: «When you film something so wrenchingly emotional as “A mighty heart” how do you go about a daily life with your family, with the normal emotions of a home?»*⁴.

– *У нее же был рак?*

– *Мг. Да, рак яичников.*

– *Я думаю, что человек никогда до конца не смирится со смертью мамы. У нас есть вопрос, полученный по электронной почте от Лекса из Нью-Йорка: «Когда Вы снимаетесь в чем-то настолько эмоционально тяжелом, как “Ее сердце”, как Вы справляетесь с эмоциями в повседневной жизни, в семье, где нормальный эмоциональный фон?»*⁴.

Для публичных персон игнорирование вторжения в личное пространство во многом связано с реализацией ими стратегий откровенности [15] и (или) эпатажа [16], которые позволяют избегать имиджевых потерь и поддерживать требуемый образ в глазах массовой аудитории. Отсутствие какой-либо защиты со стороны интервьюируемого, а в некоторых случаях и проявляемая им заинтересованность в обсуж-

¹Утяшева Л. О «Танцах», Воле, деньгах и суперженах / Беседовала И. Шихман (признана иностранным агентом в России) // А поговорить?... 16 нояб. 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IcClO3Zvorg&t=1414s> (дата обращения: 22.10.2022).

²Aniston J., Owen C. CNN Larry King live: interview with Jennifer Aniston, Clive Owen / Interviewed by L. King // Larry King live. 2005 Nov. 19 [Electronic resource]. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/lkl/date/2005-11-19/segment/01> (date of access: 20.10.2022).

³Сысоева Н. Впервые о своем новом парне. Эксклюзив, получается / Беседовал П. Плосков // Петя любит выпить. 4 сент. 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CVKfifCFOnks> (дата обращения: 16.10.2022).

⁴Jolie A. CNN Larry King live: interview with Angelina Jolie / Interviewed by L. King // Larry King live. 2007 June 14 [Electronic resource]. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/lkl/date/2007-06-14/segment/01> (date of access: 20.10.2022).

дении личной темы могут мотивировать журналиста, несмотря на удовлетворение первоначального информационного запроса, далее развивать заявленную тему при помощи дополнительных вопросов.

Обобщенная схема второй базовой модели развития диалога представлена на рис. 2.

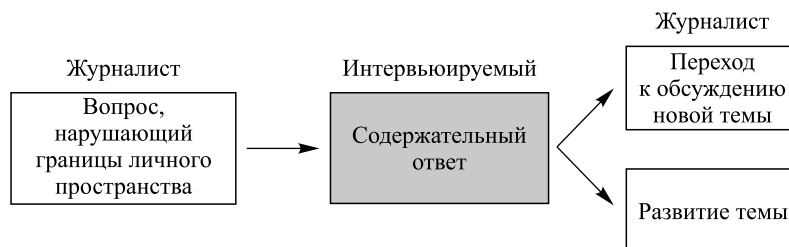

Рис. 2. Вторая базовая модель развития диалога

Fig. 2. The second basic model of dialogue development

Когда журналист предпочитает развивать тему, может наблюдаться усложнение данной базовой модели (5–6).

(5) – Что это за чувство, когда тебя тошнит от, не знаю, собственного изображения, голоса или...

– Если бы вы в тот период спросили, я бы ответил четче. <...> В какой-то момент на меня навалилось.

Это случилось в период (я этого никогда никому не говорил) ... в период, когда я планировал семью. Вот это была последняя капля. У меня должны были родиться двое детей. Абсолютная правда.

– От девушки или это была суррогатная мать?

– От девушки, которую я знаю, с которой встречался, которую любил. <...> Вторая попытка была, тоже не получилось. Можете верить, можете нет.

– Выкидыш случился?

– Да. Я прямо просто сошел с ума, то есть это для меня, как сказать, так такая вот вещь, как нечто невообразимое, как какая-то сказка⁵.

(6) – What have you been dating?

– Car mechanics and pool boys. I keep it simple. I keep it basic.

– A lot of...

– You know, Jimmy Kimmel said that to me.

– By the way, how is he doing?

– He had an appendectomy today⁶.

– С парнями каких профессий ты встречалась?

– Автомеханики и чистильщики бассейнов. У меня все просто, все стандартно.

– Много...

– Да, Джимми Киммел тоже так сказал.

– Кстати, как он поживает?

– Ему сегодня удаляют аппендицит⁷.

Данная усложненная модель предполагает серию нарушений журналистом границ личного пространства интервьюируемого и содержательных ответов последнего, при этом каждая реакция ориентирована на отдельный, отличный от предыдущего информационный запрос (рис. 3).

Рис. 3. Усложненный вариант второй базовой модели развития диалога

Fig. 3. The complicated variant of the second basic model of dialogue development

⁵Билан Д. Пьяный концерт в Самаре, попытки зачать ребенка, ориентация, допинги / Беседовала И. Шихман (признана иностранным агентом в России) // А поговорить?.. 13 дек. 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Sn0aCNN1SMY&t=519s> (дата обращения: 22.10.2022).

⁶Griffin K. CNN Larry King live: interview with Kathy Griffin / Interviewed by L. King // Larry King live. 2007 June 21 [Electronic resource]. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/lkl/date/2007-06-21/segment/01> (date of access: 24.10.2022).

Основными компонентами **третьей модели** развития диалога являются нарушение журналистом границ личного пространства, ответ интервьюируемого, представляющий собой защитную реакцию, и попытка интервьюера настоять на ответе. Использование интервьюируемым той или иной тактики защиты личного пространства оставляет инициальный запрос на личную информацию неудовлетворенным, что нарушает план интервьюера по развитию беседы и вынуждает его настаивать на ответе (рис. 4).

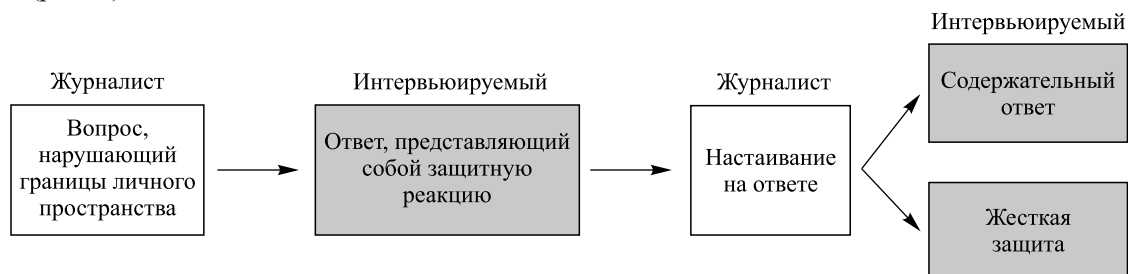

Рис. 4. Третья базовая модель развития диалога

Fig. 4. The third basic model of dialogue development

Подобные действия интервьюера могут либо спровоцировать интервьюируемого на применение более явной и жесткой тактики защиты личного пространства (7), либо вынудить его дать содержательный ответ, удовлетворяющий информационный запрос журналиста (8).

(7) – Константин Натанович, а Вы неверующий, правильно я поняла?

– Ну, меня в детстве крестили.

– Нет, я не про это Вас спросила. Вы атеист по убеждению?

– Я не хочу эту тему обсуждать⁷.

(8) – OK. Another date was with...

– You're bored already.

– Hold on.

– All right.

– Was with a porn star, Ron, right? The porn...

– Ron Jeremy⁸.

– Хорошо. Еще одно свидание было с...

– Тебе уже скучно.

– Подожди.

– Ладно.

– Это же был звезда порнофильмов Рон? Порно...

– Рон Джереми⁸.

В зависимости от готовности интервьюируемого защищаться и степени настойчивости интервьюера диалог может включать несколько циклов *вторжение в личное пространство – защитная реакция*, усложняющих третью базовую модель развития диалога и способных охватывать весьма протяженные участки интервью (рис. 5).

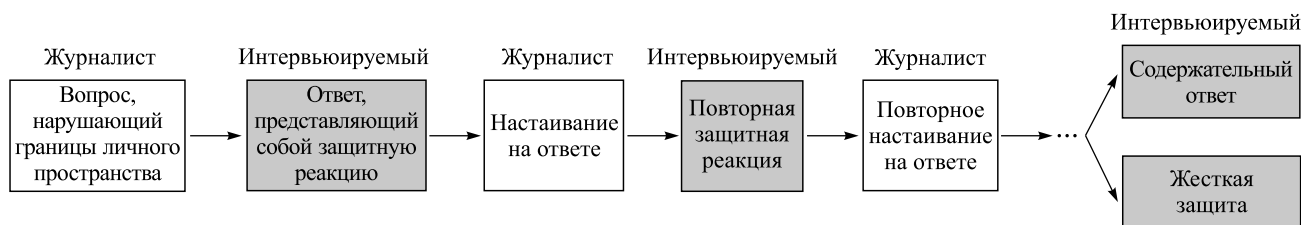

Рис. 5. Усложненный вариант третьей базовой модели развития диалога

Fig. 5. The complicated variant of the third basic model of dialogue development model

⁷Боровой К. Школа злословия: Константин Боровой / Беседовали Т. Толстая и А. Смирнова // Школа злословия. 24 апр. 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_zkCAYgGJrU (дата обращения: 22.10.2022).

⁸Griffin K. CNN Larry King live: interview with Kathy Griffin...

Четвертая модель основана на перераспределении коммуникативной инициативы. Иногда в качестве защитной реакции интервьюируемый может использовать встречный вопрос (прямой или косвенный), который служит для перехвата коммуникативной инициативы, т. е. позволяет интервьюируемому контролировать ход беседы и самому запрашивать информацию [17]. В этом случае реплика интервьюируемого является реакционной по отношению к вопросу интервьюера, нарушающему границы личного пространства, и иницирующей с точки зрения следующей реплики журналиста (рис. 6).

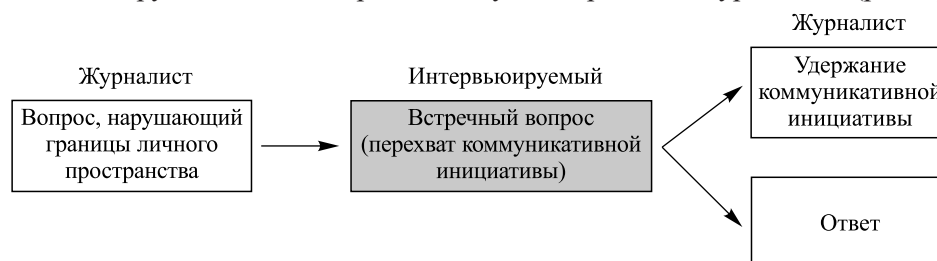

Рис. 6. Четвертая базовая модель развития диалога

Fig. 6. The fourth basic model of dialogue development

Модель с инвертированным порядком коммуникативных ролей содержит вопрос интервьюера, нарушающий границы личного пространства собеседника, встречный вопрос интервьюируемого и ответ журналиста, который заключается либо в удержании инициативы, либо в содержательном ответе на встречный вопрос интервьюируемого (9–10).

(9) – *Когда предстанете перед Богом, что Вы ему скажете?*

– *Вот этого у Марселя Пруста нет в анкете. Это Вы придумали этот вопрос? Скажите мне честно.*

– *Не имеет никакого значения. Когда пригласите в свою программу, зададите вопрос. Итак?*⁹

(10) – *OK, you've had interesting dates so far...*

– *You just cut me up. You're bored already.*

– *Well, I... you're not boring me!*

– *I'm sorry I'm not The Suspender Contest winner, which apparently is very exciting to you, Larry.*

– *A lot of the show that you do on Bravo is about dating*¹⁰.

– *‘Ладно, у тебя до сих пор были интересные свидания...*

– *Ты только что меня оборвал. Тебе уже скучно.*

– *Ну, мне не скучно!*

– *Прости, что я не победитель конкурса подвязок, которые тебе нравятся гораздо больше, Ларри.*

– *Многие из тех шоу, что ты делала для «Браво», о свиданиях’.*

Последующее возвращение коммуникативной инициативы интервьюеру открывает две альтернативные возможности (возврат к личной теме или обращение к новой теме).

Следует отметить, что инвертированный порядок коммуникативных ролей может как реализовываться фрагментарно, в пределах одного сложного диалогического единства, так и охватывать довольно протяженные участки диалога, включая серию вопросов, адресованных интервьюеру (11).

(11) – *The book... it comes through in your book that you went through a divorce. Well, see, you know, I'm divorced, also. But we had no money, so I didn't... we didn't engage in...*

– *How long were you married?*

– *Sixteen years.*

– *How long did you know him before you got married?*

– *Sixteen minutes.*

– *Right. So you can go... you married somebody you didn't know?*

<...>

– *But you say something about 50/50 custody. I'm not sure if I agree with that particularly*¹¹.

– *‘Книга... из Вашей книги видно, что Вы пережили развод. Видите ли, я тоже в разводе. Но там не были замешаны деньги...*

⁹Градский А. Познер. В гостях Александр Градский / Беседовал В. Познер // Познер. 28 нояб. 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ros-RsHVS7M> (дата обращения: 22.10.2022).

¹⁰Griffin K. CNN Larry King live: interview with Kathy Griffin...

¹¹Baldwin A. Parental alienation syndrome / Interviewed by L. King // Larry King live. 2009 Jan. 7 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=u38LzIYp78k&t=79s> (date of access: 21.10.2022).

- Как долго вы были женаты?
- Шестнадцать лет.
- Сколько вы были знакомы до брака?
- Шестнадцать минут.
- Ясно. То есть Вы могли... Вы вышли замуж за незнакомца?
- <...>
- Но Вы говорили об опеке 50/50. Я не уверена, что точно могу с этим согласиться’.

В последнем случае можно говорить об усложненной разновидности четвертой модели развития диалога (рис. 7).

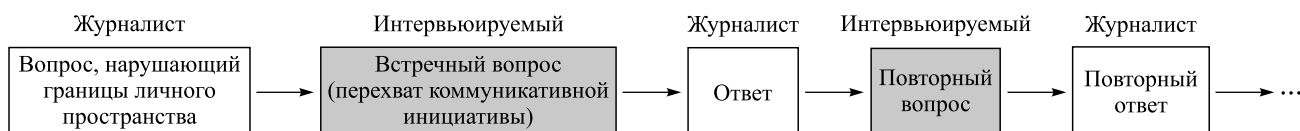

Рис. 7. Усложненный вариант четвертой базовой модели развития диалога
Fig. 7. The complicated variant of the fourth basic model of dialogue development model

При высокой степени настойчивости интервьюера весьма вероятным является сочетание нескольких базовых моделей развития диалога. Такое сочетание представляет собой **смешанную модель** развития диалога.

В примере (12) представлена комбинация второй и четвертой базовых моделей развития диалога.

- (12) – Откуда появился слух о том, что ты гей?
- А вы как думаете?
 - Я знаю только один слух: про тебя и Айзениписа, например. Вот это я слышала.
 - Вот отсюда, наверное, пошел слух¹².

Здесь перераспределение коммуникативных ролей сочетается с однократным вторжением в личное пространство, за которым следует удовлетворение информационного запроса журналиста в виде содержательного ответа (рис. 8).

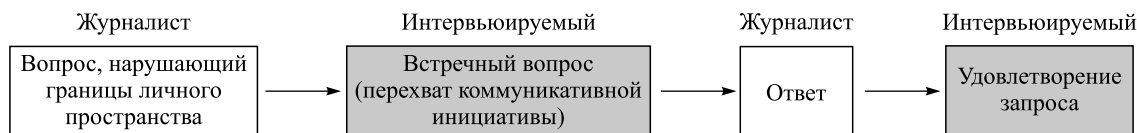

Рис. 8. Смешанная модель развития диалога с элементами второй и четвертой базовых моделей развития диалога
Fig. 8. The mixt model dialogue development with the elements of the second and the fourth basic models of dialogue development

В примере (13) наблюдается комбинация второй и третьей базовых моделей диалога:

- (13) – How did you deal with all that stress? Did you go to therapy, meditate? What did you do?
- I did a lot of... I think the best answer or the most honest answer was I had dear friends, and you know they're your friends because they can listen to you say the same thing over and over again. You say the same thing every day for a year.
 - What was the thing you kept saying?
 - That's personal. That's private.
 - Oh really? Suddenly.
 - Right¹³.
 - Как Вы справлялись со всем этим стрессом? Посещали психолога, медитировали? Что Вы делали?
 - Много всего. Я думаю, лучший или самый честный ответ состоит в том, что со мной были лучшие друзья. И Вы знаете, они друзья, так как они могут выслушивать от тебя одно и то же снова и снова. Ты повторяешь одно и то же каждый день весь год.

¹²Билан Д. Пьяный концерт в Самаре, попытки зачать ребенка...

¹³Baldwin A. Parental alienation syndrome...

- Что Вы повторяли?
- Это личное. Это интимное.
- Правда? Неожиданно.
- Верно’.

Здесь за однократным вторжением в личное пространство, на которое интервьюируемый реагирует содержательным ответом, следует развитие личной темы. На это интервьюируемый реагирует защитной тактикой критики вопроса, явно демонстрирующей нежелание отвечать, вынуждая журналиста настаивать на ответе (рис. 9).

Сочетаемость и взаимосвязанность рассмотренных моделей диалога позволяют составить общий алгоритм развития диалога, содержащего элементы нарушения границ личного пространства интервьюируемого (рис. 10).

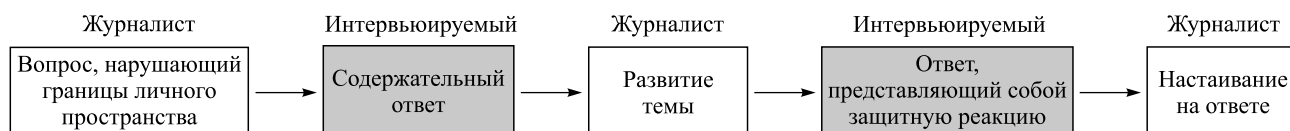

Рис. 9. Смешанная модель развития диалога с элементами второй и третьей базовых моделей развития диалога

Fig. 9. The mixt model of dialogue development with the elements of the second and the third basic models of dialogue development

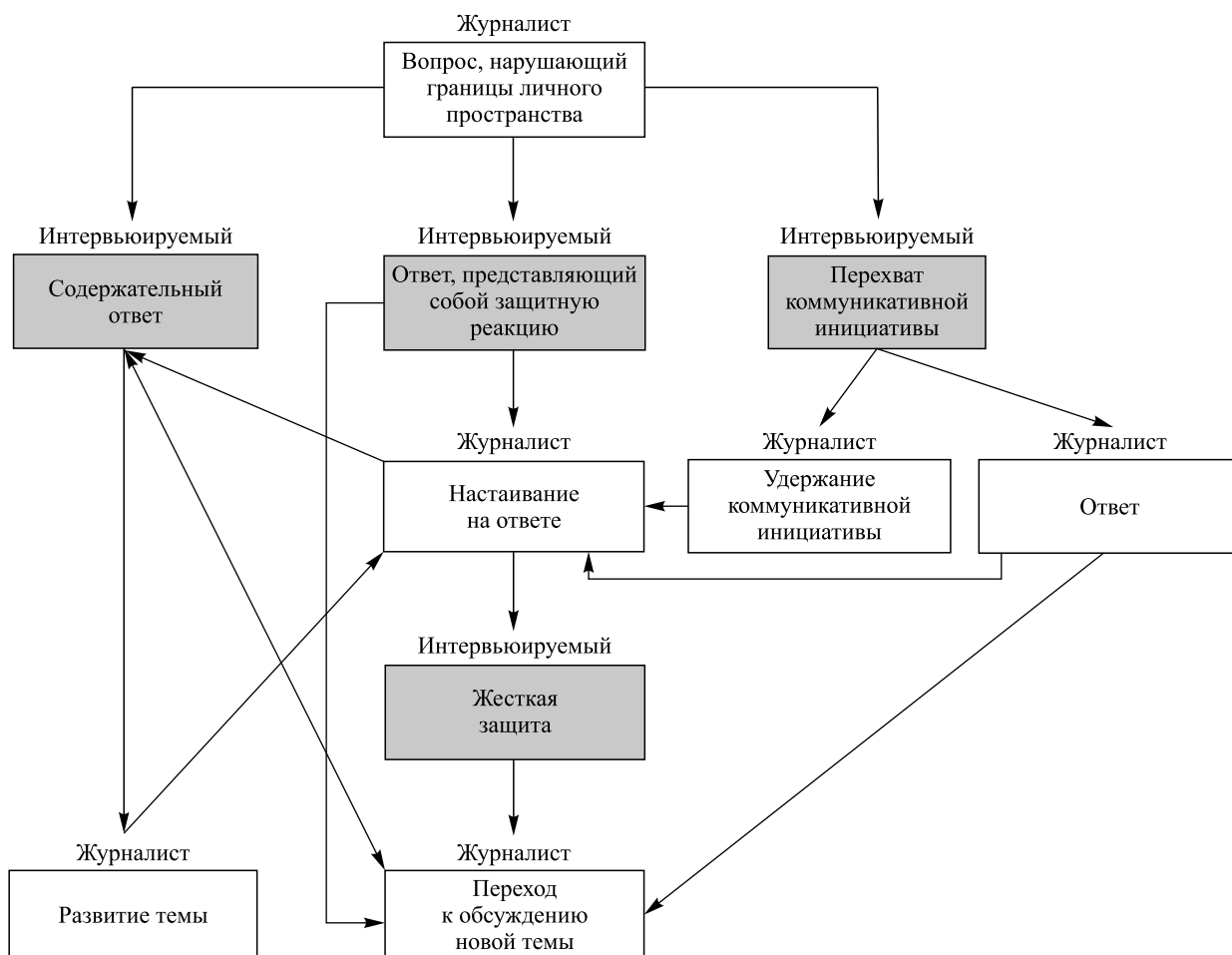

Рис. 10. Общий алгоритм развития диалога с элементами вторжения в личное пространство

Fig. 10. The general development algorithm of the dialogue with privacy invasion elements

В алгоритме могут быть выделены облигаторные компоненты, представленные в структуре всех моделей, и факультативные, дополнительные компоненты, включение которых в диалог зависит от таких ситуативных факторов, как степень настойчивости журналиста и тип реакции, избранной интервьюируемым. Облигаторными компонентами являются вопрос, нарушающий границы личного пространства собеседника, ответ интервьюируемого (содержательный ответ, ответ, представляющий собой защитную реакцию, или перехват коммуникативной инициативы), а также завершающее интеракцию обращение журналиста к новой теме. К дополнительным компонентам относятся развитие заданной темы, настаивание на ответе, удержание коммуникативной инициативы в речевой партии интервьюера, жесткий ответ интервьюируемого, представляющий собой защитную реакцию.

Заключение

В современном медийном интервью наблюдается тенденция к ослаблению норм. Она проявляется в некорректном поведении журналистов и существенном расширении диапазона тем, доступных для публичного обсуждения, в первую очередь за счет вопросов, касающихся личной жизни собеседника.

Получение личной информации представляет для журналиста сложную коммуникативную задачу в силу необходимости принимать во внимание интересы и мнение аудитории, а также из-за хорошей подготовленности медийных личностей к неудобным вопросам. В свою очередь, для интервьюируемого защита личного пространства является небанальной задачей, так как он вынужден сочетать свое желание скрыть личную информацию с необходимостью, с одной стороны, поддерживать интерес публики к себе, а с другой стороны, избегать возможных имиджевых потерь.

Комплексный характер решаемых журналистом и интервьюируемым задач, а также разнообразие доступных им тактических решений усложняют структуру диалога и стимулируют вариативность моделей его развития. Так, с учетом избранной интервьюируемым реакции на вторжение в личное пространство и степени настойчивости интервьюера выделяются четыре базовые модели развития диалога, содержащего элементы нарушения границ личного пространства. Три базовые модели (за исключением первой) могут быть усложнены одним или несколькими циклами вопросно-ответного типа. Иногда в ходе развития диалога комбинируются элементы нескольких базовых моделей, что позволяет говорить о наличии смешанной модели развития диалога.

Несмотря на определенные экстралингвистические различия между англо- и русскоязычной журналистикой, связанные с временной спецификой появления и развития провокационных элементов и способом адаптации таких элементов к новым видам медиа, анализ выделенных моделей позволил установить их идентичность в англо- и русскоязычном медийном интервью.

Библиографические ссылки

1. Филлипс Л, Йоргенсен МВ. *Дискурс-анализ: теория и метод*. Киселёва АА, переводчик. Харьков: Гуманитарный центр; 2008. 352 с.
2. Сахнова ЕБ. Жанр интервью и его модификации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*. 2013;4:98–103.
3. Plüss B. Non-cooperation in dialogue. In: Demir S, Raab J, Reiter N, Lopatkova M, Strzalkowski T, editors. *48th Annual meeting of the Association for Computational Linguistics. Proceedings of the student research workshop; 2010 July 13; Uppsala, Sweden*. Uppsala: Association for Computational Linguistics; 2010. p. 1–6.
4. Яблоновская НВ, Езык АВ, Мустафаева НД. Жанр интервью на платформе русскоязычного сегмента YouTube: трансформации и медиатехнологии. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2020;4:225–238.
5. Бочков ВА. Интеграция западных телевизионных идей в российское телевидение. В: Тулупова ВВ, редактор. *Коммуникация в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации»; 10–12 мая 2007 г.; Воронеж, Россия*. Воронеж: Воронежский государственный университет; 2007. с. 191–193.
6. Ильченко СН. *Интервью в журналистике: как это делается*. Санкт-Петербург: Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций; 2016. 236 с.
7. Антонова ЛГ, Башловкина ЮА. Коммуникативный инструментарий современной формы интервью на платформе YouTube. *Социальные и гуманитарные знания*. 2018;4(3):35–43.
8. Иссерс ОС. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге. *Русский язык в научном освещении*. 2009;2: 92–104.
9. Степанов ВН. Провокационный вопрос с точки зрения прагматического лингвистики. *Московский лингвистический журнал*. 2003;6–2:157–180.
10. Карасик ВИ, Прохвачева ОГ, Зубкова ЯВ, Грабарова ЭВ. *Иная ментальность*. Москва: Гнозис; 2005. 352 с.
11. Богоявленская ЮВ. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных. *Политическая лингвистика*. 2016;4:163–166.
12. Solove DJ. *Understanding privacy*. Cambridge: Harvard University Press; 2008. 276 p.

13. McLean D. *Privacy and its invasion*. London: Praeger; 1995. 152 p.
14. Жупинская АВ. Стратегия реагирования на нарушение границ личного коммуникативного пространства в русско-язычных и англоязычных медийных интервью. В: Старовойтова ИА, редактор. *Сборник научных работ студентов Республики Беларусь «НИРС 2020»*. Минск: БГУ; 2021. с. 475–479.
15. Наумова ММ. Специфика реализации откровенности в массмедийном дискурсе. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*. 2015;15–1:107–110.
16. Дубских АИ. Тактика эпатаживания как инструмент провокационной саморекламы в «звездных» интервью. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2012;25:109–112.
17. Жупинская АВ. Перераспределение коммуникативных ролей как защита личного пространства в медийном интервью. В: Достанко ЕА, редактор. *Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам. Материалы XV Международной научной конференции, посвященной 100-летию образования Белорусского государственного университета; 29 октября 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 96–101.

References

1. Jorgensen MV, Phillips LJ. *Discourse analysis as theory and method*. London: Sage Publication; 2002. 230 p.
Russian edition: Fillips L, Jorgensen MV. *Diskurs-analiz: teoriya i metod*. Kiseleva AA, translator. Kharkiv: Gumanitarnyi tsentr; 2004. 336 p.
2. Sakhnova EB. Genre of interview and its modifications. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. 2013;4:98–103. Russian.
3. Plüss B. Non-cooperation in dialogue. In: Demir S, Raab J, Reiter N, Lopatkova M, Strzalkowski T, editors. *48th Annual meeting of the Association for Computational Linguistics. Proceedings of the student research workshop; 2010 July 13; Uppsala, Sweden*. Uppsala: Association for Computational Linguistics; 2010. p. 1–6.
4. Yablonovskaya NV, Mustafaeva ND, Ezyk AV. The genre of interview on the platform of the Russian-language segment of YouTube: transformation and mediatechnology. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Science*. 2020;4:225–238. Russian.
5. Bochkov VA. [Integration of Western ideas in Russian television]. In: Tulupova VV, editor. *Kommunikatsiya v sovremennoy mire. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Problemy massovoi kommunikatsii»; 10–12 maya 2007 g.; Voronezh, Rossiya* [Communication in modern world. Proceedings of the National scientific conference «Problems of mass communication»; 2007 May 10–12; Voronezh, Russia]. Voronezh: Voronezh State University; 2007. p. 191–193. Russian.
6. Il'chenko SN. *Interv'y u zhurnalistike: kak eto delaetsya* [Interview in journalism: how it is done]. Saint Petersburg: School of Journalism & Mass Communications; 2016. 236 p. Russian.
7. Antonova LG, Bashlovkina YA. Communicative toolkit of the modern form of the interview on YouTube platform. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*. 2018;4(3):35–43. Russian.
8. Issers OS. [Provocative strategy in public dialog]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2009;2: 92–104. Russian.
9. Stepanov VN. [Provocative question from the point of view of linguistic pragmatics]. *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. 2003;6–2:157–180. Russian.
10. Karasik VI, Prokhvacheva OG, Zubkova YaV, Grabarova EV. *Inaya mental'nost'* [Foreign mentality]. Moscow: Gnozis; 2005. 352 p. Russian.
11. Bogoyavlenskaya YuV. Representativeness of text corpus: method of verification of data reliability. *Political Linguistics*. 2016; 4:163–166. Russian.
12. Solove DJ. *Understanding privacy*. Cambridge: Harvard University Press; 2008. 276 p.
13. McLean D. *Privacy and its invasion*. London: Praeger; 1995. 152 p.
14. Zhupinskaya AV. [A strategy for responding to violation of the boundaries of personal communication space in Russian-language and English-language media interviews]. In: Starovoitova IA, editor. *Sbornik nauchnykh rabot studentov Respubliki Belarus' «NIRS 2020»* [Collection of scientific works of students of the Republic of Belarus «NIRS 2020»]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 475–479. Russian.
15. Naumova MM. Specific features of realisation of frankness in the mass-mediated discourse. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. 2015;15–1:107–110. Russian.
16. Dubsky AI. Epatage tactics as the means of provocative self-promotion in «star» interviews. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*. 2012;25:109–112. Russian.
17. Zhupinskaya AV. Redistribution of communicative roles as privacy defense in media interviews. In: Dostanko EA, editor. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 29 oktyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Intercultural communication and professionally oriented teaching of foreign languages. Proceedings of the 15th International scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Belarusian State University; 2021 October 29; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 96–101. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.12.2022.
Received by editorial board 11.12.2022.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАТЕГОРИИ ИНФОРМАТИВНОСТИ И МЕХАНИЗМОВ СУБЪЕКТНОЙ РЕФЕРЕНЦИИ В БЕЛОРУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРВЬЮ

И. М. БАСОВЕЦ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Исследуются особенности влияния референциальных механизмов субъектных номинаций на категорию информативности белорусско- и англоязычных интервью. Определяются детерминанты информационно насыщенного текста. Устанавливаются способы конструирования переключенной субъектной референции на основе контрастно представленных в тексте мнений специалистов и неспециалистов. Показывается, как в результате смешения стилевых кодов осуществляется междискурсивный трансфер знаний в ходе использования языковых механизмов авторизации и деавторизации.

Ключевые слова: категория информативности; переключенная субъектная референция; субъектно-референциальная плотность; междискурсивная трансферизация знаний; информационная насыщенность; авторизированный пересказ научной концепции; деавторизованное цитирование.

УЗАЕМАСУВЯЗЬ КАТЭГОРЫІ ІНФАРМАТЫЎНАСЦІ І МЕХАΝІЗМАЎ СУБ'ЕКТНАЙ РЭФЕРЭНЦЫІ Ў БЕЛАРУСКА- І АНГЛАМОЎНЫМ ІНТЭРВ'Ю

І. М. БАСАВЕЦ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Даследуюцца асаблівасці ўплыву рэферэнцыяльных механізмаў суб'ектных намінацый на катэгорыю інфарматыўнасці беларуска- і англамоўных інтэрв'ю. Вызначаюцца дэтэрмінанты інфармацыйна насычанага тэксту. Выяўляюцца спосабы канструявання пераключанай суб'ектнай рэферэнцыі на аснове кантрасна прадстаўленых у тэксце меркаванняў спецыялістаў і неспецыялістаў. Паказваецца, як у выніку змешвання стылявых кодаў ажыццяўляецца междискурсіўны трансфер ведаў у ходзе выкарыстання моўных механізмаў аўтарызацыі і дэаўтарызацыі.

Ключавыя словы: катэгорыя інфарматыўнасці; пераключаная суб'ектная рэферэнцыя; суб'ектна-рэферэнцыяльная шчыльнасць; междискурсіўная трансферызацыя ведаў; інфармацыйная насычанасць; аўтарызаваны пераказ навуковай канцэпцыі; дэаўтарызаванае цытаванне.

Образец цитирования:

Басовец ИМ. Взаимосвязь категории информативности и механизмов субъектной референции в белорусско- и англоязычном интервью. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2023;1:80–89.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-80-89>

For citation:

Basovets IM. The relationship between the category of informativeness and the mechanisms of subject reference in Belarusian and English interviews. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2023;1:80–89. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-80-89>

Автор:

Ирина Михайловна Басовец – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры общего языкознания.

Author:

Irina M. Basovets, PhD (philology), docent; postdoctoral student at the department of general linguistics.
basovets@list.ru
<http://orcid.org/0000-0003-2142-7233>

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CATEGORY OF INFORMATIVENESS AND THE MECHANISMS OF SUBJECT REFERENCE IN BELARUSIAN AND ENGLISH INTERVIEWS

I. M. BASOVETS^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

The article examines the influence of referential mechanisms of subject nominations on the category of informativeness of Belarusian and English interviews. The determinants of information-rich texts are determined. Ways of constructing switch subject reference are established based on the contrasted opinions of specialists versus non-specialists presented in the text. The article shows how the inter-discourse knowledge transfer manifests itself in the result of the style codes mixing by means of linguistic mechanisms of authorisation and deauthorisation.

Keywords: category of informativeness; switch subject reference; subject-reference density; inter-discourse knowledge transfer; information richness; authorised paraphrase of a scientific theory; deauthorised citation.

Введение

Субъектная референция является одним из самых многоплановых предметов лингвистических исследований, несмотря на сравнительно недавнюю историю ее изучения. Вместе с тем некоторые аспекты субъектной референции продолжают оставаться до конца не исследованными. В число подобных аспектов входят проблемы участия субъектной референции в реализации текстовой категории информативности. Анализ особенностей влияния механизмов субъектной референции на текстовую категорию информативности видится актуальным в информационном медиажанре интервью. Очевидно, что тексты интервью демонстрируют сложносистемные референциально разнородные субъектные переплетения, поскольку изложение большей части сведений, мнений, комментариев ведется от имени референтного интервьюируемого субъекта по заданной референтным интервьюирующим субъектом траектории, при этом оба могут ссылаться на точки зрения иных субъектов разной степени референциальной определенности.

Целью данной статьи является определение референциальных механизмов субъектных номинаций в реализации категории информативности в жанре интервью на белорусском и английском языках. В задачи исследования входят установление референциальных механизмов субъектных номинаций в белорусско- и англоязычном интервью и особенностей их влияния на повышение или понижение степени информативности текста, определение языковых механизмов интердискурсивного взаимодействия и оснований для создания информационной насыщенности в жанре интервью, выявление сценария осуществления переключенной субъектной референции в белорусско- и англоязычном интервью, нахождение корреляций между языковыми механизмами авторизации или деавторизации и категорией информативности, а также обозначение характеристик референциальной субъектной соотнесенности в белорусско- и англоязычном интервью.

Информативность связана с одним из четырех коммуникативных постулатов, предложенных Г. П. Грайсом, а именно с постулатом количества, который предполагает правильное дозирование информации: *I expect your contribution to be neither more nor less than is required* 'Я ожидаю, что твое высказывание должно быть не более и не менее [информативным], чем требуется' [1, р. 28]. На уровне высказывания степень информативности может варьироваться по признаку полноты представленности информации от минимальной (информативная недостаточность) до максимальной (информативная избыточность). На уровне текста информативность является одной из основных содержательных категорий. Она характеризуется многокомпонентностью структуры и реализует свою текстообразующую функцию в виде конкретных текстовых проявлений, имеющих план выражения и план содержания. План содержания категории информативности проявляется в наборе задействованных в тексте типов информации (фактуальная, мотивационная и инструктивная) и в информационном наполнении композиционных частей текста, а план выражения категории информативности включает разноуровневые языковые способы передачи информации, а также формы организации информации в тексте¹. Категория информативности реализует основную цель текста, состоящую в передаче информации читателю, т. е. в осуществлении функции информирования, которая является одной из основополагающих стилеобразующих черт ме-

¹Рыбакова Л. В. Категория информативности в прагмалингвистическом аспекте (на материале англоязычных информационно-рекламных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Воронеж, 1998. 24 с.

диатекстов, «создает информационную базу»², «отражается в информационной насыщенности текста»³ и «измеряется информационной плотностью (количеством фактов по отношению к протяженности текста)»⁴ [2, р. 228].

В плане языковой реализации категории информативности текста ведущим является механизм референции способов выражения субъектных отношений, закономерностей построения связного текста. Ориентация на более точное отражение референтных отношений диктует употребление точных формулировок, исключающих возможность неопределенного толкования [3, с. 30].

Точность отражения референтных отношений в целях придания медиатексту информативности обеспечивается информативной достаточностью, при которой соблюдается информационная норма (термин С. И. Виноградова [4]). Отклонения в сторону информативной избыточности или недостаточности являются нарушениями информационной нормы и постулата количества. Иллюстрацией информативной недостаточности служат ответы тавтологического характера. К числу информативно избыточных примеров относятся употребление вводных конструкций, речевых клише, излишняя детализация, чрезмерное многословие, использование приема информационной перегрузки, видов и приемов демагогической риторики, уводящих от предмета обсуждения и нацеленных на подачу неинформативного высказывания в квазиинформативном виде⁵.

Материалы и методы исследования

Информативность текстов средств массовой информации обеспечивается наличием информационной базы, отражается в информационной насыщенности, характеризуется соблюдением или несоблюдением информационной нормы, а референциальные механизмы субъектных номинаций источников сведений играют в процессе информирования важнейшую роль. В связи с этим представляется любопытным проанализировать специфику функционирования актуализаторов категории информативности в информационном жанре медиатекстов с учетом механизмов субъектной референции и сопоставить сходства и различия таких механизмов на материале белорусско- и англоязычного интервью.

Методологическую основу настоящей статьи составляет комплексный подход к изучению референциальных механизмов субъектных номинаций в реализации одной из основных текстовых категорий – категории информативности. Комплексный подход обуславливает применение общенаучных (описание используется в ходе фиксации особенностей материала исследования, сопоставление – в ходе сравнительного анализа установленных характеристик объекта исследования в двух лингвокультурах) и лингвистических (контекстуальный метод используется при анализе функционирования субъектных номинаций в белорусско- и англоязычных интервью, лингвокультурологический метод – при установлении специфики функционирования референциальных механизмов субъектных номинаций в жанре интервью в сопоставляемых лингвокультурах) методов исследования.

Результаты и их обсуждение

Материалом для анализа послужили экспертное интервью с психологом на белорусском языке⁶ и экспертное интервью с учредителем компании *Huawei* на английском языке⁷. В структуре анализируемых интервью выделяется информационная база – центральная часть медиаобраза, сформированная референтным субъектом (экспертом) и представленная набором достоверных утверждений. Подобные утверждения верифицируются статусом эксперта (*псіхолаг, намеснік дырэктара па вучэбна-выхаваўчай рабоце Маларыцкага дзяржаўнага прафесійнага ліцэя сельскагаспадарчай вытворчасці Аксана Анатольеўна Мірчук – Huawei's founder Ren Zhengfei*), результатами научных исследований и (или) данными количественного анализа (*...пацвярджае сацыяльна-псіхалагічнае даследаванне...; Згодна з данымі апытання, было выяўлена 12,9 % выпадкаў гвалту над дзецьмі, а 25,8 % пацвярджаюць адзінкавыя выпадкі – Osborne had already lowered the UK's tax rate to 21 %; Theresa May's administration announced that it*

²Рябова Е. С. Информативность англоязычного медиатекста в лингвокогнитивном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Самара, 2012. С. 8.

³Там же. С. 11.

⁴Здесь и далее перевод наш. – И. Б.

⁵Панченко Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Волгоград, 2010. 44 с.

⁶Мірчук А. Бяспечна, як дома / Гутарыла Н. Сахно // Настаўніцкая газета. 19 ліп. 2022 г. [Электронны рэсурс]. URL: <https://nastgaz.by/byaspechna-yak-doma/> (дата звароту: 15.10.2022).

⁷Ren Zhengfei. A transcript of Ren Zhengfei's interview / Interviewed by «The Economist» // The Economist. 2019 Sept. 10. [Electronic resource]. URL: <https://www.economist.com/business/2019/09/12/a-transcript-of-ren-zhengfeis-interview> (date of access: 15.10.2022).

would further lower the tax rates to 17 %; Our revenue this year has grown by 19.7 % till the end of August; Our growth rate has declined from about 30 % in the beginning of the year, to 23 % by the first half of the year; and now down to 19.7 %) или репутацией организации, задающей рамки институционального дискурса (*Маларыцкі дзяржаўны прафесійны ліцэй сельскагаспадарчай вытворчасці – Huawei Technologies Co. Ltd.*). Дополнительно в информационной базе англоязычного интервью, сформированной верификатором, присутствует значительное число утверждений, которые содержат эвиденциальные маркеры типа *I estimate, this is my humble opinion, I know, I think, I say, I believe, I saw, as far as I know, I personally think, I only know, I heard, I imagine, I'm talking*. В белорусскоязычном интервью показатели субъективности повествования в виде маркеров прямой и инференциальной эвиденциальности с акцентом на персональные подходы эксперта к заданным вопросам в таком количестве (многие употреблены повторно) не зафиксированы.

При сопоставлении плана содержания категории информативности с учетом референциальных механизмов субъектных номинаций в белорусско- и англоязычном интервью обнаруживается ряд схожих характеристик. Так, в разных композиционных частях обоих медиатекстов план содержания обладает информационной насыщенностью. В белорусскоязычном интервью информационная насыщенность достигается благодаря взаимодействию медийного дискурса и научного дискурса, представленного в качестве авторизированного пересказа научного эксперимента в результате компрессии оригинала. Подобный прием позволяет реализовать междискурсивную трансферизацию знаний [5]. Авторизация, как способ передачи информации, относится к плану выражения категории информативности и маркируется конструкциями с референциально определенным субъектом, в которых субъект-журналист обнаруживает себя в метатекстовых авторских вкраплениях типа *упэўнена Аксана Анатольеўна Мірчук, расказвае падрабязнасці А. Мірчук, дзеліцца назіраннямі Аксана Анатольеўна, пералічвае псіхалаг, запэўнівае Аксана Мірчук*. Кодирование одного и того же авторизующего субъекта в разных частях текста посредством вариативных повторов референциальных выражений или переименования одного и того же текстового референта при его повторной номинации в журналистских метакомментариях демонстрирует явление кореференции. Koreferentные наименования представляют собой вид семантического повтора, который реализуется в тексте при помощи рекуррентии и парафразы. В случае рекуррентии семантическая связь осуществляется благодаря повторению слова, тогда как при парафразе – благодаря употреблению синонимических конструкций [6, р. 60–61]. Koreferentия, будучи одним из аспектов когезии текста, позволяет удерживать информацию об интервьюируемом субъекте на протяжении всего текста и обеспечивает его функционирование в качестве системы [7, р. 270]. Глубинно-схематичная связность текста конкретизируется в том числе в референциальной соотнесенности [8, с. 20], что обеспечивает его когерентность, т. е. общую когнитивную связность. В анализируемом интервью при повторной номинации упоминание референта не сопровождается наделением его дополнительными признаками, не пополняет знания адресата о референте, поскольку при первичном представлении интервьюируемого была использована максимальная степень конкретизации, позволяющая однозначно идентифицировать субъект. Следует отметить, что в результате вариативных повторов референциальных выражений не наступает информационная избыточность или недостаточность и не нарушается информационная норма. Koreferentные наименования авторизующего субъекта производятся в соответствии с аддитивными стратегиями, которые нацелены на «передачу фактуальной информации с наименьшими потерями», «направлены на максимизацию объема предоставляемой информации, ее последовательности и точности», а также «на минимизацию “помех” (двусмысленности, семантических пропусков, окказионализмов), а следовательно, когнитивных усилий реципиента, не связанных непосредственно с усвоением информации» [9, с. 248]. Отражение субъектных референтных отношений в результате употребления точных формулировок, исключающих возможность неопределенного толкования, способствует повышению степени информативности текста белорусскоязычного интервью.

В интервью референциальные механизмы субъектных номинаций позволяют реализовать взаимодействие медийного дискурса не только с научным, но и с обиходно-бытовым дискурсом. Так, интервьюируемый белорусский эксперт использует языковой механизм репрезентации мнения неспециалиста и интерпретирует мнение родителей о принципах воспитания детей при помощи конструкций деавторизации. Контраст мнений специалистов и неспециалистов на протяжении всего интервью демонстрирует явление переключенной референции и используется для выражения противоположности точек зрения субъектных референтов в разных частях текста [10]. При выражении позиции неспециалистов наблюдается экспансия точек зрения множественных субъектов, являющихся участниками единого речевого события [11] и обладающих иными (по сравнению с экспертным мнением) референциальными характеристиками: *Разам*

з гэтым *большасць бацькоў добра разуме*⁸, што такая тактыка выхавання – гэта парушэнне правоў іх дзіцяці, а таксама прычына магчымых адхіленняў у яго псіхічным і фізічным развіцці; *Многія бацькі лічаць* фізічныя пакаранні інструментам выхавання. Падымаючы руку на дзіця, *яны думаюць*, што так хутчэй даб'юцца ад яго жаданых паводзін, *Многія думаюць*, што дзецям гэта не пагражае. Как и в случае с авторизаторами, кодирование субъекта конструкций деавторизации в разных частях текста происходит посредством вариативных повторов референциальных выражений или переименования одного и того же текстового референта при его повторной номинации. Кореферентными наименованиями при постулировании мнений неспециалистов выступают обобщенные номинации *большасць бацькоў*, *многія бацькі*, *многія*. Использование парафразы осуществляется при помощи синонимических конструкций, а принцип речевой экономии (опущение элемента в поверхностной структуре высказывания) позволяет применить стилистическое варьирование. Данный принцип создает условия для повышения информационной насыщенности текста при минимальной затрате речевых средств, однако не позволяет повысить информативность текста, поскольку использует текстовые единицы, «не обладающие детальным информативным представлением» или «потенциальной информационно-несущей способностью» [12, р. 2]. Использование анафорического местоимения *яны* не приводит к референциальному конфликту, т. е. к «ситуации, при которой в пределах текущего дискурсивного фрагмента адресат может отнести использованное говорящим референциальное средство к нескольким референтам, активированным в его рабочей памяти» [13, с. 198]. Это местоимение легко соотносится с именной группой *многія бацькі* по содержательному критерию, близости линейно-текстового расположения и синонимичности конструкций.

Любопытно, что в белорусскоязычном интервью трансферизация знания эксперта на основании данных научного эксперимента, представляющего собой достоверное утверждение, производится посредством авторизации, а трансферизация знаний в процессе экспликации мнений неспециалистов (многих родителей) строится при помощи механизма деавторизации. Утверждения обобщенных в референциальном отношении субъектов-неспециалистов демонстрируют характеристики обиходно-бытового дискурса (общеупотребительная лексика бытовой тематики, несложненный синтаксис). В пропозициях обнаруживаются оценочность (посредством оценочных единиц *парушэнне*, *адхіленняў*, *жаданых*) и интерпретативность суждений, введенная субъектом-повествователем. В отличие от синонимичных конструкций *многія бацькі лічаць*, *яны думаюць*, *многія думаюць* в конструкции деавторизации *большасць бацькоў добра разуме*, содержащей оценочное наречие, наблюдается усложнение субъектной перспективы, которая «обеспечивает антропоцентрический взгляд на текст» и «позволяет интерпретировать его в связи с точкой зрения говорящего» [14, с. 108]. В данной конструкции обнаруживается эксплицитно-имплицитная полисубъектность. Первый субъект совпадает с грамматическим субъектом и выражается вербально в поверхностной структуре предложения (*большасць бацькоў*). Под вторым субъектом подразумевается интервьюируемый психолог. Вербальным маркером его видимого присутствия в высказывании является оценочное наречие *добра*, при помощи которого повествователь создает интерпретационную программу для читателя. Наконец, третьим субъектом является сам журналист, выступающий в качестве ретранслятора речи психолога. Наличие значительного числа ссылок на мнения экспертов и неспециалистов свидетельствует о субъектно-референциальной плотности текста интервью (что является одним из индикаторов его информативности), а также демонстрирует интертекстуальность, переплетенность различных жанров (что, с одной стороны, «соответствуют постмодернистскому представлению о тексте как “мозаике цитат”, с другой – предполагает диалог на уровне когнитивных систем, кодов, типа мышления и отражает когнитивные процессы, предшествующие конкретной текстовой реализации» [11, с. 252]). По мнению В. Е. Чернявской, взаимосвязь языковых единиц, при которой осуществляется переход в сознании реципиента от одного типа дискурса к другому, представляет собой интердискурсивное взаимодействие [8, с. 222–228].

В англоязычном интервью референциальные механизмы субъектных номинаций также позволяют реализовать междискурсивную трансферизацию знаний в результате взаимодействия медийного, научного и обиходно-бытового дискурсов. Однако такое взаимодействие не демонстрирует четкую корреляцию в отношении мнений специалистов, которые были бы представлены механизмом авторизации, и мнений неспециалистов, введенных с помощью деавторизации, как в случае с белорусскоязычным интервью. Репрезентация точки зрения специалиста о мировых экономических процессах, динамике роста потребительских цен на товары, производственно-бытовой цепи, надежных резервных валютах, технологиях и высокотехнологичных продуктах происходит посредством ссылок не на референтных субъектов, как в белорусскоязычном интервью, а на нереферентных субъектов: *Some Western economists suggested*

⁸Полужирный курсив в цитатах наш. – И. Б.

this concept, higher pay, higher commodity prices and higher consumption; But the West did not expect that developing countries would slowly begin to move up the value chain with low-end production; ...Some American politicians really say, «I'm not interested in hearing about this piece or that piece of Huawei technology»; When I worked in America, many very important American politicians would say, «China is rising very fast, but America has a magic weapon». Инкорпорирование в текст интервью знаний специалистов производится посредством дуплетных кореферентных наименований в составе конструкций деавторизации. В качестве подобных наименований выступают обобщенные и (или) неопределенные номинации, а именно *Western economists* и *American politicians*. В анализируемом интервью обнаружены две дуплетные пары таких конструкций, примененные в целях стилистического варьирования и повышения информационной насыщенности текста при минимальной затрате речевых средств (*some Western economists suggested, the West did not expect, some American politicians say, many very important American politicians would say*). Как видно из примеров, компоненты варьирования разнятся и охватывают имена существительные (*Western economists* и *the West*) и местоимения (*some* и *many*) при неизменности остальных компонентов поверхностной структуры. С одной стороны, при трансферизации знаний специалистов в пропозициях обнаруживается экономическая и политическая терминология (*commodity prices, consumption, the value chain, low-end production*), что способствует повышению информационной насыщенности интервью вследствие терминологической информативности, которая является фундаментальной для извлечения ключевых слов, категоризации текста, классификации и реферирования [15]. С другой стороны, информативная недостаточность в отношении размытых субъектных номинаций, вводящих экспертные суждения, снижает информативность англоязычного интервью.

Утверждения неспециалистов вводятся в текст англоязычного интервью посредством обобщенных и неопределенных субъектов, вербализованных посредством местоимений *everyone, no one, someone*. Данные утверждения передают общеизвестные сведения или собственный индивидуальный опыт интервьюируемого, а также демонстрируют характеристики обиходно-бытового дискурса в результате использования общепотребительной лексики разговорного стиля и неосложненных синтаксических конструкций: *Everyone no longer believes that the US is looking to maintain order in the world; Everyone knows China was an agricultural country; No one has told me anything about the situation in China you just mentioned...; Someone described it to me, but I have not seen it yet*. В конструкции деавторизации *everyone no longer believes* наблюдается усложнение субъектной перспективы. В дополнение к грамматическому субъекту, выраженному в поверхностной структуре предложения (*everyone*), и журналисту-ретранслятору имплицитным субъектом является интервьюируемый основатель компании. Вербальным маркером его присутствия выступает наречие *no longer*, при помощи которого интервьюируемый создает имплицитный контраст хронологического порядка по отношению к ранее устоявшемуся мнению, которое теперь является иным, при этом свойственным каждому (*everyone believes*).

На рисунке представлена взаимосвязь референциальных механизмов субъектных номинаций и актуализаторов категории информативности текстов интервью на белорусском и английском языках с учетом междискурсивного взаимодействия и дихотомии противопоставленных точек зрения.

Как видно из рисунка, варьирование степени информативности текстов связано с использованием разнородных в референциальном отношении субъектов в качестве источников информации. Информативность повышается в результате инкорпорирования референтных субъектов и понижается вследствие

употребления нереферентных субъектов. В анализируемых интервью на белорусском и английском языках противопоставление точек зрения экспертов (психолог, учредитель компании, западные экономисты, американские политики) и мнения неспециалистов (большинство родителей, многие родители, многие люди или каждый человек) выражается вербально, при этом используется переключенная субъектная референция, благодаря которой подчеркивается столкновение научного и бытового представления о физических наказаниях как инструменте воспитания (в белорусскоязычном интервью) и о политических, экономических и технологических процессах в современном мире (в англоязычном интервью). Тесное переплетение в интервью иноязычных элементов (с одной стороны, термины психологии и педагогики, экономики и политики, а с другой стороны, общеупотребительная лексика, неосложненные синтаксические конструкции, характерные для разговорного стиля) свидетельствует о взаимодействии медийного, научного и обиходно-бытового дискурсов.

В анализируемых экспертных интервью на белорусском и английском языках авторская стратегия информирования отличается неизменностью основного коммуникативного намерения интервьюируемого (убедить в правильности экспертного мнения), обусловленностью композиционной структуры текста интервью авторской интенцией и поэтапностью реализации комплекса прагматических установок (постепенно создать контраст мнения эксперта и точек зрения неспециалистов с освещением экспертной позиции в более информативном и убедительном ключе). Как отмечает Л. В. Рыбакова, композиционная структура информационного текста определяется взаимодействием ряда факторов коммуникативной ситуации, в первую очередь сложной структурой целеполагания, осуществляемого автором в рамках текста как макроречевого акта, а также алгоритмом изменений представлений автора относительно эпистемического состояния адресата. Ученые полагают, что важнейшими типологическими свойствами информационного текста являются особенности реализации мотивационного компонента информирования, определяемого авторскими представлениями о характере соответствующих потребностей адресата и комплексе мотивов, способных побудить адресата к выполнению желаемых для автора действий по использованию информации. Эти свойства проявляются в содержательной структуре и формах выражения линейно поступающих единиц мотивационной информации, а также в особенностях взаимодействия мотивационного компонента информирования с фактуальным и инструктивным компонентами информирования в рамках композиционных частей текста⁹.

Любопытной представляется лингвокультурная специфика мотивационного компонента информирования белорусскоязычного интервью, который содержит бытийное утвердительное предложение, представленное журналистом (*Меркаванне, што ахвярамі гвалту могуць быць толькі дзеці з сацыяльна небяспечных сем'яў, не больш чым міф*). Форма использованной в данном примере номинализованной конструкции деавторизации имплицитно закадровую позицию субъекта мысли. Закадровую позицию субъекта рассматривала Н. Д. Арутюнова, которая ввела понятие «нейтральный модус». Лингвист полагает, что в отличие от субъективированного модуса нейтральный модус реализует имперсонализацию. Кроме того, «субъективированный и нейтральный по форме модусы пересекаются по таким параметрам, как атрибуция говорящему лицу и “другому”, истинностная оценка в момент речи и в прошлом, способность/неспособность занимать вводную позицию, согласие/несогласие говорящего с субъектом суждения» [16, с. 109–110]. В высказывании закадровый подразумеваемый субъект может быть раскрыт через последующий контекст, а невербализованная позиция субъекта во вводном предложении является «не только средством связности, но и способом обнаружения субъектной перспективы текста (т. е. установления владельца пропозиции), поскольку при текстовом подходе обнаруживается контекстуальный претендент на незанятую позицию субъекта» [14, с. 110]. Можно предположить, что подразумеваемый субъект мысли коррелирует с последующим вводящим схожую пропозицию упомянутым субъектом, вербализованным посредством номинации *бацькі* (*многія бацькі, большасць бацькоў*). Это дает основания полагать, что упомянутое слово *меркаванне* соотносится именно с этим обобщенным субъектом и не включает субъекта – автора текста. Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что элиминированный субъект мысли коррелирует с обобщенным субъектом, выраженным словом *бацькі*, поскольку смещенный референциальный фокус высказывания выводит адресата в интерпретационную сферу, а читательские усилия по установлению референтных связей могут не совпадать с журналистской интенцией кодирования. Как отмечает А. Стефанович, «утверждения, содержащие указание на неконкретного говорящего или ситуацию, должны быть выведены инференциально из имеющихся данных; это сложно, и существует постоянный риск ошибочной интерпретации» [17, р. 15–16]. Это обусловлено тем, что возможность несовпадения систем информации адресата и адресанта указывает на переменный характер информативности текста, при котором имеют место качественные и количественные различия в степени

⁹Рыбакова Л. В. Категория информативности в прагмалингвистическом аспекте...

и объеме передачи информации [3, с. 29]. Вместе с тем очевидно, что подразумеваемый субъект является неинклюзивным по отношению к автору текста, что проявляется в авторской оценке ошибочности приводимого мнения (*Меркаванне... не больш чым міф*), при помощи которой журналист дистанцирует себя от чужой точки зрения. В данном случае языковая форма высказывания с нереферентным субъектом определяется неаддитивными стратегиями. Их цель состоит в максимизации «инферентных усилий слушающего для достижения некоторого когнитивного состояния, что предполагает создание определенных помех – семантических пропусков, референтных сдвигов, нарушения языковой конвенции» [9, с. 250]. Такая техника построения интервью, предполагающая полемику с подразумеваемым субъектом, от мнения которого журналист дистанцируется, позволяет представить контрастные точки зрения по отношению к мнению эксперта, с позицией которого журналист солидаризируется. Следует отметить, что референциальный механизм субъектной номинации, задействованный в анализируемом примере, способствует снижению степени информативности текста в силу имплицитности и информативной недостаточности для идентификации источника сведений.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Референциальные механизмы субъектных номинаций в белорусско- и англоязычных интервью концентрируются в плане содержания и в плане выражения категории информативности и проявляются в наборе задействованных в тексте типов информации и языковых способах номинации источника сведений. В интервью активированные референциальные механизмы субъектных номинаций способствуют повышению или понижению степени информативности текста. Так, в результате использования референтного субъекта в качестве источника информации в рамках аддитивных стратегий информирования благодаря информативной достаточности она повышается, а при употреблении нереферентного субъекта понижается согласно неаддитивным стратегиям информирования из-за информативной недостаточности.

2. Широкая субъектно-референциальная палитра, присущая информационному жанру интервью, позволяет построить информационно насыщенный текст благодаря субъектно-референциальной плотности, полифонии голосов, а также благодаря употреблению терминов, междискурсивной трансферизации знаний и включению в текст количественных данных. Информационная насыщенность интервью базируется на триаде интердискурсивного взаимодействия *научный дискурс* ← *медийный дискурс* → *обиходно-бытовой дискурс*. Дополнительно в белорусскоязычном интервью содержатся метакомментарии (реплики журналиста). В результате смешения стилевых кодов на базе взаимодействия научного и медийного дискурсов междискурсивный трансфер знаний осуществляется в ходе использования языкового механизма авторизованного пересказа научной концепции (белорусскоязычное интервью) или деавторизованного цитирования (англоязычное интервью). На основе взаимодействия обиходно-бытового (разговорного) и медийного дискурсов происходит трансферизация знаний неспециалистов и демонстрируется разнородность выраженных в тексте точек зрения говорящих субъектов.

3. Переключенная субъектная референция строится на дихотомии представленных в тексте мнений специалистов и неспециалистов и обуславливается когнитивной предопределенностью, противопоставлением научного и бытового представлений. Журналист солидаризируется с экспертным мнением и дистанцируется от точки зрения неспециалистов, что маркируется оценочными вкраплениями. В белорусскоязычном интервью мнение специалистов, вербализованное посредством авторизации, отражает информационно-констатирующий характер, создает прагматический эффект достоверности. Оно может быть верифицировано статусом эксперта, количественными данными или репутацией организации. Между тем точка зрения неспециалистов вводится при помощи механизма деавторизации, подается с оценочными вкраплениями и является интерпретативной. Такой принцип выстраивания полемики позволяет представить позицию эксперта в более информативном и убедительном ключе. В англоязычном интервью корреляции *мнения специалистов – авторизация, мнения неспециалистов – деавторизация* не обнаруживаются, а для выражения мнения как специалистов, так и неспециалистов используется преимущественно деавторизация.

4. Референциальная субъектная соотнесенность способствует глубинно-схематичной связности текста и обеспечивает его когерентность. Кореферентные выражения употребляются в отношении и определенных, и обобщенных субъектов, а применение анафорического местоимения не приводит к референциальному конфликту. В белорусскоязычном интервью мотивационный компонент информирования содержит закадровый подразумеваемый субъект. Он может быть инференциально выведен через последующий контекст, если далее обнаруживается контекстуальный претендент на элиминированный субъект. Однако читательские усилия по установлению референтных связей выводят адресата в интерпретационную сферу и могут не совпадать с журналистской интенцией кодирования.

Библиографические ссылки

1. Grice HP. *Studies in the way of words*. Harvard: Harvard University Press; 1991. 406 p.
2. Horn Ch, Zhila A, Gelbukh A, Kern R, Lex E. Using factual density to measure informativeness of web documents. In: Oepen S, Hagen K, Johannessen JB, editors. *Proceedings of the 19th Nordic conference of computational linguistics (NODALIDA 2013); 2013 May 22–24; Oslo, Norway*. Oslo: Linköping University Electronic Press; 2013. p. 227–238.
3. Дзялошинский ИМ, Пильгун МА. *Медиа́текст: особенности создания и функционирования*. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2011. 377 с.
4. Виноградов СИ. Информационное поле и информационная норма в СМИ. В: Виноградов СИ, Граудина ЛК, Карпинская ЕВ, Козловская ТЛ, Лазуткина ЕМ, Платонова ОВ. *Культура русской речи*. Граудина ЛК, Ширяев ЕН, редакторы. Москва: Инфра-М; 1999. с. 240–252.
5. Драчева ЮН. *Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы* [диссертация]. Вологда: Вологодский государственный университет; 2019. 575 с.
6. Beaugrande RA, Dressler W. *Introduction to text linguistics*. Wien: Longman; 1981. 243 p.
7. Östman JO, Verschueren J. *Discursive pragmatics*. Amsterdam: Philadelphia; 2011. 324 p.
8. Чернявская ВЕ. *Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*. Москва: Либроком; 2009. 248 с.
9. Ирисханова ОК. *Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования*. Москва: Языки славянской культуры; 2014. 320 с.
10. Amaral PM, Schwenter SA. Contrast and the (non-) occurrence of subject pronouns. In: Eddington D, editor. *Selected proceedings of the 7th Hispanic linguistics symposium; 2003 October 16–18; Albuquerque, USA*. Somerville: Cascadilla Proceedings Project; 2005. p. 116–127.
11. Петрова НЮ. *Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте* [диссертация]. Москва: Институт языкознания Российской академии наук; 2017. 528 с.
12. Shams R. *Identification of informativeness in text using natural language stylometry* [dissertation]. Ontario: The University of Western Ontario; 2014. 195 p.
13. Федорова ОВ, Успенская АМ. Экспериментальный анализ дискурса: референциальный выбор в ситуации потенциального референциального конфликта (экспериментальное исследование на материале русского языка). В: Кибрик АЕ, редактор. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог». Выпуск 10; 25–29 мая 2011 г.; Бекасово, Россия*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2011. с. 196–206.
14. Онипенко НК. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса. *Русский язык в научном освещении*. 2001;2:107–121.
15. Wu Zhaohui, Lee Giles C. Measuring term informativeness in context. In: Dyer Ch, Higgins D, editors. *Proceedings of the 2013 Conference of the North American chapter of the Association for Computational Linguistics: human language technologies; 2013 June 9–14; Atlanta, USA*. Atlanta: Association for Computational Linguistics; 2013. p. 259–269.
16. Арутюнова НД. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука; 1988. 338 с.
17. Stefanowitsch A. *Corpus linguistics: a guide to the methodology*. Berlin: Language Science Press; 2020. 510 p.

References

1. Grice HP. *Studies in the way of words*. Harvard: Harvard University Press; 1991. 406 p.
2. Horn Ch, Zhila A, Gelbukh A, Kern R, Lex E. Using factual density to measure informativeness of web documents. In: Oepen S, Hagen K, Johannessen JB, editors. *Proceedings of the 19th Nordic conference of computational linguistics (NODALIDA 2013); 2013 May 22–24; Oslo, Norway*. Oslo: Linköping University Electronic Press; 2013. p. 227–238.
3. Dzyaloshinskii IM, Pil'gun MA. *Mediatekst: osobennosti sozdaniya i funktsionirovaniya* [Mediatext: writing and functioning specifics]. Moscow: Higher School of Economics University; 2011. 377 p. Russian.
4. Vinogradov SI. [Information field and information norm in the media]. In: Vinogradov SI, Graudina LK, Karpinskaya EV, Kozlovskaya TL, Lazutkina EM, Platonova OV. *Kul'tura russkoi rechi* [Culture of Russian speech]. Graudina LK, Shiryayev EN, editors. Moscow: Infra-M; 1999. p. 240–252. Russian.
5. Dracheva YuN. *Mediaobraz lokal'noi ustnoi rechevoi kul'tury: kognitivno-yazykovye mekhanizmy* [Media image of local oral speech culture: cognitive-linguistic mechanisms] [dissertation]. Vologda: Vologda State University; 2019. 575 p. Russian.
6. Beaugrande RA, Dressler W. *Introduction to text linguistics*. Wien: Longman; 1981. 243 p.
7. Östman JO, Verschueren J. *Discursive pragmatics*. Amsterdam: Philadelphia; 2011. 324 p.
8. Chernyavskaya VE. *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text linguistics: polycodeness, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow: Librokom; 2009. 248 p. Russian.
9. Iriskhanova OK. *Igry fokusa v yazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focus games in the language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2014. 320 p. Russian.
10. Amaral PM, Schwenter SA. Contrast and the (non-) occurrence of subject pronouns. In: Eddington D, editor. *Selected proceedings of the 7th Hispanic linguistics symposium; 2003 October 16–18; Albuquerque, USA*. Somerville: Cascadilla Proceedings Project; 2005. p. 116–127.
11. Petrova NYu. *Printsipy i strategii perspektivizatsii v dramaticheskoi tekste* [Principles and strategies of perspectivisation in dramatic text] [dissertation]. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; 2017. 528 p. Russian.
12. Shams R. *Identification of informativeness in text using natural language stylometry* [dissertation]. Ontario: The University of Western Ontario; 2014. 195 p.

13. Fedorova OV, Uspenskaia AM. Experimental analysis of discourse: the impact of a potential referential conflict on the choice of the referring expression (on the material of Russian). In: Kibrik AE, editor. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog». Vypusk 10; 25–29 maya 2011 g.; Bekasovo, Rossiya* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual International conference «Dialogue». Issue 10; 2011 May 25–29; Bekasovo, Russia]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2011. p. 196–206. Russian.
14. Onipenko NK. [The theory of communicative grammar and the problem of the systematic description of the Russian syntax]. *Russian Language in the Linguistic Theory*. 2001;2:107–121. Russian.
15. Wu Zhaohui, Lee Giles C. Measuring term informativeness in context. In: Dyer Ch, Higgins D, editors. *Proceedings of the 2013 Conference of the North American chapter of the Association for Computational Linguistics: human language technologies; 2013 June 9–14; Atlanta, USA*. Atlanta: Association for Computational Linguistics; 2013. p. 259–269.
16. Arutyunova ND. *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* [The types of language meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka; 1988. 338 p. Russian.
17. Stefanowitsch A. *Corpus linguistics: a guide to the methodology*. Berlin: Language Science Press; 2020. 510 p.

Статья поступила в редколлегию 16.11.2022.
Received by editorial board 16.11.2022.

УДК 811.161.1-3 "1900/1930":81'234'42

ТИПЫ И ФУНКЦИИ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЗЕ И. А. БУНИНА

Н. А. МИХАЛЬЧУК¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Исследуется проблема непрямой коммуникации в прозе И. А. Бунина 1900–1930-х гг. Определяется роль не-
прямых высказываний в формировании речевого поведения персонажей. Доказывается, что в речи крестьян
нередко встречаются уклончивые ответы, адресованные помещикам. Они реализуются при помощи специфиче-
ских речевых тактик. Важное место в дискурсах крестьян занимают речевые акты намека, а также сентенционные
реализации коммуникативных намерений, среди которых преобладают не прямые высказывания. Данные типы не-
прямой коммуникации являются универсальными, обращенными к различным адресатам. Речевые акты намека
отражают следование крестьян социальным нормам. Обосновывается, что в речи помещиков часто присутствуют
риторические вопросы, адресованные представителям своего социального класса. Основная функция подобных
вопросов состоит в снижении категоричности высказываний.

Ключевые слова: не прямая коммуникация; уклончивый ответ; намек; сентенционная реализация интенции.

ТЫПЫ І ФУНКЦЫІ НЕПРАМОЙ КАМУНІКАЦЫІ Ў ПРОЗЕ І. А. БУНІНА

Н. А. МІХАЛЬЧУК^{1*}

^{1*}Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова,
вул. Касманаўтаў, 1, 212022, г. Магілёў, Беларусь

Даследуецца праблема непрамой камунікацыі ў прозе І. А. Буніна 1900–1930-х гг. Акрэсліваецца роля не-
прамых выказванняў у фарміраванні маўленчых паводзін персанажаў. Даказваецца, што ў гаворцы сялян нярэд-
ка ўжываюцца невыразныя адказы, адрасаваныя памешчыкам. Яны рэалізуюцца пры дапамозе спецыфічных
маўленчых тактык. Важнае месца ў дыскурсах сялян займаюць маўленчыя акты намёку, а таксама сентэн-
цыйныя рэалізацыі камунікатыўных намераў, сярод якіх пераважаюць непрамыя выказванні. Гэтыя тыпы не-
прамой камунікацыі з’яўляюцца ўніверсальнымі, звернутымі да розных адрасатаў. Маўленчыя акты намёку
адлюстравляюць прытрымліванне сялян сацыяльных норм. Абгрунтаўваецца, што ў гаворцы памешчыкаў часта
прысутнічаюць рытарычныя пытанні, адрасаваныя прадстаўнікам свайго сацыяльнага класа. Асноўная функцыя
гэтых пытанняў заключаецца ў паніжэнні катэгарычнасці выказванняў.

Ключавыя словы: непрамая камунікацыя; невыразны адказ; намёк; сентэнцыйная рэалізацыя інтэнцыі.

Образец цитирования:

Михальчук НА. Типы и функции не прямой коммуникации
в прозе И. А. Бунина. *Журнал Белорусского государствен-
ного университета. Филология.* 2023;1:90–99.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-90-99>

For citation:

Mikhalchuk NA. Types and functions of indirect communica-
tion in prose of I. A. Bunin. *Journal of the Belarusian State
University. Philology.* 2023;1:90–99. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-90-99>

Автор:

Наталья Александровна Михальчук – кандидат филоло-
гических наук, доцент; доцент кафедры общего и славян-
ского языкознания историко-филологического факультета.

Author:

Natalya A. Mikhalchuk, PhD (philology), docent; associate pro-
fessor at the department of general and Slavic linguistics, faculty
of history and philology.
n-mikhalchuk@list.ru

TYPES AND FUNCTIONS OF INDIRECT COMMUNICATION IN PROSE OF I. A. BUNIN

N. A. MIKHALCHUK^a

^a*Mogilev State A. A. Kuleshov University, 1 Kasmanaiŭtaŭ Street, Mahilioŭ 212022, Belarus*

The problem of indirect communication in I. A. Bunin's prose of 1900–1930s is studied. The role of indirect utterances in the formation of characters' speech behaviour is determined. It is proved that in the speech of peasants, evasive answers are common, which are addressed to the landowners and are realised with the help of a number of specific speech tactics. An important place in the discourses of peasants is occupied by speech acts of allusion, as well as sentence realisations of communicative intentions, among which indirect statements predominate. These types of indirect communication are universal, addressed to various recipients. Allusion speech acts in the discourses of peasants reflect their adherence to social norms. It is substantiated that in the speech of landowners, rhetorical questions addressed to representatives of their social class, the main function of the questions is to reduce the categoricalness of statements, are frequent.

Keywords: indirect communication; evasive answer; allusion; sentence realisation of intention.

Введение

При изучении коммуникативного пространства художественного текста особую значимость приобретает проблема речевого поведения персонажа, а также вопрос о персонаже художественного текста как языковой личности.

В. В. Виноградов и Ю. Н. Караулов первыми начали рассматривать персонажа художественного текста в качестве модели языковой личности. Под языковой личностью Ю. Н. Караулов понимал «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [1, с. 3]. Ученый сделал вывод о возможности и закономерности перехода от содержания языковой личности к содержанию художественного образа, в основе которого лежит духовный мир индивидуума [1, с. 71]. По мнению Ю. Н. Караулова, персонаж как языковая личность является носителем «культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [1, с. 22].

Т. Г. Винокур трактовала речевое поведение как совокупность «речевых поступков индивидуумов в предлагаемых обстоятельствах, отражающих специфику языкового существования данного говорящего коллектива в данном общественном устройстве» [2, с. 12]. Эффективная организация речевой коммуникации осуществляется с помощью стратегий и тактик речевого общения. По определению О. С. Иссерс, стратегия речевого общения представляет собой «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [3, с. 54]. Под тактикой речевого поведения лингвист подразумевала одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии речевого общения [3, с. 109–110]. Кроме того, О. С. Иссерс полагала, что стратегический замысел говорящего определяет выбор средств и приемов коммуникации, «следовательно, речевая стратегия и тактика связаны как род и вид» [3, с. 110].

В работах по речевой коммуникации взаимодействие литературных персонажей в основном анализируется с применением двух подходов. В первом случае диалоги героев рассматриваются в качестве протоколов реальных актов речевого взаимодействия, а во втором случае они изучаются в системе координат художественного текста. Наиболее часто используется первый подход. В рамках второго подхода объектом исследования являются не только формы речевой коммуникации, но и специфика отношения к ним писателя. Задачи исследования состоят в том, чтобы определить глубинный смысл произведений путем анализа форм речевой коммуникации, описания идиостилевых особенностей творческой манеры автора.

В последние десятилетия изучение речевого поведения персонажей художественного текста все чаще вызывает исследовательский интерес. Например, А. Д. Степанов проанализировал прозу А. П. Чехова с точки зрения специфики языковых личностей персонажей, особенностей их речевого поведения [4]. В работах [5; 6] были рассмотрены вопросы не прямой коммуникации в русскоязычной прозе В. В. Набокова. Однако немногие русскоязычные произведения (как классические, так и современные) были исследованы в коммуникативно-прагматическом аспекте. Не были выявлены и характерные черты речевой коммуникации в художественном тексте с позиций диахронии.

Принимая определение В. В. Дементьева, мы трактуем непрямую коммуникацию как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся собственно в высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [7, с. 5].

К одной из разновидностей не прямой коммуникации относятся косвенные речевые акты, которые Дж. Р. Серль определяет как случаи использования в целях передачи иллокуции Y высказываний, грамматическая форма которых обычно употребляется для выражения иллокуции X . Например, фраза *Не могли бы вы мне передать сыр?* с точки зрения грамматики представляет собой вопрос, но в рамках коммуникации она используется для выражения вежливой просьбы. Понимание этой фразы как вопроса, т. е. в первичной функции, возможно в определенных контекстах, но в практическом плане это часто не имеет смысла [8].

В последние десятилетия лингвисты неоднократно исследовали различные типы не прямой коммуникации, однако сфера художественной коммуникации нечасто оказывалась в центре их внимания. Так, В. В. Дементьев рассматривал категорию не прямой коммуникации не только как одну из важнейших коммуникативных речевых категорий, но и как первостепенную языковую категорию [7, с. 91]. К основным показателям не прямой коммуникации ученый отнес косвенный способ передачи информации, наличие смысловых лакун (имплицитные смыслы, которые необходимо декодировать и перевести в эксплицитное состояние), непредсказуемость реакций адресата, а также интенциональность реплик говорящего. Лингвист разграничил понятия «имплицитность» и «не прямая коммуникация», а именно рассмотрел имплицитность в качестве одной из составляющих не прямой коммуникации наряду с такими лингвистическими явлениями, как косвенные речевые акты, тропы, иронические высказывания, игра [7, с. 12]. По мнению В. В. Дементьева, в качестве важнейшего свойства не прямой коммуникации как коммуникативной категории выступает апелляция к осложненной интерпретативной деятельности адресата речи.

На материале современной драмы Я. В. Боргер осуществила комплексный анализ речевых актов негативной реакции¹. В основу классификации косвенных речевых актов Э. Э. Паремузашвили, изучавшая речевую агрессию в сфере не прямой коммуникации, положила представления об основных функциях языка, описанных В. В. Виноградовым (общение, сообщение, воздействие)². На материале английского языка Н. И. Власенко исследовала косвенные речевые акты в деловой и частной переписке, подчеркнув ситуативную обусловленность их употребления по классам и подклассам, а также специфику использования косвенных речевых актов-макротекстов³.

В статьях по прагмалингвистике Т. В. Нестерова рассмотрела контекстуально-ситуативные косвенные речевые акты в обиходной сфере общения и предложила их подробную классификацию. Так, лингвист выделила 40 типов контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов с интенцией отказа [9].

В аспекте идиостиля была исследована смыслообразовательная нагрузка косвенных речевых актов, включенных в речь персонажей русскоязычной прозы В. В. Набокова, определены функции четырех наиболее частотных классов косвенных речевых актов. В публикации [5] было указано, что в творчестве В. В. Набокова создан особый социально-психологический тип персонажей, в формировании речевых портретов которых ключевую роль играет не прямая коммуникация. В работе [6] были проанализированы важнейшие стилистические функции не прямых высказываний в прозе В. В. Набокова (создать художественный образ персонажа, реализовать ключевые идеи произведения, выразить не прямую авторскую оценку, имплицитировать сюжетобразующее событие).

Цель данной статьи – выявление типов, функций, преобладающих коммуникативных стратегий и тактик, а также интенциональных значений не прямой коммуникации в прозе И. А. Бунина 1900–1930-х гг. Анализу подлежит группа не прямых высказываний (общее число речевых актов – 160). Изучение косвенных речевых актов проводится в контексте диалога и в нарративном контексте, отражающем реплику в диалоге (типа *он кивнул*). Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки. Для достижения цели исследования использовались метод контекстуального анализа (основной), описательный метод (для характеристики не прямой коммуникации, типов коммуникации и речевых стратегий), а также метод анализа и синтеза (для теоретического обобщения языковых фактов).

¹Боргер Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции: на материале современных драматургических произведений : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Тюмень, 2004. 22 с.

²Паремузашвили Э. Э. Речевая агрессия в не прямой коммуникации: на материале русской классической и современной литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2013. 22 с.

³Власенко Н. И. Косвенные речевые акты в эпистолярном жанре: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. СПб., 1999. 16 с.

Основная часть

В 1900–1930-х гг., которые стали временем определения творческого пути И. А. Бунина, были написаны ключевые повести и рассказы. В прозе И. А. Бунина указанного периода в зависимости от сословной принадлежности персонажей выделяются две группы языковых личностей – помещики и крестьяне.

Начиная с рубежа веков в прозаических произведениях писателя очевидно богаче, разнообразнее и выразительнее становятся коммуникативные характеристики представителей крестьянского сословия. В коммуникативной структуре значимых для этого периода художественных текстов высказываниям данных языковых личностей отводится особое место. Крестьяне чаще, чем помещики, являются носителями речи. Так, в повести «Суходол» 21 % речевых актов (75 примеров) принадлежит помещикам, 79 % речевых актов (277 примеров) – крестьянам, в рассказе «Божье дерево» 17 % речевых актов (58 примеров) принадлежат помещикам, 83 % речевых актов (275 примеров) – крестьянам, в рассказе «Обуза» 28 % речевых актов (29 примеров) принадлежат помещикам, 72 % речевых актов (76 примеров) – крестьянам, в рассказе «Мухи» 11 % речевых актов (4 примера) принадлежат помещикам, 89 % речевых актов (33 примера) – крестьянам, в рассказе «Лапти» 42 % речевых актов (10 примеров) принадлежит помещикам, 58 % речевых актов (14 примеров) – крестьянам и др.

После 1917 г. в творчестве писателя появляются рассказы, построенные в форме диалога («Брань», «Обуза», «Мухи», «В саду», «Божье дерево»). Партнерами по коммуникации в произведениях, как правило, выступают помещик и крестьянин, помещик и мещанин. В рассказах «Обуза», «Божье дерево», «Брань» иницирующие реплики принадлежат барину, а реактивные реплики – мужику, что отражает глубокий интерес писателя к народному мировоззрению и быту. В рассказе «Брань» диалог крестьянина и помещика строится в форме конфронтации, что эксплицирует вывод писателя о невозможности понимания между представителями разных сословий. В рассказах более позднего времени («Обуза», «Мухи», «В саду», «Божье дерево») диалоги между представителями двух социальных классов организуются с соблюдением принципов кооперации и толерантности, предполагают либо согласие, приспособление друг к другу, либо неодобрение, но принятие и понимание. Данная особенность диалогического дискурса в рассказах 1900–1930-х гг. коррелирует с изменениями в мировоззрении писателя.

И. А. Бунин изображает крестьян яркими, неординарными, смелыми, творческими языковыми личностями, владеющими коммуникативной и прагматической компетенцией. В прозе писателя крестьяне используют некатегоричные речевые акты несогласия, отказа и неодобрения, обращенные к помещикам (32 примера), что отражает их стремление к поиску компромисса, кооперации в общении. В качестве способов снижения категоричности несогласия выступают указание на субъективность (акцентирование мнения собеседника) (1), сентенционное несогласие (2–5), использование риторического вопроса (6–7), метафорическое несогласие, на грамматическом уровне выраженное риторическим вопросом (8), употребление контекстуально-ситуативного косвенного речевого акта, сопровождаемого указанием на причину отказа и содержащего обещание выполнить просьбу в будущем (9), употребление косвенного речевого акта, который по форме представляет собой вопрос, а по значению выражает несогласие (10–11).

(1) – Нет, барин, *это только мнение*⁴. Это вам только так кажется по вашему здоровью. А захворали бы не хуже меня, что ж бы вы сделали? Лежали бы себе да лежали. <...> Нет, *это только одно мнение*⁵ [10, т. 4, с. 236–239].

(2) – Все вдвоем-то лучше.

– С лучком! *По могилам вдвоем не лежат* [10, т. 4, с. 228–231].

(3) – ...*Всякая козявка и та смерти боится* [10, т. 4, с. 147–153].

(4) – Так... *Надевай шапку-то.*

– Ничаго, и без шапки постоим. Вы господа, я мужик. *Бог лесу и то не сравнял* [10, т. 5, с. 271–287].

(5) – Да не грузный, а грустный, скучный.

– ...*По чем мне скучать? Скучать не годится. День меркнет ночью, человек печалью* [10, т. 5, с. 271–287].

(6) – ...*Разве они умеют работать? И рады бы, да не умеют* [10, т. 4, с. 228–231].

(7) – ...*А мне она (земля. – Н. М.), может, без надобности? Спросили разве меня?* [10, т. 4, с. 228–231].

(8) – ...*Это что ж – чтоб птица плавала, а рыба летала?* [10, т. 4, с. 228–231].

(9) – Ты кто такой?

Отвечает, ничуть не робея:

– Я-то? Мужик Борода. Чай люблю.

– Можешь одну кражу разгадать?

⁴Полужирный курсив в цитатах наш. – Н. М.

⁵Примеры приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

Схлебывает и этакой скороговоркой:

– *Гадаю, милый, только на тощее сердце. До завтра, до утречка повремени* [10, т. 4, с. 247–253].

(10) – *А нам думается, – сказали мы, пытая его, – ничего на том свете не будет, ни этого рая, ни ада.*

Но тут он не согласился:

– *А как же святые-то в раю живут, если его нету?* [10, т. 5, с. 271–287].

(11) *Я ответил, что на юг, к морю, купаться.*

Он весело изумился:

– *Как купаться? Да вы бы дома-то, в речке?* [10, т. 5, с. 271–287].

Таким образом, благодаря своему врожденному дару общения, деликатности и эмпатии крестьяне интуитивно следуют правилу статусно маркированной коммуникации. В соответствии с данным правилом при реализации интенции, угрожающей лицу адресата, коммуниканту с более низким социальным статусом следует использовать косвенные высказывания по отношению к собеседнику с более высоким социальным статусом [11; 12].

Как правило, лингвисты связывают то, насколько часто не прямые высказывания встречаются в речи языковой личности, с уровнем образованности, интеллектуальными способностями говорящего, рассматривая косвенную коммуникацию как более престижный вид общения по сравнению с прямой коммуникацией [13, с. 120]. Однако в рассказах И. А. Бунина частота использования приемов косвенной коммуникации и степень образованности, уровень интеллекта носителя речи преимущественно не коррелируют. Показательно, что в речи крестьян частотными являются не прямые реализации речевых интенций. Так, например, характеризуя одну из героинь повести «Суходол», И. А. Бунин описывает особенности ее речи, в метакоммуникативном комментарии указывает на то, что в диалогах она прибегает к непрямым высказываниям: *Ответ (Наташи. – Н. М.) далеко не всегда следовал прямой и скорый* [10, т. 3, с. 7–55].

Крестьяне нередко прибегают к стратегии уклонения от ответа на вопрос (21 пример). Отказ выполнить то, о чем просит партнер, противоречит одному из базовых принципов речевого общения – принципу кооперации. Речевой акт отказа реализует интенцию, угрожающую лицу адресата, и предпочтительной, более вежливой является косвенная форма его выражения [9; 11]. В рамках прагматической теории вежливости П. Браун и С. Левинсона предлагается гиперстратегия скрытых ликоугрожающих речевых актов, предполагающая не прямое выражение неблагоприятных для адресатов интенций [11]. Уклончивым ответом мы считаем разновидность косвенного речевого акта (отказа), посредством которого говорящий избегает прямого ответа на заданный вопрос, принимая при этом определенные усилия для сохранения согласия с партнером по коммуникации. Основным признаком уклончивых ответов является их семантическая неопределенность. В работах Е. Г. Задворной [14], В. И. Шляхова, Л. Н. Саакяна и Н. Н. Толстой [15] выделяются различные типы уклончивых ответов.

В результате анализа прозаических произведений И. А. Бунина 1900–1930-х гг. было установлено, что в 86 % случаев крестьяне уклоняются от ответа на вопросы, принадлежащие помещикам. С одной стороны, это отражает коммуникативную компетенцию адресантов сообщений, которая базируется на природной мудрости, смекалке, интуитивном выборе кооперативного варианта речевого поведения. С другой стороны, уклончивые ответы свидетельствуют о дистанцировании от адресатов-помещиков, отказе от приятельского, сближающего этикета в пользу официального этикета. Как правило, вопросы, на которые крестьяне избегают отвечать, либо касаются частной жизни собеседника и (в единичных случаях) третьего лица, либо носят философский характер. В последнем случае адресант просит высказать мнение о смысле жизни, смерти, что дает представление об интересе помещиков и в первую очередь писателя к мировоззрению, системе нравственных ценностей представителей крестьянства.

В прозе И. А. Бунина коммуникативные тактики, с помощью которых в речи крестьян реализуются различные стратегии, отличаются многообразием и подвижностью. Так, стратегия уклонения от ответа на вопросы осуществляется путем тактик использования расхожего выражения для ухода от прямого ответа (12), ссылки на судьбу (13), ссылки на неопределенность осуществления действия (14), шутиливо-уклонения от ответа (15), интерпретации абстрактного, философского вопроса в конкретном, бытовом плане (16), ссылки на чужой ответ на подобный вопрос (17), ссылки на сословное происхождение (18), указания на нежелание обременять собеседника своими проблемами (19), ссылки на то, что адресат не помнит того, о чем его спрашивают (20).

(12) – *Что же ты не спишь до сих пор?*

– *Да авось еще в могиле-с наспимся...* [10, т. 3, с. 7–55].

(13) – *А они отчего рано померли?*

– *Смерть пришла, вот и померли-с* [10, т. 3, с. 7–55].

(14) – *Вы, – говорит, – замуж выходите?*

- *Это, мол, выду ли, нет ли, неизвестно...* [10, т. 3, с. 84–104].
 (15) – *А отчего ты замуж не пошла?*
 – *Да жених не вырос еще.*
 – *Нет, без шуток?* [10, т. 3, с. 7–55].
 (16) – *Яков Демидыч, для чего ты на свете живешь?*
 – *Как для чего? Вот ваш сад караулю* [10, т. 5, с. 271–287].
 (17) – *Значит, не в этом одно дело.*
 – *Стало быть, что нет.*
 – *А в чем же?*
 – *В чем да в чем! Мы вот так-то возили раз с покойником-родителем хлеб с поля, а я и пристань к нему, – что, да как, да зачем, – я тогда еще совсем коростовый был, – а он молчал, молчал, да и говорит наконец: «Вот как пушу тебе, малый, по ушам кнутом, тогда узнаешь, зачем»* [10, т. 5, с. 271–287].
 (18) – *Да в чем, – говорит, – дело-то?*
 – *Мало ли, мол, делов у бедных людей, да какая кому печаль об них?* [10, т. 3, с. 84–104].
 (19) – *...Я даже этим разговором и наскучать вам не хочу* [10, т. 3, с. 84–104].
 (20) *Сестра ласково просила ее:*
 – *Ты уж скажи, нянечка, эти стихи до конца.*
И Наталья смузилась:
 – *Это не стихи-с, а песня... Да я ее и не упомяну-с теперь.*
 – *Неправда, неправда!* [10, т. 3, с. 7–55].

Яркой специфической особенностью речи крестьян в прозе И. А. Бунина 1900–1930-х гг. являются сентенционные реализации речевых интенций (31 пример, из них 23 примера – не прямые высказывания). Как правило, подобные сентенции представляют собой пословицы и поговорки, увлеченным собирателем которых на протяжении многих лет был писатель. В дискурсах крестьян в форме сентенции реализуются интенционные значения сообщения, самохарактеристики (21), неодобрения (22–23), угрозы (24).

- (21) – *...Когда будем помирать, тогда будем горевать* [10, т. 5, с. 271–287].
 (22) – *Уж и несешь ты, девка, и с Дону и с моря!..* [10, т. 4, с. 383–432].
 (23) – *...Ни совести, ни чести, хоть плюй в глаза, все Божья роса* [10, т. 5, с. 287–291].
 (24) – *Молчи, не кудахтай! – крикнула Сонька. – Авось я не ворона, есть оборона!* [10, т. 4, с. 383–432].

Среди сентенций встречаются как прямые реализации речевой интенции (25–30), так и косвенные высказывания (31–36).

- (25) – *...У чужом у краю и с рябой как в раю* [10, т. 5, с. 271–287].
 (26) – *...Двум смертям не бывать, одной не миновать!* [10, т. 2, с. 270–276].
 (27) – *Домок, как у зайца теремок...* [10, т. 5, с. 271–287].
 (28) – *...Що Илья, то и я, що Евсей, то и все* [10, т. 5, с. 271–287].
 (29) – *...Не пьют на небеси, а тут кому ни поднеси* [10, т. 5, с. 271–287].
 (30) – *...Верю, как говорится, только зверю, собаке да ежу, а прочему погожу* [10, т. 5, с. 287–291].
 (31) – *Чужая печка холодна* [10, т. 4, с. 228–231].
 (32) – *...Бог и колосьев не сравнял* [10, т. 5, с. 271–287].
 (33) – *...Бог лесу, и то не сравнял* [10, т. 5, с. 271–287].
 (34) – *...Я, как говорится, божья древо: куды ветер, туда и она...* [10, т. 5, с. 271–287].
 (35) – *...Мая душа прямая, все прямая, и мед, и тот прет* [10, т. 5, с. 271–287].
 (36) – *...День меркнет ночью, человек печалью* [10, т. 5, с. 271–287].

Показательно, что при рассмотрении социального статуса второго участника диалога не было выявлено определенной закономерности: в прозе И. А. Бунина адресатами сентенций крестьян могут являться как представители своего сословия, так и дворяне. На наш взгляд, это свидетельствует об особом сентенционном способе мышления крестьян, который проявляется по отношению ко всем партнерам по коммуникации независимо от их принадлежности к той или иной социальной группе.

Сентенционные реализации речевых интенций выполняют ряд функций: они являются средством речевой характеристики персонажа, выражают наиболее важные ценности автора, позволяют выявить имплицитные смыслы, значимые для понимания произведения. Так, бунинская мысль о невозможности равенства между людьми эксплицируется в репликах Якова Нечаева, героя рассказа «Божье древо» (32–33). Утверждение веры вопреки советскому культу атеизма наблюдается в речевом акте повествователя, стоящем в сильной позиции – начале текста: *Нет, господин, не всяк Бога славит, а Бог себя*

явит [10, т. 4, с. 262–267]. Надпись на поруганном Спасе, представляющая собой сентенцию, помогает выявить непрямо выраженную ключевую мысль произведения о том, что в отказе от веры большевиков, их надругательстве над святынями кроется причина страданий людей. В рассказе «Божье древо» при помощи коммуникативных средств, в первую очередь за счет сентенционных реализаций речевых интенций, создается речевой портрет незаурядной языковой личности – крестьянина Якова Нечаева, человека, наделенного мудростью, смирением и любовью к образному народному слову. Пословицы и поговорки в дискурсе Натальи, героини повести «Суходол», способствуют речевой характеристике человека, почерпнутой своей судьбе: *Куда иголка, туда и нитка, Где родился, там сгодился, С кем поведешься, от того наберешься* [10, т. 3, с. 7–55]. Евсей Бодуля руководствуется надеждой на лучший исход при безразличном и небрежном отношении к жизни: *Авось в остроге не быки, а мужики* [10, т. 3, с. 7–55]. С помощью прямого репрезентатива изображается бездумность Петра Кирилловича, опрометчивость его решений (37).

(37) *И вдруг напал на то, что хотел подумать, и засиял улыбкой:*

– *Да, да: есть старик – убил бы его, нет старика – купил бы его!* [10, т. 3, с. 7–55].

Разнообразно и гибко в коммуникативном отношении реализована в речи крестьян и стратегия намека. В качестве особого типа не прямой коммуникации намеки рассматривали В. В. Дементьев и Т. В. Нестерова. Употребление глагола *намекать* в виде перформатива приводит к иллюзивному самоубийству, вследствие этого намек является одним из видов не прямой коммуникации, косвенным способом выражения смысла. Намек используется в коммуникации в том случае, «когда говорящий не может или не хочет выразить передаваемую информацию буквально» [16, с. 464].

В прозе И. А. Бунина используются как репрезентативный, так и директивный типы намеков. В первом случае намек выступает в качестве способа не прямого информирования. Для осуществления стратегии намека-указания используются тактики не прямого указания на третье лицо (38), собеседника (39) или конкретное событие (40).

(38) *...Является и говорит:*

– *Тебе, говорит, один человек велел кланяться, беспрерывно велел проводить его* [10, т. 3, с. 84–104].

(39) – *Богат, да дурковат, в голове рано смеркается, – бойко ответила Сонька, несколько польщенная.*

– *У меня, может, об другом об ком думки идут...* [10, т. 4, с. 383–432].

(40) – *А чем же ты провинилась?*

– *Да тем и провинилась... Я ведь уже сказывала... Молода-глупа была-с. «Пел на грех, на беду соловей во саду...»* [10, т. 3, с. 7–55].

В примере (38) дается намек-указание на конкретное лицо, а параметром коммуникативной ситуации выступает разговор представителей одного социального класса. Намек организуется сочетанием лексики *один* с именем существительным, причем информацию о конкретном референте читатель получает из контекста. В примере (39) параметром коммуникативной ситуации также является разговор представителей одного сословия. По мнению И. К. Кобозевой и Н. И. Лауфер, намек может использоваться в игровых целях [16]. Целью намека в данном случае является любовная игра. В примере (40) параметром коммуникативной ситуации выступает разговор крестьянки с помещиком. Наталья намекает на свою любовь к барину в молодые годы. Намек осуществляется путем использования цитаты из народной песни, в которой упоминается соловей – значимый концепт в русском и славянском культурном пространстве. Эта птица поет свою лучшую песню в темное время суток – пору любовных свиданий, следовательно, в сознании славян она связывается с отношениями влюбленных.

Во втором случае намек выступает в качестве способа не прямого воздействия. Для осуществления стратегии намека-угрозы используется тактика указания на коннотативную семантику слова (41).

(41) – *Вы барышней числитесь, а я вас волчком могу сделать.*

(*С волчьим билетом, значит.*) [10, т. 3, с. 84–104].

Здесь параметром коммуникативной ситуации выступает разговор представителей одного сословия. Намек-угроза осуществляется за счет использования антитезы, которая создается на базе контекстуально-ситуативных антонимов (*барышня – волчок*), а также реализуется за счет субстантивной лексики *волчок*, употребление которой отсылает к семантической коннотации *с волчьим билетом*.

Для осуществления стратегии намека-манипуляции используются тактики уклонения от ответа при подчеркивании серьезности проблемы (42), псевдопризнания (43).

(42) – *Насть, что ты такая грустная сделалась?*

– *Так, мол, – мало ли у меня горя!* [10, т. 3, с. 84–104].

(43) *...И поскорее перебиваю его, на хитрости пускаюсь:*

– Да нет, – говорю, – вы лучшие скажите, какой сон вы видели? *Про нас что-нибудь?*
Хотела, понятно, приятно ему сказать и так ловко попала. Взял он вдруг эту копилку, вынул ключик из шаровар... [10, т. 3, с. 84–104].

В обоих случаях параметром коммуникативной ситуации выступает разговор крестьянки с помещиком, причем намек используется с манипулятивной целью. В примере (42) в качестве языкового средства осуществления намека употребляется субстантивная лексема *горе* со значением ‘интенсивное эмоциональное состояние, связанное с ощущением утраты, либо высокая степень печали, скорби’. Однако из контекста прозаического произведения становится известно, что Настя не испытывает горя, ей руководит стремление выбраться из бедности. В примере (43) намек на чувства, связывающие людей, содержится в местоименной лексеме *мы*.

Установлено, что в рассказах и повестях И. А. Бунина 1900–1930-х гг. крестьяне делают намеки как представителям своей социальной группы, так и дворянам, что позволяет считать данную форму не прямой коммуникации универсальной, используемой в различных коммуникативных ситуациях по отношению к разным собеседникам. В результате анализа было определено, что в дискурсах крестьян преобладают намеки, связанные с темой чувств, отношений. Нередко встречаются намеки героя на собственную любовь («Митина любовь», «Суходол») или на любовь третьего лица («Хорошая жизнь»). Причиной использования в речи не прямой коммуникации данного типа может служить социальный запрет на прямую манифестацию информации о личной, интимной сфере жизни. Намеки выступают средством речевой характеристики крестьян, показателем их особой деликатности, невозможности экспликации в речи сокровенного чувства.

В речи дворян отмечаются косвенные речевые акты с интенциями несогласия, отказа и неодобрения (20 примеров). Во всех случаях высказывания обращены к представителям своего сословия. По мнению лингвистов, косвенное выражение данных, наиболее сложных в сфере речевого общения, коммуникативных намерений представляет собой прием этикетизации, который помогает гармонизировать взаимодействие собеседников, смягчить реализацию неблагоприятных для адресата интенций [11; 12]. Интенциональные значения несогласия (44–48), отказа (49) и неодобрения (50) могут быть выражены в форме вопроса (44–45, 49), сообщения (46), просьбы (47), сообщения, в состав которого входит фразеологизм (48), макроречевого акта, включающего вопросы и сообщение (50).

(44) – ...*Кто же из вас тоже не расписывался в том или ином месте и в той или иной форме?* [10, т. 4, с. 253–258].

(45) – *Ну-у, какая же ты барышня?* [10, т. 3, с. 7–55].

(46) – *Ох, сколь вы привержены к парадоксам, ваше высокопревосходительство...* [10, т. 4, с. 253–258].

(47) – *Но позвольте скромно заметить, что тут есть фамилии и французские, и английские, и русские, и всякие иные прочие* [10, т. 4, с. 253–258].

(48) – *В Новоселки идти. В лавку. Покрасить фуксином не хитрое дело.*

– *Бог с тобой, до Новоселок шесть верст!* [10, т. 4, с. 246–247].

(49) – *А зачем вам нужно знать, кто я, как меня зовут?* [10, т. 4, с. 334–340].

(50) – *Да что с тобой? – сказал хозяин. – Из всей твоей речи мне понравилось только твое замечание о странности такой гостинной беседы. Что с тобой?* [10, т. 4, с. 119–125].

В дискурсах дворян актуализируются риторические вопросы, обращенные к представителям своего социального класса (55 примеров). Риторические вопросы относятся к косвенным речевым актам, представляющим собой диаду *сообщение – вопрос* (с точки зрения формы подобный речевой акт представляет собой вопрос, тогда как по прагматическому значению он является сообщением). В речи помещиков риторические вопросы создают эмфатическую интонацию: эмоциональность, взволнованность речи подчеркивают, с одной стороны, возвышенность героев, а с другой стороны, их оторванность от жизни, склонность к бесплодным мечтам и бесцельным разговорам: *Милый князь, милый Иван Иванович, где-то гниют теперь ваши кости? И где наши общие глупые надежды и радости, наша далекая московская весна?* [10, т. 4, с. 202–208] Подобные иницирующие речевые акты, как правило, являются репликами-стимулами. Их цель состоит не в том, чтобы получить информацию: ответ на вопрос либо заранее известен, либо дать его невозможно, о чем свидетельствует информация, содержащаяся в контексте. Одна из функций риторических вопросов заключается в снижении речевой агрессии, смягчении коммуникативных интенций.

Для иллюстрации данного утверждения следует обратиться к рассказу И. А. Бунина «Последнее свидание». Параметром коммуникативной ситуации выступают встреча героев, которых в юности связывали любовные отношения, после разлуки и разговор между ними. Показательно, что приведенным фрагментам диалога (51–54) предшествует ссора героев.

(51) – Грубо, Андрюша... А теперь я жалкая институтская таперша, и где же!.. <...> **Разве я не могла бы и теперь еще найти человека, который дал бы мне покой, семью и любил и уважал бы меня?** Но память о нашей любви...

Стрешнев закурил и стал отвечать медленно:

– Вера, мы, дворянское отродье, не умеем просто любить. Это отравя для нас. И это я, а не ты, загубил себя [10, т. 3, с. 212–218].

(52) Папироска потухла. Он далеко отивырнул ее, уронил руку вдоль тела, глядя в потолок.

– Любовь прадедов, их портреты в овальных рамках с золотой бумажкой вокруг синей... Образ Гурия, Симона и Авива, покровителей наших древних семей... **Кому, как не нам с тобой, назначалось все это?** [10, т. 3, с. 212–218].

(53) Он взглянул на Веру и заговорил резко:

– **Зачем ты ушла – и за кем? – из своего рода, из своего племени?** [10, т. 3, с. 212–218].

(54) – Я о тебе с восторгом, с благоговением, всегда только как о жене думал. **А когда нас свела судьба? И чем ты мне стала? Женой разве?** А была молодость, радость, чистота, темный румянец, батистовая косоворотка... [10, т. 3, с. 212–218].

В примере (51) наблюдаются снижение речевой агрессии, уход от критики собеседника, переход от местоимения *ты* к местоимению *мы*, указание на недостатки дворянского сословия и самокритика. В примере (52) с помощью риторического вопроса передается эмоциональное состояние досады, печали. В примере (53) содержится смягченный упрек, выражаются эмоции обиды, досады, грусти. В примере (54) кроется признание в чувствах, а также констатируются ошибки прошлого, указывается на несправедливость жизни. Оба коммуниканта используют в речи риторические вопросы, употребление которых попеременно ставит их в сильную позицию, заставляет перенимать коммуникативную инициативу и контролировать беседу. Риторические вопросы используются в целях некатегоричного сообщения своей позиции и склонения собеседника к собственной точке зрения. В ходе диалога собеседники постепенно отказываются от упреков и категоричной критики, направленных на партнера по общению, и беседа, несмотря на сложность темы и коммуникативной ситуации, переходит в русло кооперации.

По нашему мнению, в речевой коммуникации персонажей И. А. Бунина отражается двойственность мировоззрения писателя, который одновременно и принимает традиции дворянства, и полемизирует с ними.

Заключение

В рассказах и повестях И. А. Бунина 1900–1930-х гг. коммуникативные характеристики крестьян являются более объемными, богатыми и разнообразными, чем коммуникативные характеристики представителей дворянства.

Писатель с симпатией изображает крестьян как творческих, самобытных языковых личностей. В их речи наибольшим разнообразием отличаются коммуникативные тактики, при помощи которых реализуются стратегии намека и уклонения от ответа. Уклончивые ответы крестьян представляют собой реакцию на вопросы помещиков и отражают их стремление как к кооперации в общении, так и к дистанцированной коммуникации. В речи крестьян частотны не прямые высказывания, при помощи которых реализуются неблагоприятные коммуникативные намерения (несогласие, отказ и неодобрение). Данные речевые акты адресуются дворянам, что свидетельствует об интуитивном соблюдении крестьянами правил статусно маркированного общения. Кроме того, в дискурсах крестьян важную роль играют сентенционные реализации речевых интенций, среди которых преобладают не прямые высказывания. При помощи сентенций выражаются такие коммуникативные намерения, как сообщение, самохарактеристика, неодобрение и угроза. Основные функции данных высказываний состоят в том, чтобы охарактеризовать героя и выразить значимые в системе ценностей писателя идеи, имплицитные смыслы, без понимания которых текст не может быть интерпретирован. Также регулярно обнаруживаются как репрезентативные, так и директивные намеки, что отражает следование крестьян социальным нормам. В намеках актуализируются местоименные и субстантивные лексемы. В речи крестьян социальная роль адресатов как намеков, так и сентенций является различной.

В дискурсах помещиков нередко встречаются не прямые реализации интенций несогласия, отказа и неодобрения. Высказывания дворян адресуются представителям своего социального класса и отличаются следованием этикету. Высокой частотностью характеризуются риторические вопросы, отражающие как устремленность к гармонии в общении, так и иррациональность речевого поведения. В дискурсах помещиков отражаются социальная двойственность мировоззрения писателя, его амбивалентное отношение к дворянству.

Библиографические ссылки

1. Караулов ЮН. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Либроком; 2014. 261 с.
2. Винокур ТГ. *Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения*. Москва: Ленанд; 2017. 171 с.
3. Иссерс ОС. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва: Ленанд; 2015. 299 с.
4. Степанов АД. *Проблемы коммуникации у Чехова*. Москва: Языки славянской культуры; 2005. 396 с.
5. Михальчук НА. Функции косвенных речевых актов в произведениях В. В. Набокова. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2017;2:78–85.
6. Михальчук НА. Косвенные речевые акты как средство создания художественного образа в произведениях Владимира Набокова. *Русский язык за рубежом*. 2017;5:57–63.
7. Дементьев ВВ. *Непрямая коммуникация*. Москва: Гнозис; 2006. 374 с.
8. Серль ДжР. Косвенные речевые акты. В: Городецкий БЮ, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов*. Москва: Прогресс; 1986. с. 195–223.
9. Нестерова Т. В. Манипулятивные реализации интенции отказа в обиходном общении русских. *Русский язык за рубежом*. 2010;2:57–65.
10. Бунин ИА. *Полное собрание сочинений: в 13 томах*. Москва: Воскресенье; 2006. 13 томов.
11. Brown P, Levinson SC. Universals in language usage: politeness phenomena. In: Goody E, editor. *Questions and politeness: strategies in social interaction*. New York: Cambridge University Press; 1978. p. 56–311.
12. Карасик ВИ. *Язык социального статуса*. Москва: Гнозис; 2002. 333 с.
13. Богданов ВВ. *Речевое общение: прагматические и семантические аспекты*. Ленинград: Ленинградский государственный университет; 1990. 88 с.
14. Задворная ЕГ. Речевые тактики уклонения в повседневном межличностном общении. В: Харитончик ЗА, редактор. *Языковые значения. Выпуск 2*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2002. с. 22–39.
15. Шляхов ВИ, Саакян ЛН, Толстова НН. *Иносказания в русском речевом взаимодействии*. Москва: Русский язык; 2014. 192 с.
16. Кобозева ИМ. Об одном способе косвенного информирования. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1988;47(5):462–472.

References

1. Karaulov YuN. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Librokom; 2014. 261 p. Russian.
2. Vinokur TG. *Govoryashchii i slushayushchii: varianty rechevogo povedeniya* [Speaking and listening: variants of speech behaviour]. Moscow: Lenand; 2017. 171 p. Russian.
3. Issers OS. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: Lenand; 2015. 299 p. Russian.
4. Stepanov AD. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Problems of communication in Chekhov]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2005. 396 p. Russian.
5. Mikhalechuk NA. Functions of the indirect speech acts in V. V. Nabokov's works. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2017;2:78–85. Russian.
6. Mikhalechuk NA. Indirect speech acts as the means of creating the artistic image in Vladimir Nabokov's works. *Russkii yazyk za rubezhom*. 2017;5:57–63. Russian.
7. Dement'ev VV. *Nepriamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow: Gnozis; 2006. 374 p. Russian.
8. Serl' DzhR. [Indirect speech acts]. In: Gorodetskii BYu, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts]. Moscow: Progress; 1986. p. 195–223. Russian.
9. Nesterova TV. Manipulative implementations with the intention of refusal in the Russian everyday communication. *Russkii yazyk za rubezhom*. 2010;2:57–65. Russian.
10. Bunin IA. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [Complete works: in 13 volumes]. Moscow: Voskresen'ye; 2006. 13 volumes. Russian.
11. Brown P, Levinson SC. Universals in language usage: politeness phenomena. In: Goody E, editor. *Questions and politeness: strategies in social interaction*. New York: Cambridge University Press; 1978. p. 56–311.
12. Karasik VI. *Yazyk sotsial'nogo statusa* [The language of social status]. Moscow: Gnozis; 2002. 333 p. Russian.
13. Bogdanov VV. *Rechevoe obshchenie: pragmaticheskie i semanticheskie aspekty* [Speech communication: pragmatic and semantic aspects]. Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi universitet; 1990. 88 p. Russian.
14. Zadornaya EG. [Speech tactics of avoidance in everyday interpersonal communication]. In: Kharitonchik ZA, editor. *Yazykovye znacheniya. Vypusk 2* [Language meanings. Issue 2]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2002. p. 22–39. Russian.
15. Shlyakhov VI, Saakyan LN, Tolstova NN. *Inoskazaniya v russkom rechevom vzaimodeistvii* [Allegories in Russian speech interaction]. Moscow: Russkii yazyk; 2014. 192 p. Russian.
16. Kobozeva IM. [On one way of indirect informing]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1988;47(5):462–472. Russian.

Статья поступила в редколлегию 16.11.2022.
Received by editorial board 16.11.2022.

СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕТРОСПЕКЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ В. В. ГНИЛОМЁДОВА

В. П. ДИГАДЮК¹⁾

¹⁾Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина,
ул. Студенческая, 28, 247760, г. Мозырь, Беларусь

Представлены результаты исследования категории ретроспекции на материале художественной прозы В. В. Гниломёдова. Определены особенности ее типобразования на основе способа введения ретроспективного плана в сюжет произведения. Выявлены приемы репрезентации композиционно-текстовой ретроспекции (номинация ретроспективных событий, информационное дополнение фактов, сопоставление и сравнение событий, непосредственная актуализация прошлых событий, формирование причинно-следственных связей). Квалифицированы и систематизированы маркеры категории времени, к которым относятся лексические единицы времени, формы причастий, типы сложноподчиненных предложений, конструкции с синтаксической неполнотой и эллипсисом, присоединительные конструкции, интертекстуальные включения. Представлены пространственно-временная композиция художественных произведений автора и маркеры актуализации сюжетно-текстовой ретроспекции (лексемы с ретроспективной семантикой и со значением времени). Особенности репрезентации сюжетно-текстовой ретроспекции являются реализация событий в одном временном пространстве с ретроспективными экскурсами, наличие основной ретроспективной сюжетной линии в рамках базового времени, ретроспективная взаимозависимость между романами-трилогиями. Актуальность данной темы обусловлена ее принадлежностью к такому современному направлению филологии, как лингвистика текста, а также необходимостью комплексного анализа категории ретроспекции в белорусском языкознании. Результаты работы могут быть использованы при изучении проблем дифференциации и интерпретации категорий художественного текста.

Ключевые слова: категория ретроспекции; темпоральность; форма дисконтинуума; художественное время; композиционно-текстовая ретроспекция; сюжетно-текстовая ретроспекция; языковые средства.

СТРУКТУРНА-СЭНСАВАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ РЭТРАСПЕКЦЫІ Ў МАСТАЦКАЙ ПРОЗЕ У. В. ГНІЛАМЁДАВА

В. П. ДЗІГАДЗЮК^{1*}

^{1*}Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна,
вул. Студэнцкая, 28, 247760, г. Мазырь, Беларусь

Прадстаўлены вынікі даследавання катэгорыі рэтрэспекцыі на матэрыяле мастацкай прозы У. В. Гніламёдава. Вызначаны асаблівасці яе тыпаўтварэння на аснове спосабу ўвядзення рэтрэспектыўнага плана ў сюжэт твора. Выяўлены прыёмы рэпрэзентацыі кампазіцыйна-тэкставай рэтрэспекцыі (намінацыя рэтрэспектыўных падзей, інфармацыйнае дапаўненне фактаў, супастаўленне і параўнанне падзей, прамая актуалізацыя мінулых падзей, фарміраванне прычынна-выніковых адносін). Кваліфікаваны і сістэматызаваны маркеры катэгорыі часу, што ўключаюць лексічныя адзінкі часу, формы дзееспрыметнікаў, віды складаных сказаў, канструкцыі з сінтаксічнай

Образец цитирования:

Дзігадзюк В.П. Структурна-сэнсавая арганізацыя рэтрэспекцыі ў мастацкай прозе У. В. Гніламёдава. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2023;1:100–108.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-100-108>

For citation:

Digadyuk VP. Structural and semantic organisation of retrospection in the prose of V. V. Gnilomedov. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;1:100–108. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-100-108>

Автор:

Валентина Павловна Дигадыук – преподаватель кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков филологического факультета.

Author:

Valentsina P. Digadyuk, lecturer at the department of foreign languages and methods of teaching of foreign languages, faculty of philology.
valya.digadyuk@mail.ru

непаўнотой і эліпсісам, далучальным канструкцыям, інтэртэкставым ўключэнні. Прадстаўлены кампазіцыя часавай прасторы мастацкіх твораў аўтара і маркёры актуалізацыі сюжэтна-тэкставай рэтраспекцыі (лексемы з рэтраспектыўнай семантыкай і са значэннем часу). Асаблівасцямі рэпрэзентацыі сюжэтна-тэкставай рэтраспекцыі з'яўляюцца рэалізацыя падзей у адной часавай прасторы з рэтраспектыўнымі экскурсамі, наяўнасць асноўнай рэтраспектыўнай сюжэтнай лініі ўнутры базіснага часу, рэтраспектыўная ўзаемаабумоўленасць паміж раманамі-трылогіямі. Актуальнасць гэтай тэмы абумоўлена прыналежнасцю яе да такога сучаснага напрамку філалогіі, як лінгвістыка тэксту, а таксама неабходнасцю комплекснага і ўсебаковага аналізу катэгорыі рэтраспекцыі ў беларускім мовазнаўстве. Вынікі працы могуць быць выкарыстаны пры вывучэнні праблем дыферэнцыяцыі і інтэрпрэтацыі катэгорыі мастацкага тэксту.

Ключавыя словы: катэгорыя рэтраспекцыі; тэмпаральнасць; форма дыскантынуума; мастацкі час; кампазіцыйна-тэкставая рэтраспекцыя; сюжэтна-тэкставая рэтраспекцыя; моўныя сродкі.

STRUCTURAL AND SEMANTIC ORGANISATION OF RETROSPECTION IN THE PROSE OF V. V. GNILOMEDOV

V. P. DIGADYUK^a

^a*Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
28 Studenckaja Street, Mazyr 247760, Belarus*

The article presents the results of a study of the category of retrospection based on the material of V. V. Gnilomedov's fiction. The features of its typification are determined based on the method of introducing a retrospective plan into the plot of the work. The methods of representation of compositional-textual retrospection are revealed, such as nomination of retrospective events, information addition of facts, comparison of events, method of direct actualisation of past events, cause-and-effect relations. Markers of the category of time are qualified and systematised, including lexical units of time, forms of participles, types of complex sentences, connective constructions, constructions with syntactic incompleteness and ellipsis, intertext inclusions. The peculiarity of the representation of textual plot retrospection is the realisation of events in the same time space with retrospective excursions, the presence of the main retrospective storyline within the base time, as well as the retrospective interdependence between the novels-trilogies. The relevance of this topic is due to its belonging to the modern direction – the linguistics of the text, as well as the need for a comprehensive analysis of the category of retrospection in Belarusian linguistics. The results of the work done can be used in studying the problems of differentiation and interpretation of categories of literary text.

Keywords: category of retrospection; temporality; form of discontinuum; fiction time; compositional and textual retrospection; text plot retrospection; linguistic means.

Уводзіны

Праблема тэкставых катэгорыяў, спосабаў іх рэалізацыі з улікам жанру і віду тэксту актыўна вывучаецца на працягу апошніх дзесяцігоддзяў. Даследаванні катэгорыі мастацкага твора на аснове метадалагічных прынцыпаў розных напрамкаў і школ унеслі значны ўклад у распрацоўку пытання пра катэгорыі праспекцыі і рэтраспекцыі.

Асноўнымі прынцыпамі структурных метадаў і прыёмаў з'яўляюцца сістэмнасць, структурнасць і іманентнасць, аднак тэндэнцыя да ўпарадкавання тэкставых катэгорыяў дазволіла трансфармаваць названую тэарэтычную базу ў метадалогію мадэлявання часавых адносін у мастацкім тэксце [1; 2], выявіць структурную парадыгму значэнняў часу [3; 4] і пабудаваць асацыятыўны рад спосабаў і сродкаў рэпрэзентацыі праспекцыі і рэтраспекцыі [5].

У парадыгме дадзенай тэорыі былі выяўлены характэрныя рысы мастацкага часу (мнагамернасць, рознаакіраванасць, бесперапыннасць і дыскрэтнасць, суб'ектыўнасць, нелінейнасць), што істотна адрознівае яго ад граматычнага часу [6–8]. Акрамя таго, мадэляванне мастацкага часу абумоўлена сюжэтна-кампазіцыйнымі асаблівасцямі твора, а таксама наяўнасцю розных часавых вымярэнняў. Так, на думку Н. С. Валгінай, «...катэгорыя часу ў мастацкім тэксце ўскладнена двухпланаваасцю – часам апавядання і часам падзеі. Таму часавыя зрухі цалкам заканамерныя»¹ [6, с. 138].

¹Тут і далей пераклад наш. – В. Д.

Тэарэтычная база катэгарыяльна-сэнсавага падыходу да вывучэння тэксту грунтавалася на вызначэнні тэкставых катэгорый рознага парадку, атаясамліванні граматычных катэгорый і катэгорый мастацкага тэксту [9–11]. Напрыклад, З. Я. Тураева разглядае катэгорыю мастацкага часу як аб’яднанне некалькіх часавых сістэм (аб’ектыўны час, суб’ектыўны час аўтара, чытача, эстэтычны і граматычны час) [12].

Аднак І. Р. Гальперын пад граматычным аспектам разумее абагульняльны клас форм, які выражае пэўнае граматычнае паняцце. Праспекцыя і рэтраспекцыя разглядаюцца як формы дыскантынуума, што праяўляюцца ў якасці «“перадыху” ў бегу лінейнага разгортвання тэксту» і выконваюць кампазіцыйную функцыю [11, с. 105]. Іншай думкі прытрымліваецца Ю. М. Глушкова, якая вылучае праспекцыю і рэтраспекцыю як самастойныя тэкставыя катэгорыі [13]. Між тым Л. М. Фёдарова сцвярджае, што тэкставая катэгорыя рэтраспекцыі не толькі выконвае інфармацыйную функцыю, але і ў некаторых выпадках з’яўляецца асноўнай лініяй апавядання [14]. Звычайна такая рэтраспектыўная прастора характэрна для твораў-успамінаў (напрыклад, для рамана У. В. Гніламёдава «Уліс з Прускі» [15]). Назіранні паказваюць, што ні адзін мастацкі твор не абыходзіцца без рэтраспектыўных адсылак.

Тэарэтычныя асновы семантычнага лінгвістычнага напрамку складаюцца з такіх паняццяў, як экспліцытная і імпліцытная маркіроўка праспекцыі і рэтраспекцыі, план выражэння і план зместу праспектыўнай і рэтраспектыўнай прасторы. У рамках семантычнай школы пытанне пра катэгорыю часу даследавалася на глыбінным і паверхневым узроўнях. У выражэнні дадзеных аспектаў некаторыя навукоўцы (Л. М. Фёдарова [14], Н. У. Брускова [16], Я. А. Чыгоўская-Назарава [17]) адрозніваюць кампазіцыйна-тэкставую (затэкставую) і адсылачную (унутрытэкставую) рэтраспекцыю адносна пазіцыі падзеі ў мастацкім творы. Глыбінны (сэнсава-змястоўны) узровень адлюстроўвае кампазіцыйна-тэкставую рэтраспекцыю, пад якой маецца на ўвазе частка рэтраспектыўнага тэксту, што выводзіць чытача за межы асноўнага плана зместу тэкстаў. Іншымі словамі, гэты ўзровень складаецца з даных, якія раней не былі заяўлены (змястоўна-фактуальная інфармацыя), аднак яны ўплываюць на змястоўна-канцэптуальную інфармацыю. У сувязі з гэтым можа назірацца перапляценне двух відаў рэтраспекцыі.

На паверхневым (кампазіцыйна-структурным) узроўні разглядаецца адсылачная рэтраспекцыя, або рэтраспектыўная спасылка, якая дзейнічае ўнутры сюжэта паралельна з развіццём апавядання, служыць для пераакцэнтацыі раней дадзенай інфармацыі і набывае першараднае значэнне [17].

Нягледзячы на тое што айчыныя мовазнаўцы прысвяцілі значную колькасць навуковых прац даследаванню катэгорыі рэтраспекцыі, вынікі аналізу гэтай катэгорыі носяць фрагментарны характар. У адзінкавых публікацыях, заснаваных на вывучэнні беларускамоўнага матэрыялу, асветлены толькі асобныя аспекты катэгорыі рэтраспекцыі ў мастацкім творы (часавы кантынуум [18; 19], прыёмы рэтраспекцыі [20], метадалагічныя прынцыпы праспекцыі і рэтраспекцыі ў прозе У. В. Гніламёдава і сістэматызацыі сродкаў рэпрэзентацыі катэгорыі [21]).

Проза У. В. Гніламёдава выклікае цікавасць у даследчыкаў мовы мастацкага твора. Так, на сённяшні дзень была даследавана тэма этнічных стэрэатыпаў рускіх у рамана «Расія» [22], прааналізаваны вобраз беларуса ў рамана «Уліс з Прускі» [23], а таксама вылучаны жанрава-стылёвыя характарыстыкі твораў пісьменніка [24]. Аднак катэгорыя рэтраспекцыі ў прозе У. В. Гніламёдава практычна не вывучалася, таму падобнае даследаванне паўстае новым і актуальным. Цыкл раманаў «Уліс з Прускі» [15], «Расія» [25], «Вяртанне» [26], «Вайна» [27], «Пасля вайны» [28] прысвечаны апісанню быту, жыццёвых выпрабаванняў, якія выпалі на долю жыхароў Заходняй Беларусі ў пачатку і сярэдзіне XX ст. Складаная арганізацыя часовай прасторы гэтых тэкстаў прыводзіць да неабходнасці яе кваліфікацыі, класіфікацыі і сістэматызацыі.

Як бачна, катэгорыя рэтраспекцыі актыўна даследавалася ў сучасным мовазнаўстве, аднак застаюцца пытанні, якія патрабуюць больш грунтоўнага іх вывучэння. У сувязі з гэтым мэты артыкула – вызначэнне тыпаў рэтраспекцыі, выяўленне прыёмаў і маркёраў рэтраспектыўнага плана ў творах У. В. Гніламёдава.

Вынікі і іх абмеркаванне

Для вызначэння тыпаў рэтраспекцыі ўпершыню былі выкарыстаны метадалагічныя прынцыпы лінгвістыкі тэксту, а таксама прааналізаваны сюжэтна-кампазіцыйныя асаблівасці мастацкага твора. На аснове гэтых параметраў была вылучана кампазіцыйна-тэкставая і сюжэтна-тэкставая рэтраспекцыя.

Кваліфікацыйным параметрам упарадкавання катэгорыі рэтраспекцыі ў прозе У. В. Гніламёдава выступаюць яе шырокі рэпрэзентатыўны дыяпазон і сюжэтна-кампазіцыйныя асаблівасці твораў пісьменніка, што дазваляе выдзеліць адпаведныя тыпы, прыёмы і маркёры катэгорыі рэтраспекцыі.

Асаблівасцю кампазіцыйна-тэкставай рэтраспекцыі з’яўляецца пазасюжэтны спосаб увядзення рэтраспектыўнай інфармацыі. З улікам аднакампанентнага складу кампазіцыйна-тэкставай рэтраспекцыі і спецыфікі маркіроўкі былі акрэслены прыёмы яе рэпрэзентацыі (намінацыя рэтраспектыўных падзей, інфармацыйнае дапаўненне фактаў, супастаўленне і параўнанне падзей, прамая актуалізацыя мінулых

падзей, фарміраванне прычынна-выніковых адносін). Кампазіцыйна-тэкставая рэтраспекцыя будзеца з дапамогай экспліцытных і імпліцытных сродкаў у межах слова, словазлучэння, сказа, складанага сінтаксічнага цэлага.

Інфармацыйна-дапаўняльная рэтраспекцыя ўводзіцца ў сюжэт твора як дадатковая інфармацыя з мінулага, якая ўдакладняе рэтраспектыўны час, маркіраваны базавымі сродкамі. Рэпрэзентацыя інфармацыйна-дапаўняльнай рэтраспекцыі ажыццяўляецца з дапамогай моўных сродкаў розных узроўняў.

Найбольш пашыранымі маркёрамі кампазіцыйна-тэкставай рэтраспекцыі выступаюць прыслоўі часу: *Настаўнік тлумачыў: «Гэта цэлая гісторыя. **Некалі**² быў тут дужы народ – яцвягі. Пабілі яго крыжакі. Мы толькі невялічкі асколак, што застаўся ад гэтых людзей»*³ [15, с. 29].

Да моўных сродкаў рэпрэзентацыі рэтраспекцыі адносіцца часціца *бывала* (другі раз, раней, здаралася так), якая паказвае нерэгулярнасць дзеянняў, што паўтараюцца ў мінулым: *У жыцці, праўда, асабліва ў такім, як у яго, усялякае бывае. **Бывала** і ў яго, здараліся нават казусы. Вось як нядаўна. Каб хто іншы сказаў – не паверыў бы* [25, с. 21]. У такіх структурах часам назіраецца ўзмацненне рэтраспектыўнай семантыкі часціцы лексічнымі адзінкамі часу ў *маладосці, у старасці*, якія таксама суадносяцца з дзеяннямі ў мінулым.

Змена часовай паслядоўнасці падзей можа экспліцытна маркіравацца з дапамогай дзеепрыметніка прошлага часу з паясняльнымі словамі: *У гародчыку цвілі познія кветкі – вяргіні, **пасаджаныя Марылай*** [15, с. 8].

Структурная арганізацыя рэтраспектыўных частак з'яўляецца разнастайнай. Значна пашырана рэалізацыя рэтраспектыўнай прасторы ў структуры складаных сказаў розных тыпаў, напрыклад у складаназалежным сказе з даданай азначальнай часткай: *Глянуў у бок саду. Здзічэлі, мусіць, тыя дзве яблыні і грушка, **што садзілі некалі з дзедам Кірылам*** [25, с. 4].

Рэтраспектыўны план можа маркіравацца з дапамогай сінтаксічнага далучэння, пры гэтым структуры, што ўказваюць на тэмпаральны план, могуць размяшчацца як у далучальнай, так і далучаемай частцы: *У дзвярах стаяў Павал Гальяш. Яго пухлы хлапечы твар свяціўся радаснай усмешкай. Сябрукі як-ніяк. **У прускаўскай школе разам вучыліся*** [15, с. 36].

У якасці маркёраў рэтраспектыўнай прасторы шырока ўжываюцца структурна-сінтаксічныя мадыфікацыі. Да іх адносяцца няпоўныя («А я [Лявонка] думаў, што, можа, не прыйдзе...» – «Дурненькі... Хіба я [Ганна] магла? Чакала, пакуль пойдзе [Трахім]. Пайшоў некуды ў карты гуляць. **У карчму, пэўна...**» [26, с. 48]), эліптычныя (*Штрыкман прысеў на зэдлік і пакруціў галавой: «Бач, пабралі аховоту любіцца. **Калі б такое раней**, дык маглі б і каменнямі пабіць»* [15, с. 31]) канструкцыі. Сэнсавае выдзяленне экспліцытна выражаных акалічнасцей часу дазваляе праецыраваць падзеі ў мінулае.

Цікавымі падаюцца факты маркіроўкі рэтраспектыўнага плана з дапамогай інтэртэкставых уключэнняў, якія структурна аформлены як устаўныя канструкцыі (*Усе, апроч дзяўчат, па чарзе выцілі па кілішку за вяртанне і сталі закусваць капустай з грыбамі (**Тоня з Фядоркай улетку назбіралі, маці – насушыла**)* [26, с. 8]) або як пераказ чужога тэксту (*У цыганоў такое здараецца спрадвеку. Піхта **стаў казаць яе гісторыю. Аднойчы ноччу знянацку**, калі яна ішла з вёскі да сваіх, на яе накінуліся, схавілі і павезлі, і яна вымушана была выйсці замуж за чужога цыгана. Сам барон гэта ўхваліў: загадваў голас прыроды, бо ў табары ўсе перарадніліся і трэба была свежая кроў* [15, с. 89]). Гэтыя лексічныя адзінкі экспліцытна падводзяць да пераходу ў рэтраспектыўны план.

Зрэдку рэтраспектыўная прастора можа фарміравацца на аснове супастаўлення падзей, рэпрэзентацыя якіх ажыццяўляецца з дапамогай лексем *раней – цяпер*: «*Мяняецца, кажу, свет, – паўтарыў Кірыла, – толькі я пакуль што не магу ўцяміць, у які бок... [**Некалі** былі людзі здаровыя – усю зіму хадзілі з голай грудзінай і нічога!] **А цяпер...** Не ўсее вецер павець, а ўжо хворы»*⁴ [15, с. 35]. Пераход у прастору мінулага ажыццяўляецца на аснове супастаўлення зместу канструкцыі, выражанай мастацкім цяперашнім часам (*А цяпер... Не ўсее вецер павець, а ўжо хворы*), і зместу рэтраспектыўна маркіраванай часткі (*Некалі былі людзі здаровыя...*).

Рэтраспектыўны план на аснове супастаўлення маркіруецца прыслоўямі часу: «*Як там Піліпко? – спытаў Каленік у Пятра. – Ці піша што?» [**«Калісьці пісаў, што самахода хоча купіць, каб на службу ездзіць**], **а цяпер** нешта перастаў пісаць»* [26, с. 75].

Фактычная рэтраспекцыя можа ажыццяўляцца на аснове параўнання падзей. Для рэпрэзентацыі рэтраспектыўнай прасторы параўнання падзей выкарыстоўваюцца розныя лексіка-граматычныя сродкі, напрыклад колькасна-іменныя спалучэнні: *У сенях і ў хаце аднак пахла не так, [**як калісьці**, калі тут жылі яны – Кужалі. Знік водар зёлкаў, якія некалі збірала і сушыла Марыля, развешваючы па сценах]*,

²Паўтлусты курсіў у цытатах наш. – В. Д.

³Прыклады прыводзяцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала.

⁴У артыкуле часткі цытат узяты ў квадратныя дужкі для размежавання кантэкстаў, якія звязаны паміж сабой падзеяй.

замест іх усталяваўся пах кавальскага жалеззя, якое валялася па кутках. Але ўсё тая ж гліняная падлога, даўно не беленая, шэрыя сцены, падбітая дошкамі столь [25, с. 5].

Між тым фактычная рэтраспекцыя прамой актуалізацыі мінулых падзей рэпрэзентуецца з дапамогай лексічных адзінак рэтраспектыўнага значэння з семай 'памяць': *Дзіўны гэты Леў Талстой: граху не байца! Успомніўся раптам Казімір Лышчынскі, які ўкрыўдзіў Бога, і гэта каштавала яму жыцця. А той стары «Катэхізіс» Іасафата? Дзе праўда? Хто мае рацыю?* [15, с. 60].

Экспліцытнымі маркёрамі рэтраспекцыі выступаюць дзеяслоў рэтраспектыўнай семантыкі *помніць* і яго сінонімы *ўспамінаць*, *прыпамінаць*, *напамінаць*, *узгадваць*: *Страшна было і Лявонку. Ён успомніў, як едучы некалі з дзедам Кірылам у Камянец, на Бабіцкай гары іх разам з возам раптам падняло ўверх, да самых сонечных промняў* [15, с. 129].

Неабходна адзначыць, што лексічныя адзінкі рэтраспектыўнага значэння ў большасці размешчаны ў пачатку рэтраспектыўнай структуры: *Часцяком з сумнай, але прыемнай усмешкай успамінаў* [Лявонка], *як маці некалі ў святы перамые кошык картопляў, навывалупвае «вочкі», яшчэ раз перамые – нажом чысціць неяк не выпадала, – патрэ на тарцы, дадасць крыху грэцкай мукі і паробіць аладкі. А потым тыя аладкі на капуснае лісце ды ў печ* [15, с. 187]. Аднак бываюць выпадкі, калі маркёры рэтраспекцыі знаходзяцца ў канцы складанага сінтаксічнага цэлага або фрагмента тэксту: *Успомніўся выпадак з дзяцінства. Нейк ён прынёс Кастантаму кошык свежых грыбоў, якіх назбіраў у Бярэзіне. Грыбы добрыя – адны баравікі ды падасінавікі. Думаў, заплаціць капейчыну якую. Кастанты глянуў на кошык і ажно языком зацмокаў. Але ўголос сказаў: «Песляччо!» Гэтак у Прусцы казалі на старыя, раскіслыя грыбы. <...> Усё гэта ўсплыло ў памяці, калі ён пераступіў парог ураднікавага дома* [15, с. 120].

Такім чынам, фактычная рэтраспекцыя прамой актуалізацыі мінулых падзей рэалізуецца з дапамогай лексічных адзінак, якія сэнсавыя звязаны з прасторай мінулага.

Фактычная каўзальная рэтраспекцыя рэпрэзентуецца на аснове каўзальных адносін. Рэтраспектыўная частка змяшчае прычыну ажыццяўлення або нерэалізацыі дзеянняў, падзей сучаснасці. Маркёрам мінулых падзей у адносінах да папярэдняга выказвання выступаюць прыслоўі часу: *Лявонка стараўся не глядзець на Трахімку, быў злы на яго. Учора вечарам ён пайшоў на луг па дзядзькавага каня і ніяк не мог яго знайсці. Спачатку палічыў, што конь дзядзькі Хведара яшчэ не паспеў прывыкнуць да яго* [15, с. 77]. Рэтраспектыўны план змяшчае прычыну ажыццяўлення падзей папярэдняга выказвання, якое выступае ўмоўнай кропкай адліку.

Каўзальная рэтраспекцыя набывае форму розных відаў складаных сказаў, напрыклад камбінаваных: *Акрамя таго, ён [Кірыла] прыкметна накульгваў на левую нагу: у дзяцінстве паслізнуўся на лёдзе і ўпаў, пасля таго левая нага ў росце крыху адстала ад правай* [15, с. 19]. У пераважнай большасці адсыл у мінулае ажыццяўляецца ўнутры блокаў з бяззлучнікавай сувяззю на аснове прычынна-выніковых адносін: *Пры гасцінцы, побач з царквою, стаяла карчма, і ногі Міхалы неяк самі сабой павялі яго туды. Хоць кажучь, што чужая бяда людзям за вяселле, але раптам што добрае пачуе. Цяпер той карчмы даўно ўжо няма – казакі спалілі яе пры адступленні рускай арміі яшчэ ў чэрвені 1915 года* [15, с. 50].

На ўзроўні складанага сінтаксічнага цэлага маркёрам часовай прасторы мінулага выступае далучэнне. Так, рэтраспекцыя рэалізуецца ў структуры далучальнай канструкцыі, суадноснай з членам сказа: *«У вокнах вазоны з кветкамі – герань. Відаць праз да палавіны замерзлыя шыбы. Цішыня. І Курціка не відно. Не дачакаўся. Столькі часу...»* [26, с. 4].

У творах У. В. Гніламёдава назіраецца сюжэтна-тэкставая рэтраспекцыя. Сутнасць гэтага паняцця заключаецца ў тым, што рэпрэзентацыя рэтраспектыўнай прасторы разглядаецца на ўзроўні тэксту на аснове яго супастаўлення з базісным часам.

Раманы «Валошкі на мяжы», «Вяртанне», «Расія», «Вайна» характарызуюцца лінейным сюжэтам і кампазіцыяй. Іншы раз мастацкі тэкст засноўваецца на апавяданні рэтраспектыўнага характару, гэта значыць асноўная лінія сюжэта звязана з падзеямі мінулага. Пераход у іншую часавую прастору ажыццяўляецца з дапамогай розных лексіка-граматычных сродкаў. Лексічныя адзінкі, якія з'яўляюцца рэтраспектыўнымі паводле сэнсу, выражаюцца экспліцытна і падрыхтоўваюць чытача да змены ў часавым кантэксце. Яскравым прыкладам выступае раман У. В. Гніламёдава «Уліс з Пруска», у якім апавядальнік, пачынаючы твор успамінамі з дзяцінства, ад 3-й асобы знаёміць чытачоў з цэнтральным вобразам-персанажам, Лявонкам: *Чым даўжэй ён жыў, тым часцей успамінаў той выпадак, у самым дзяцінстве, на прускаўскай вуліцы. Тады ён быў яшчэ не Лявоном, а Лявонкам – падлеткам, што нядаўна толькі скончыў вясковую школу. Стаяў канец жніўня, але дрэвы ўжо паспелі пажаўцець, і на зямлю нячутна, па адным, ападала лісце. Ля калодзежа, насупраць старой дзедавай хаты, што знаходзілася якраз пасярэдзіне вёскі, тоўпіліся мужчыны і, як звычайна, пра штосьці гаманілі* [15, с. 1]. Часцей за ўсё такія маркёры з'яўляюцца ініцыятарамі пераходу да асноўнай часткі мастацкага тэксту, якая знаходзіцца ў рэтраспектыўнай прасторы. Разам з тым пры падобных пераходах у мінулае форма асобы апавядання застаецца нязменнай.

Мастацкія творы У. В. Гніламёдава могуць адразу пачынацца з адсылам у мінулую часавую прастору. Часта ў якасці паказчыка рэтраспектыўнага сюжэта выкарыстоўваюцца лексіка-граматычныя адзінкі: *У тое лета пад Прускай час ад часу з'яўляліся нейкія, невядома чые, самалёты* [27, с. 3]; *У тым жа сорак чацвёртым, адразу пасля вызвалення, недзе ў жніўні, невядома адкуль з'явіліся цыганы* [28, с. 4]. Асноўны рэтраспектыўны корпус тэкстаструктур уводзіцца пры дапамозе ўказальных займеннікаў, якія ўскосна накіроўваюць у мінулую прастору.

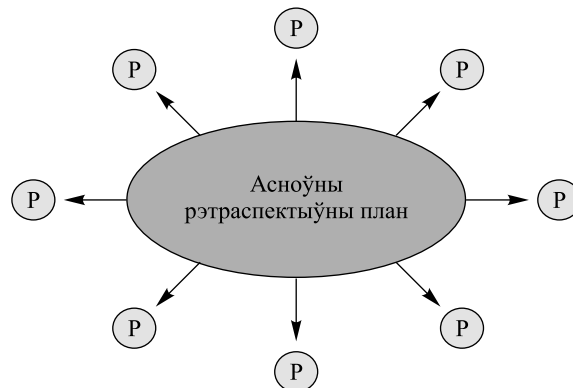
Такім чынам, кампазіцыю часовай прасторы мастацкага твора можна прадставіць графічна. Зачын апавядання вызначаецца ў адной часовай прасторы, а асноўны сюжэт – у іншай, рэтраспектыўнай (мал. 1). Такая тэмпаральная структура твораў характэрна для рамана У. В. Гніламёдава «Уліс з Прускі».

Некаторыя мастацкія творы характарызуюцца адной часовай плоскасцю з мноствам унутраных рэтраспектыўных планаў (мал. 2). Такая арганізацыя часовай тэкставай прасторы назіраецца ў раманах У. В. Гніламёдава «Вайна», «Пасля вайны».

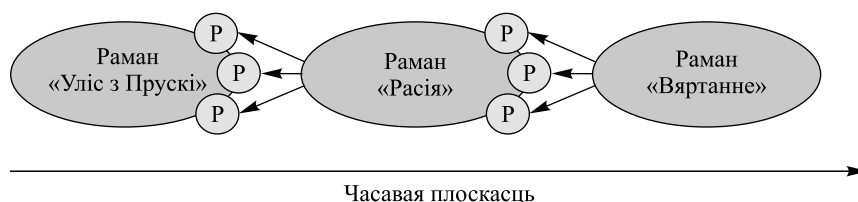
Мал. 1. Кампазіцыйная часавая арганізацыя сюжэта мастацкіх твораў У. В. Гніламёдава

Fig. 1. Compositional temporary organisation of the plot of V. V. Gnilomedov's works

Мал. 2. Часавая прастора з рэтраспектыўнымі экскурсамі ў мастацкіх творах У. В. Гніламёдава (літарай Р пазначана рэтраспекцыя)

Fig. 2. A temporary space with retrospective excursions in V. V. Gnilomedov's works (the letter P denotes a retrospection)

Мал. 3. Арганізацыя сюжэтна-тэкставай рэтраспектыўнай прасторы ў раманах У. В. Гніламёдава (літарай Р пазначана рэтраспекцыя)

Fig. 3. The organisation of the plot-text retrospective space in V. V. Gnilomedov's works (the letter P denotes a retrospection)

Цікавай часавай структурай вызначаюцца творы «Уліс з Прускі», «Расія», «Вяртанне». Гэтыя раманы з’яўляюцца трылогіяй, таму рэтраспектыўныя зрухі паміж імі маюць невыпадковы характар (мал. 3).

Аналіз фактычнага матэрыялу паказаў, што сюжэтна-тэкставая рэтраспекцыя рэалізуе асноўную сюжэтную лінію ў мастацкім творы. Яе рэпрэзентацыя залежыць ад кампазіцыі тэксту, што абумоўлена мэтай аўтара. Рэтраспектыўная прастора асноўнага корпуса тэкстаструктур маркіруецца лексемамі рэтраспектыўнай семантыкі, словамі са значэннем часу. Мастацкая тэмпаральная прастора твораў У. В. Гніламёдава ажыццяўляецца рознымі спосабамі (наяўнасць асноўнага рэтраспектыўнага сюжэта ўнутры базіснага плана, актуалізацыя асноўнага сюжэтнага плана з унутранымі рэтраспектыўнымі спасылкамі, рэалізацыя рэтраспектыўных адсылак паміж творамі, звязанымі адной сюжэтнай лініяй).

Заклучэнне

Была выдзелена кампазіцыйна-тэкставая і сюжэтна-тэкставая рэтраспекцыя. Кампазіцыйна-тэкставая рэтраспекцыя характарызуецца ўвядзеннем новай інфармацыі з часавай прасторы мінулага, якая з’яўляецца складнікам сюжэта мастацкага твора. З улікам аднакампанентнага складу і асаблівасцей маркіроўкі кампазіцыйна-тэкставай рэтраспекцыі былі акрэслены прыёмы яе рэпрэзентацыі (намінацыя рэтраспектыўных падзей, інфармацыйнае дапаўненне фактаў, супастаўленне і параўнанне падзей, прамая актуалізацыя мінулых падзей, фарміраванне прычынна-выніковых адносін). Маркёрамі кампазіцыйна-тэкставай рэтраспекцыі выступаюць лексіка-граматычныя (лексемы са значэннем часу) і марфалагічныя (формы дзеіпрыметнікаў, формаўтваральная часціца *бывала*) сродкі. Структурная арганізацыя кампанентаў кампазіцыйна прадстаўлена складанымі сказаў розных відаў, канструкцыямі з сінтаксічнай непаўнатой і эліпісам, далучальнымі канструкцыямі, інтэртэкставымі ўключэннямі.

Рэпрэзентацыя сюжэтна-тэкставай рэтраспекцыі ажыццяўляецца на ўзроўні кампазіцыі тэксту на аснове яе супастаўлення з базісным часам. Дадзены тып рэтраспекцыі прадстаўляе сабой закончаны ўрыўкі апавядання з уласнымі ўнутранымі часавымі зрухамі. Вызначэнне сюжэтна-тэкставай рэтраспекцыі абумоўлена лінейным тыпам кампазіцыі твораў У. В. Гніламёдава. Моўная рэпрэзентацыя сюжэтна-тэкставай рэтраспекцыі прадстаўлена лексіка-граматычнымі спосабамі і сродкамі: выкарыстаннем лексем з рэтраспектыўнай семантыкай, маркіроўкай пачатку твора лексемамі са значэннем часу (акалічнасцямі, якія выражаны прыслоўямі часу). Акрамя таго, спецыфічнасць праяўляецца ў арганізацыі часавай кампазіцыі твораў: наяўнасці асноўнага рэтраспектыўнага сюжэта ўнутры базіснага плана, актуалізацыі асноўнага рэтраспектыўнага выражанага сюжэтнага плана з унутранымі рэтраспектыўнымі спасылкамі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Николаева ТМ. Единицы языка и теория текста. В: Цивьян ТВ, редактор. *Исследования по структуре текста*. Москва: Наука; 1987. с. 27–57.
2. Ржевская НФ. Изучение проблемы художественного времени в зарубежном литературоведении. *Вестник Московского университета. Филология*. 1969;5(9):87–94.
3. Николина НА. *Филологический анализ текста*. Москва: Академия; 2003. 254 с.
4. Золотова ГА, О니пенко НК, Сидорова МЮ. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 1998. 524 с.
5. Тивьяева ИВ. Роль видо-временных форм глагола в реализации категории ретроспекции в художественном тексте. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2007;2(часть 2):55–60.
6. Валгина НС. *Теория текста*. Москва: Логос; 2003. 278 с.
7. Золотова ГА. Категории времени и вида с точки зрения текста. *Вопросы языкознания*. 2002;3:8–29.
8. Лихачёв ДС. Поэтика древнерусской литературы. В: *Избранные работы в трех томах. Том 1. Развитие русской литературы X–XVII веков. Поэтика древнерусской литературы*. Ленинград: Художественная литература; 1987. с. 260–654.
9. Арнольд ИВ. *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность*. Бухаркин ПЕ, редактор. Москва: Флинта; 2019. 448 с.
10. Воробьёва ОП. *Текстовые категории и фактор адресата*. Киев: Вища школа; 1993. 200 с.
11. Гальперин ИР. Ретроспекция и проспекция в тексте. В: Степанов ГВ, редактор. *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва: Наука; 2016. с. 105–113.
12. Тураева ЗЯ. *Лингвистика текста. Текст: структура и семантика*. Москва: Просвещение; 1986. 126 с.
13. Глушкова ЮН. Категория проспекции в структуре художественного текста. В: Мурашов РЗ, редактор. *Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Часть 2; 23 ноября 1999 г.; Уфа, Россия*. Уфа: Башкирский государственный университет; 1999. с. 48–49.
14. Фёдорова ЛН. Способы формирования ретроспекции в художественном тексте (на материале английского языка). В: Фирсова НМ, редактор. *Функциональные стили и методика обучения иностранным языкам в высшей школе*. Москва: Университет дружбы народов; 1990. с. 119–127.
15. Гніламёдаў УВ. *Уліс з Прускі*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2006. 382 с.

16. Брускова НВ. Лингвистические аспекты ретроспекции и проспекции в художественном тексте (постановка вопроса). В: Москальская ОИ, редактор. *Грамматика и смысловые категории текста. Выпуск 189*. Москва: Московский государственный педагогический институт иностранных языков; 1982. с. 114–132.
17. Чиговская-Назарова ЯА. Категории проспекции и ретроспекции в русских научных текстах. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014;8(часть 1):206–209.
18. Белакурская ЖЯ, Белакурскі ВМ. Часавы кантынуум у семантычнай прасторы эпістэлярнага тэксту (на матэрыяле эпістэлярнай спадчыны Якуба Коласа перыяду Вялікай Айчыннай вайны). У: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. *Мова – літаратура – культура. Матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Частка 1; 28–29 кастрычніка 2010 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2011. с. 92–98.
19. Кірушкіна МІ. Прасторава-часавы кантынуум у мастацкіх творах гістарычнага жанру. В: Бредихина АВ, редактор. *Актуальные проблемы филологии. Выпуск 6*. Гомель: Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины; 2013. с. 27–32.
20. Кавальчук В. Прыём рэтраспекцыі ў аповесці «Жураўліны крык» Васіля Быкава. В: Сенькевич ТВ, редактор. *Классика и современность*. Брест: Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина; 2009. с. 178–180.
21. Дзігадзюк ВП. Катэгорыі праспекцыі і рэтраспекцыі ў прозе У. Гніламёдава. *Веснік МДЛУ. Серыя 1. Філалогія*. 2022; 6:116–124.
22. Елішава ВФ. Этнічныя стэрэатыпы рускіх у рамане У. Гніламёдава «Расія» [Інтернет]. У: Бушук ВВ, редактор. *Образование и наука в Беларуси: актуальные проблемы и перспективы развития в XXI веке. Материалы научно-практической конференции молодых ученых; 21 мая 2010 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка; 2011 [прочитировано 10 ноября 2022 г.]. Доступно по: https://elib.bspu.by/bitstream/doc/44606/1/Этнічныя_стэрэатыпы.pdf.
23. Пасютина ЮН. Лявон Кужаль – Василь Дятел: белорус в романах И. Мележа и В. Гниломёдова. *Studia Humanitatis* [Интернет]. 2020 [прочитировано 10 ноября 2022 г.];3. DOI: 10.24411/2308-8079-2020-00010.
24. Навасельцава ГВ. *Жанр рамана ў беларускай літаратуры другой паловы XX – пачатку XXI стагоддзя*. Віцебск: Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава; 2020. 268 с.
25. Гніламёдаў УВ. *Расія*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2007. 672 с.
26. Гніламёдаў УВ. *Вяртанне*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2008. 429 с.
27. Гніламёдаў УВ. *Вайна*. Мінск: Беларуская навука; 2014. 628 с.
28. Гніламёдаў УВ. *Пасля вайны*. Мінск: Беларуская навука; 2021. 524 с.

References

1. Nikolaeva TM. [Language units and text theory]. In: Tsiv'yan TV, editor. *Issledovaniya po strukture teksta* [Research on text structure]. Moscow: Nauka; 1987. p. 27–57. Russian.
2. Rzhnevskaya NF. [The study of the problem of artistic time in foreign literary studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Filologiya*. 1969;5(9):87–94. Russian.
3. Nikolina NA. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow: Akademiya; 2003. 254 p. Russian.
4. Zolotova GA, Onipenko NK, Sidorova MYu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1998. 524 p. Russian.
5. Tivyayeva IV. The role of tense-aspect forms of the verb in expressing the category of retrospection in literary text. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2007;2(part 2):55–60. Russian.
6. Valgina NS. *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow: Logos; 2003. 278 p. Russian.
7. Zolotova GA. [The categories of time and form from the point of view of the text]. *Voprosy jazykoznanija*. 2002;3:8–29. Russian.
8. Likhachev DS. [Poetics of Old Russian literature]. In: *Izbrannye raboty v trekh tomakh. Tom 1. Razvitie russkoi literatury X–XVII vekov. Poetika drevnerusskoi literatury* [Selected works in three volumes. Volume 1. The development of Russian literature of the 10–17th centuries. Poetics of Old Russian literature]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura; 1987. p. 260–654. Russian.
9. Arnol'd IV. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Bukharkin PE, editor. Moscow: Flinta; 2019. 448 p. Russian.
10. Vorob'eva OP. *Tekstovye kategorii i faktor adresata* [Text categories and the addressee factor]. Kiev: Vyshha shkola; 1993. 200 p. Russian.
11. Gal'perin IR. [Retrospection and prospection in the text]. In: Stepanov GV, editor. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka; 2016. p. 105–113. Russian.
12. Turaeva ZYa. *Lingvistika teksta. Tekst: struktura i semantika* [Text linguistics. Text: structure and semantics]. Moscow: Prosveshchenie; 1986. 126 p. Russian.
13. Glushkova YuP. [The category of prospection in the structure of a literary text]. In: Muryasov RZ, editor. *Aktual'nye problemy sopostavitel'nogo yazykoznanija i mezhkul'turnye kommunikatsii. Materialy mezhr regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chast' 2; 23 noyabrya 1999 g.; Ufa, Rossiya* [Actual problems of comparative linguistics and intercultural communication. Proceedings of the Interregional scientific and practical conference. Part 2; 1999 November 23; Ufa, Russia]. Ufa: Bashkir State University; 1999. p. 48–49. Russian.
14. Fedorova LN. [Functional styles and methods of teaching foreign languages in high school]. In: Firsova NM, editor. *Funktsional'nye stili i metodika obucheniya inostrannym yazykam v vysshei shkole* [Functional styles and methods of teaching foreign languages in higher education]. Moscow: Universitet druzhby narodov; 1990. p. 119–127. Russian.
15. Gnilamjodav UV. *Ulis z Pruski* [Ulis from Pruski]. Minsk: Mastackaja literatura; 2006. 382 p. Belarusian.
16. Bruskova NV. [Linguistic aspects of retrospection and prospection in a literary text (statement of the question)]. In: Moskal'skaja OI, editor. *Grammatika i smyslovye kategorii teksta. Vypusk 189* [Grammar and semantic categories of the text. Issue 189]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut inostrannykh yazykov; 1982. p. 114–132. Russian.

17. Chigovskaya-Nazarova JaA. [Categories of prospection and retrospection in Russian scientific texts]. *Philology. Theory & Practice*. 2014;8(part 1):206–209. Russian.
18. Belakurskaja ZhJa, Belakurski VM. [A time continuum in the semantic space of an epistolary text (based on the material of Yakub Kolas' epistolary text during the Great Patriotic War)]. In: Belarusian State University. *Mova – litaratura – kul'tura. Matjeryjaly VI Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi. Chastka 1; 28–29 kastrychnika 2010 g.; Minsk, Belarus'* [Language – literature – culture. Proceedings of the 6th International scientific conference. Part 1; 2010 October 28–29; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2011. p. 92–98. Belarusian.
19. Kirushkina MI. [The space-time continuum in the works of fiction of the historical genre]. In: Bredihina AV, editor. *Aktual'nye problemy filologii. Vypusk 6* [Actual problems of philology. Issue 6]. Homiel: Francisk Skorina Gomel State University; 2013. p. 27–32. Belarusian.
20. Kaval'chuk V. [The technique of retrospection in the story Crane Cry by Vasil Bykov]. In: Sen'kevich TV, editor. *Klassika i sovremennost'* [Classics and modernity]. Brest: Brest State A. S. Pushkin University; 2009. p. 178–180. Belarusian.
21. Dzigadzyuk VP. [Categories of prospection and retrospection in the prose of V. Gnilomedov]. *MSLU Bulletin. Series 1. Philology*. 2022;6:116–124. Belarusian.
22. Epishava VF. Ethnic stereotypes of Russians in V. Gnilomedov's novel «Russia» [Internet]. In: Bushchik VV, editor. *Obrazovanie i nauka v Belarusi: aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya v XXI veke. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh; 21 maya 2010 g.; Minsk, Belarus'* [Education and science in Belarus: actual problems and prospects of the development in the 21st century. Proceedings of the Scientific and practical conference of young scientists; 2010 May 21; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 2011 [cited 2022 December 10]. Available from: https://elibrary.by/bitstream/doc/44606/1/Этнічныя_стэрэатыпы.pdf. Belarusian.
23. Pasyutina YuN. [Lyavon Kuzhal' – Vasil' Dyatel: the Belarusian in the novels of I. Melezh and V. Gnilomedov]. *Studia Humanitatis* [Internet]. 2020 [cited 2022 December 10];3. Russian. DOI: 10.24411/2308-8079-2020-00010.
24. Navasel'cava GV. *Zhanr ramana w belaruskaj litaratury drugoj palovy XX – pachatku XXI stagoddzja* [The genre of the novel in the Belarusian literature of the second half of the 20th – beginning of the 21st century]. Viciebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masharov; 2020. 268 p. Belarusian.
25. Gnilamjodav UV. *Rasija* [Russia]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2007. 672 p. Belarusian.
26. Gnilamjodav UV. *Vjartanne* [Return]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2008. 429 p. Belarusian.
27. Gnilamjodav UV. *Vajna* [War]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2014. 628 p. Belarusian.
28. Gnilamjodav UV. *Paslja vajny* [After war]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2021. 524 p. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 02.12.2022.
Received by editorial board 02.12.2022.

РЕЦЕНЗИИ

Рэцэнзіі

REVIEWS

Галуза И. Язэп Драздовіч. Языковое и этнографическое наследие: архивные материалы. Минск : Бел. наука, 2022. 677 с. (на белорус.).

Галуза І. Язэп Драздовіч. Моўная і этнаграфічная спадчына: архіўныя матэрыялы. Мінск : Бел. навука, 2022. 677 с.

Galuzha I. Jazep Drazdovich. Linguistic and ethnographic heritage: archival materials. Minsk : Belaruskaja navuka, 2022. 677 p. Belarusian.

У беларускім мовазнаўстве ў апошні час набываюць актуальнасць металексікаграфічныя даследаванні, прысвечаныя тэарэтычнаму вывучэнню лексікаграфіі як слоўнікавай дзейнасці. Прыярытэтнымі задачамі пры гэтым з’яўляюцца аналітычны разгляд гісторыі лексікаграфіі і правядзенне інвентарызацыі нацыянальнай слоўнікавай прадукцыі з мэтай выяўлення вядучых лексікаграфічных тэорый і вызначэння традыцый беларускай нацыянальнай лексікаграфіі на іншаславянскім фоне.

Акрамя сістэматызацыі апублікаваных лексікаграфічных прац, надзвычай важнай і складанай часткай такой работы выступае ўпарадкаванне і выданне твораў, якія на сённяшні дзень захоўваюцца ў рукапісным выглядзе і маюць статус архіўных помнікаў. У Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі распачата выданне серыі прац падобнага кшталту. Так, у 2018 г. на базе архіўных матэрыялаў была падрыхтавана да друку і апублікавана каштоўная, раней не вядомая шырокаму колу даследчыкаў, лексікаграфічная крыніца «Расейска-беларускі слоўнік» А. В. Ярушэвіча, укладальнікам якой выступіла І. У. Галуза, а навуковым рэдактарам – В. М. Курцова. У 2022 г. тая ж укладальнік і рэдактар прэзентавалі навуковай грамадскасці новую кнігу з разгорнутымі

аўтарскімі каментарыямі – зборнік архіўнай спадчыны знакамітага беларускага этнографа пачатку XX ст. «Язэп Драздовіч. Моўная і этнаграфічная спадчына: архіўныя матэрыялы».

Гэта грунтоўнае аб’ёмнае выданне адкрывае дадатковыя грані надзвычай рознабаковай асобы славянскага беларускага адраджэнца Язэпа Нарцыза Драздовіча. Ён вядомы як гісторык, археолаг, этнограф, літаратар, астраном-аматар, мастак, скульптар. У манаграфіі І. Галузы Язэп Драздовіч паўстае перад чытачом чалавекам, які цікавіўся моўнымі пытаннямі, збіральнікам народных моўных скарбаў і даследчыкам, які імкнуўся спрыяць справе нармалізацыі беларускай літаратурнай мовы.

У склад кнігі ўвайшла ўся даступная на сёння лінгва-этнаграфічная спадчына Язэпа Драздовіча з архіваў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа НАН Беларусі і Бібліятэкі імя Урублеўскіх Акадэміі навук Літвы. Выданне складаецца з 13 раздзелаў. Першыя 8 з іх уяўляюць сабой разнастайныя тэрміналагічныя, тэматычныя і агульнамоўныя лексічныя зборы: беларуска-рускі слоўнік тэрміналогіі па анатоміі і фізіялогіі цела чалавека, зборы слоў па тэмах «Батаніка і аграномія», «Геаграфія і геалогія», «Свойскія жывёлы», «Прылюдныя і адлюдныя характары людзей», «Хата і хатняе начынне», «Будоўля хаты. Хатняе начынне», «Астраномія», матэрыялы да краёвых слоўнікаў Дзісеншчыны і Піншчыны, а таксама да поўнага слоўніка беларускай мовы. У асобным раздзеле падаецца невялікі рэгіянальны батанічны слоўнік, падшыты да рукапісных матэрыялаў, які быў складзены У. Павалковічам на базе гаворкі вёскі Рымкі. Да гэтай працы, як можна меркаваць, Язэп Драздовіч меў пэўнае дачыненне (не выключана, што У. Павалковіч збіраў матэрыялы па яго

просьбе, быў яго інфарматарам або суаўтарам). Приведзены пералік дэманструе шырыню лінгвістычных інтарэсаў Язэпа Драздовіча, які не быў прафесійным філолагам, аднак усвядоміў неабходнасць занатоўваць дыялектныя і этнаграфічныя багацці раней за афіцыйнае аб'яўленне адпаведных навуковых ініцыятыў. Напрыклад, слоўнікавую тэрміналагічную працу ён пачаў у 1921 г., калі яшчэ не дзейнічала Навукова-тэрміналагічная камісія.

Каштоўнасць названых рукапісных крыніц, дзе зафіксавана значная колькасць элементаў, якія ўваходзяць у склад жывога народнага маўлення, не падлягае сумненню. У іх прадстаўлена рэгіянальнае лексічнае багацце, найперш лексемы, што прэзентуюць традыцыйную матэрыяльную і духоўную культуру, светапогляд, мараль, этыку, комплекс традыцыйнай працы і іншыя сферы жыцця народа. Сярод іх можна сустрэць цікавыя рэгіянальныя адзінкі (*багук* 'ежа, прыгатаваная з мяса', *галошчыт* 'ледзяная корка на дарогах, дрэвах, стрэхах', *жобвэнык* 'жоўты пясок', *закервашы* 'манжэты', *каныка* 'балотнае акно', *лакно* 'вадзяная лілія', *роскаль* 'пачатак вясны, калі растае снег', *трыбратдзеці* 'траюрадныя браты і сёстры', *цыпіль* 'паўвостраў, створаны звлістай ракой' і інш.), якія дэманструюць рэгіянальную спецыфіку і адметнасць народнай моватворчасці. Варта адзначыць, што лексічныя матэрыялы Язэпа Драздовіча ў асноўным адбіраліся ў межах, як адзначае І. Галуза, «разумна пурыстычнага падыходу», гэта значыць рээстравая частка запісаў фарміравалася пераважна з аўтэнтычных самабытных беларускіх адзінак, а запазычаны адбіраліся ў асноўным з ліку даўніх і трывала адаптаваных беларускай мовай. Пры гэтым словазборы¹ Язэпа Драздовіча хутчэй з'яўляюцца поўнымі, а не дыферэнцыяльнымі і, адпаведна, дэманструюць не нейкі асобны фрагмент лексікі, пры выбары якога цяжка пазбегнуць суб'ектыўнасці, а адлюстроўваюць цэласную рэгіянальную лексічную сістэму.

Асаблівай увагі заслугоўваюць этнаграфічныя малюнкi (раздзел 9), на якіх дэталізаваныя прафесійна выкананыя выявы суправаджаюцца падпісамі з назвамі намаляваных аб'ектаў. Гэта надзвычай каштоўныя матэрыялы, якія, як указвае І. Галуза, фактычна адлюстроўваюць спробу стварэння «тлумачальнага слоўніка, у якім дэфініцыя заменена ілюстрацыяй».

Раздзелы 10 і 11 таксама прадстаўляюць вельмі арыгінальныя, варты ўвагі лінгвістычны матэрыялы: гукаперайманні, устойлівыя выразы (сабраныя на Дзісеншчыне), выклічнікі (сабраныя на Піншчыне). Тут чытач знойдзе адметныя парэміялагічныя адзінкі, афарызмы, народныя параўнанні (*Не бярэцца рыбка за далато; Вышэй пупа не падскочыш; Ду-*

дар ні гаспадар, а стралец не жылец; Бог вясёлых любіць; Ня ўвесь той свет, што ў вакне; Кароценькая як акамёлак; Рукі чорныя ад працы як аралёля; Распых як ваган; Лысы як качан; Вясёлы як у райі), арыгінальныя павер'і (У пятніцу піяньня, а ў нядзелю сьнеданьня дарма ні мінаюць; Казельні у траве расчычаліся – на дождж), праклёны (Каб цябе воўк!), скарагаворкі (Авечычка с касмачком і падкасмачком), загадкі (Сярод сіняга поля залаты сярпок – Маладзік)².

У раздзеле 12 сабраны беларускія народныя песні, запісаныя Язэпам Драздовічам на тэрыторыі Дзісеншчыны і Піншчыны. Гэтыя творы маюць вялікую этнаграфічную і лінгвістычную значнасць, паколькі акумулююць звесткі пра абрадавыя і моўна-дыялектныя асаблівасці адпаведных рэгіёнаў.

Раздзел 13 змяшчае лісты Язэпа Драздовіча, адрасаваныя родным, сябрам, калегам, і некаторыя іншыя яго аўтографы. Іх публікацыя вельмі важная для беларускай гістарыяграфіі, паколькі перапіска з'яўляецца не толькі банкам асабістых даных, сведчаннем пэўных адносін паміж карэспандэнтамі, ілюстрацыяй індывідуальнай манеры пісьма аўтара, але і аўтарытэтной гістарычнай крыніцай, жывым дакументам пэўнай эпохі.

Апублікаваныя ў кнізе матэрыялы сабраны ў двух беларускіх рэгіёнах: на Дзісеншчыне (радзіма Язэпа Драздовіча) і Піншчыне (сюды ён быў камандзіраваны ў 1926 г. Беларускім навуковым таварыствам у Вільні з мэтай збору этнаграфічных даных у рамках праграмы стварэння слоўніка жывой беларускай мовы). Цікава, што пры ўкладанні матэрыялаў, сабраных для слоўніка на Піншчыне, Язэп Драздовіч успрымаў асаблівасці добра вядомай яму дзісенскай гаворкі фактычна як нарматыўныя ўзоры і ў тлумачальнай частцы слоўнікавага артыкула рэгулярна выкарыстоўваў дзісенскія лексемы. Такім чынам, яму ўдалося стварыць арыгінальны двухдыялектны слоўнік.

Паколькі Язэп Драздовіч пры занатоўванні лексем імкнуўся захоўваць асаблівасці мясцовага маўлення, яго запісы прэзентуюць не толькі лексіка-семантычны аспект функцыянавання рэгіянальных слоў, але і ўтрымліваюць звесткі пра мясцовыя фанетыка-марфалагічныя асаблівасці адпаведных гаворак, адлюстроўваюць стан дыялектнага маўлення пэўнага перыяду. Такім чынам, яны маюць вялікае значэнне для гістарычнай дыялекталогіі. Акрамя таго, апрацаваныя дыялектныя матэрыялы могуць папоўніць дыялектны падкорпус Нацыянальнага корпуса беларускай мовы, а таксама электронную картатэку Зводнага слоўніка беларускіх народных гаворак, праца над якім у апошнія гады ідзе ў Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. У гэтым выданні якраз і плануецца аб'яднаць усе даступныя лексікаграфічныя, у тым

¹У рэцэнзіі, як і ў рэцэнзуемым выданні, пры абазначэнні матэрыялаў слоўнікавага тыпу Язэпа Драздовіча ўжываецца лексема «словазбор».

²Цытаты прыводзяцца з захаваннем моўных асаблівасцей арыгінала.

ліку рукапісных архіўных, крыніцы. Паводле звестак І. Галузы, агульны аб'ём падрыхтаваных да друку матэрыялаў Язэпа Драздовіча ўтрымлівае больш за 18,5 тыс. дзісенскіх і пінскіх лексем, а таксама каля 1,7 тыс. устойлівых адзінак розных жанраў. Увядзенне ў навуковы зварот гэтых рарытэтных даных, доступ да якіх без апублікавання быў вельмі абмежаваным, – надзвычай важнае дасягненне беларускай дыялекталогіі і лексікаграфіі, паколькі ўпарадкаванне і сістэматызацыя дыялектных лексічных матэрыялаў з'яўляецца адной з прываттэтных задач не толькі нацыянальнага мовазнаўства, але і славістыкі ўвогуле.

Апрацаваныя і выдадзеныя рукапісы маюць навуковую вартасць і ў галіне беларускага гістарычнага мовазнаўства. У прыватнасці, яны могуць служыць крыніцай пры вывучэнні гісторыі правапісу. У запісах Язэпа Драздовіча адлюстраваліся асаблівасці арфаграфічнай практыкі 1920-х гг., гэта значыць таго перыяду, калі адбывалася актыўнае фарміраванне моўных норм, адпаведна, іх аналіз можа спрыяць усведамленню спецыфікі тагачаснага беларускага нарматыўнага працэсу.

Матэрыялы Язэпа Драздовіча выклікаюць цікавасць у металеўксікаграфічным плане. Яны фактычна знаёмяць чытача з працай лексікографа на важным этапе станаўлення беларускай лексікаграфічнай традыцыі, дэманструюць унікальныя факты з гісторыі нацыянальнай лексікаграфіі. Па іх можна прасачыць, якія прынцыпы прымяняліся пры складанні рэестра словазбораў, якім чынам ажыццяўлялася арганізацыя ўнутранай структуры зборнікаў на макра-, мета- і мікраўзроўнях, датычных адпаведна спосабу сістэматызацыі лексем (строга алфавітны, гнездавы ці ідэаграфічны), сістэмы памет, адсылак і падобных элементаў і непасрэднага змештавага напайнення слоўнікавага артыкула.

Публікацыя рукапіснай спадчыны Язэпа Драздовіча ва ўказаным аб'ёме з'яўляецца каштоўнай сама па сабе. Аднак кніга змяшчае яшчэ і значныя аглядна-аналітычныя фрагменты, прысвечаныя дакументальным матэрыялам. Непасрэднаму слоўнікам збору ў выданні папярэднічае разгорнуты нарыс-прадмова ўкладальніка слоўніка І. Галузы. Даследчыца прыводзіць біяграфічную інфармацыю, атрыбутую рукапісных крыніц, звесткі пра тое, якім чынам гэтыя крыніцы апрацоўваліся, падае цікавыя фатаілюстрацыі. Таксама І. Галуза аб'ектыўна ацэньвае асаблівасці рукапіснага архіва, апісвае цяжкасці сістэматызацыі, верыфікацыі і рэпрэзентацыі картэчных матэрыялаў. Падрабязны каментарый суправаджае таксама кожны асобны раздзел кнігі. У выніку атрымаўся не проста добра апрацава-

ны ў фармальна-тэхнічных адносінах механічны збор рукапісных матэрыялаў, а ґрунтоўнае аналітычнае даследаванне манаграфічнага кшталту.

Вельмі карысным у рэцэнзуемай кнізе з'яўляецца зводны паказальнік лексем са словазбораў Язэпа Драздовіча (хоць як пэўную недапрацоўку можна адзначыць асобныя выпадкі памылковых спасылак, калі ў тэксце лексема адсутнічае на ўказанай у індэксе старонцы).

Падрыхтаваная І. Галузай праца характарызуецца ґрунтоўным падыходам да апрацоўкі рукапіснага матэрыялу. З аднаго боку, у выданні цалкам захава- на не толькі аўтарская канцэпцыя падачы і запісу моўных адзінак, але і выпраўленні, закрэсліванні і іншыя пазнакі Язэпа Драздовіча. З другога боку, пры падрыхтоўцы рукапісу да выдання ўкладальніку давялося правесці і велізарную працу па апрацоўцы архіўнага матэрыялу з мэтай яго ўпарадкавання. Пры гэтым варта ўлічваць, што вялікая частка спадчыны Язэпа Драздовіча – гэта не рукапісы закончаных распрацовак, а чарнавікі. Згаданая акалічнасць істотна ўскладняла выдавецкую задачу, якая заключалася ў тым, каб захаваць рукапісную аўтэнтыку і зрабіць запісы даступнымі. Фактычна І. Галуза сама папрацавала як лексікограф, структуруючы рознага кшталту матэрыялы, прыводзячы іх, наколькі гэта было магчыма, у адпаведнасць з сучаснымі патрабаваннямі, узнаўляючы скарачэнні, паказваючы аўтарскія папраўкі, запаўняючы пэўныя лакуны, дадаючы ў межах разумнай дастатковасці прапушчаныя націскі, граматычныя паметы і проста расчытваючы рукапісны тэкст.

Вынікам гэтай найскладанейшай работы стаў надзвычай цікавы ў лінгвістычных адносінах дакумент, які да таго ж яскрава адлюстроўвае беларускую гісторыю вельмі важнага перыяду сумежжа XIX–XX стст. Кніга І. Галузы «Язэп Драздовіч. Моўная і этнаграфічная спадчына: архіўныя матэрыялы» – гэта ўдалая спроба вярнуць да жыцця тыя факты і даныя, што цэлае стагоддзе былі схаванымі ў архівах, а зараз, пасля адпаведнай апрацоўкі і сістэматызацыі, могуць прэтэндаваць на статус своеасаблівага пісьмовага помніка.

Матэрыялы падобнага зместу з'яўляюцца вельмі запатрабаванымі ў лінгвістыцы. Можна не сумнявацца, што публікацыя, якая робіць важкі ўнёсак у дыялекталогію, лексікалогію, лексікаграфію, тэрмінаграфію, этнаграфію, у вывучэнне гісторыі нацыянальнай навукі, знойдзе прыхільнікаў сярод спецыялістаў як у нашай краіне, так і ўвогуле ў славістычнай супольнасці.

І. А. Гапоненка³

³Ірина Олеговна Гапоненко – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Ірына Алегаўна Гапоненка – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

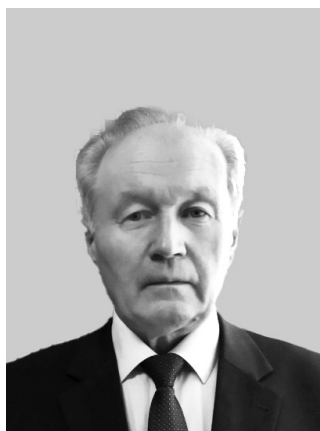
Iryna A. Gaponenko, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: haponienka@bsu.by

ЮБІЛЕІ

ЮБІЛЕІ

JUBILEES

Николай Григорьевич
ПРИГОДИЧ

Мікалай Рыгоравіч
ПРЫГОДЗІЧ

Mikalai Ryhoravich
PRYNODZICH

Пачатак 2023 г. па-асабліваму святочны для доктара філалагічных навук, прафесара, загадчыка кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Мікалая Рыгоравіча Прыгодзіча, які нарадзіўся 1 студзеня і ў гэтым годзе адзначае 70-гадовы юбілей.

Імя гэтага навукоўца трывала ўпісана ў летапіс беларускага мовазнаўства, яго постаць прыметна вылучаецца ў шэрагу найбольш вядомых айчынных філолагаў, а вынікі навуковай і грамадскай дзейнасці М. Р. Прыгодзіча выклікаюць павагу сваёй глыбінёй, аб'ёмам, разнастайнасцю і шматпланавасцю. Усё прафесійнае жыццё Мікалая Рыгоравіча звязана з вывучэннем і выкладаннем беларускай мовы ў БДУ, дзе прайшлі больш за 40 гадоў яго працоўнага жыцця.

Нарадзіўся М. Р. Прыгодзіч у в. Лышча Пінскага раёна Брэсцкай вобласці і іншым разам з гонарам называе сябе і землякоў палешукамі. Яго

словы і ўспаміны пра малую радзіму заўсёды напоўнены самымі цёплымі пачуццямі. Пасля заканчэння ў 1970 г. сярэдняй школы Мікалай Рыгоравіч паступае на філалагічны факультэт БДУ, а ў 1975 г. атрымлівае дыплом па двойной спецыяльнасці «Беларуская мова і літаратура; руская мова і літаратура». Праз нейкі час ён паступае ў аспірантуру БДУ і пад навуковым кіраўніцтвам прафесара Л. М. Шакуна, аднаго з самых вядомых айчынных мовазнаўцаў, піша, а ў 1982 г. паспяхова абараняе кандыдацкую дысертацыю «Складаныя прыметнікі ў старабеларускай мове». Напэўна, не будзе памылкай сказаць, што з гэтай пары ўзнікае асабае стаўленне Мікалая Рыгоравіча да беларускай мовы менавіта старажытнага перыяду – пазней у 1997 г. сумесна з Г. К. Цівановай ён падрыхтаваў і апублікаваў перакладны слоўнік «Старабеларускі лексікон», у 1999 г. разам з У. В. Анічэнкам – зборнік практыкаванняў «Гістарычная граматыка белару-

скай мовы», у якім выкарыстаны багаты матэрыял старажытнага пісьменства. М. Р. Прыгодзіч стаў ініцыятарам увядзення ў сістэму падрыхтоўкі філалагаў-беларусаведаў асобнай вучэбнай дысцыпліны «Беларуская палеаграфія», для якой распрацаваў тыпавую праграму і неабходныя вучэбныя матэрыялы, напісаў шэраг навуковых артыкулаў па гісторыі беларускай мовы і кіраваў некалькімі навукова-даследчымі работамі па розных праграмах навуковых даследаванняў. А сёння ў яго найбліжэйшых творчых планах стварэнне калектыўнай манаграфіі, прысвечанай старабеларускай мове. І, безумоўна, неабходна ўгадаць, што Мікалай Рыгоравіч быў першым і адзіным загадчыкам кафедры гісторыі беларускай мовы філалагічнага факультэта БДУ з 1993 г., калі кафедра была створана, і да часу яе рэарганізацыі ў 2019 г.

Даследаванне, распачатае М. Р. Прыгодзічам у кандыдацкай дысертацыі, атрымала лагічны працяг у наступных навуковых распрацоўках, вынікам якіх сталі манаграфія «Словаскладанне ў беларускай мове» (2000) і доктарская дысертацыя «Словаскладанне ў гісторыі беларускай мовы», паспяхова абароненая 24 кастрычніка 2000 г. Змест манаграфіі і дысертацыі грунтуецца на матэрыяле помнікаў старажытнага пісьменства XIV–XVIII стст., фальклорна-дыялектных запісах XIX–XX стст., лексікаграфічных працах і творах сучаснай беларускай мастацкай, навуковай і афіцыйна-справавой літаратуры. У названых працах праведзена грунтоўнае вывучэнне складання як аднаго са спосабаў словаўтварэння: апісаны і даследаваны яго гісторыя і сучасны стан, словаўтваральная структура і прадуктыўнасць розных словаўтваральных тыпаў і мадэлей кампазітаў у беларускай мове, выяўлены асаблівасці іх лексіка-семантычнага і функцыянальна-стылістычнага выкарыстання.

Аднак словаскладанне стала далёка не адзіным прадметам навуковых даследаванняў: Мікалая Рыгоравіча цікавяць розныя аспекты сучаснай беларускай літаратурнай мовы, лексікалогія і лексікаграфія, тэрміналогія і тэрмінаграфія, словаўтварэнне, беларуская палеаграфія, гісторыя беларускай мовы і гісторыя беларускага мовазнаўства, замежная беларусістыка. Толькі пералік навуковых набыткаў мовазнаўца – а гэта каля 500 работ! – зойме не адзін дзясятка старонак. Сярод найбольш значных яго прац стварэння індывідуальна і ў суаўтарстве манаграфіі «Словаскладанне ў беларускай мове» (2000), «Герман Бідэр як даследчык беларускай мовы» (2007), «Беларуская мова ў працах замежных лінгвістаў» (2010), «Беларуская мова і мовазнаўства: XIX стагоддзе» (2013), «Германізмы ў беларускай мове» (2015); вучэбныя дапаможнікі «Гістарычная граматыка беларускай мовы» (1999), «Беларускае мовазнаўства» (2006), «Беларуская мова. Прафесійная лексіка. Прыродазнаўства» (2015),

«Беларуская мова. Прафесійная лексіка. Сацыяльна-гуманітарныя навукі» (2015), «Беларуская лексікалогія ў даследаваннях і каментарыях» (2018), «Аўтарская неалагізацыя ў беларускай мове» (2021); навукова-папулярнае выданне «Шчодрасць слова» (1990); слоўніковыя і даведніковыя выданні «Асобна, разам, праз дэфіс» (1994), «Старабеларускі лексікон» (1997), «Пішам без памылак: разам, асобна, праз дэфіс» (2002), «Слоўнік сучаснай беларускай мовы» (2009, 2010), «Энцыклапедычны слоўнік рэлігійнай лексікі беларускай мовы» (2013). М. Р. Прыгодзіч прымаў удзел у падрыхтоўцы некалькіх нацыянальных выданняў: Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі, Беларускай энцыклапедыі (у 18 т.), энцыклапедыі «Беларуская мова», «Рэспубліка Беларусь», «Культура Беларусі».

Захапленне Мікалая Рыгоравіча гісторыяй беларускага мовазнаўства з’яўляецца вельмі заканамерным – знаёмства з працамі розных даследчыкаў, іншым разам малавядомымі ці нават зусім невядомымі, абуджае ў яго імкненне падзяліцца гэтымі звесткамі, зрабіць іх агульнанавуковым набыткам. Колькі разоў, калі абмяркоўваліся нейкія працоўныя пытанні, звязаныя з навуковымі даследаваннямі, даводзілася чуць ад яго наступнае: «А гэтую работу вы бачылі? А гэтага даследчыка ведаеце? А вось у яго быў некалі артыкул па вашай тэме». І колькі разоў гэта дапамагала зарыентавацца, атрымаць патрэбныя звесткі, адкрыць для сябе нешта новае, удасканаліць уласную навуковую работу. І колькі разоў узнікала здзіўленне – гэта ж трэба столькі ведаць па самых розных мовазнаўчых праблемах!

М. Р. Прыгодзіч удзельнічае ў нападзенні заснаванай у 2003 г. серыі выданняў «Памяць і слава», у межах якой публікуюцца найбольш значныя працы вядомых навукоўцаў – супрацоўнікаў БДУ і матэрыялы пра іх. Так, у 2016 г. у гэтай серыі выйшла кніга, прысвечаная прафесару Л. М. Шакуну, якая была падрыхтавана намаганнямі супрацоўнікаў кафедры гісторыі беларускай мовы пад кіраўніцтвам М. Р. Прыгодзіча. Цяпер абмяркоўваецца новае выданне гэтай серыі.

Па ініцыятыве Мікалая Рыгоравіча на кафедры гісторыі беларускай мовы (зараз кафедра беларускага мовазнаўства) праходзяць навуковыя канферэнцыі і чытанні, прысвечаныя яе былым супрацоўнікам і мовазнаўцам філалагічнага факультэта (М. А. Жыдовіч (2006), Е. С. Мяцельская (2011), Б. А. Плотнікаў (2015), Л. М. Шаkun (2016), В. П. Красней (2017), Л. А. Антанюк (2019), Л. І. Бурак (2020), І. М. Шчарбакова (2022)), а таксама асобным мовазнаўцам (І. І. Насовіч (2008), А. І. Жураўскі (2009)). Па выніках гэтых навуковых мерапрыемстваў публікуюцца зборнікі матэрыялаў, назвы большасці з якіх традыцыйна пачынаюцца выразам «Беларускае слова...». Так ушаноўваецца памяць і папулярны навуковае спадчына

гэтых мовазнаўцаў, адбываецца далучэнне да яе новых пакаленняў даследчыкаў, пра што Мікалай Рыгоравіч асабліва клапаціцца.

З імем прафесара М. Р. Прыгодзіча звязана і такая арыгінальная з’ява ў сучаснай беларускай філалогіі, як папулярныя і публікацыя прац замежных навукоўцаў, якія займаліся вывучэннем праблем беларускай мовы і літаратуры. Тут, акрамя асобных артыкулаў, трэба ўзгадаць складзеныя Мікалаем Рыгоравічам у суаўтарстве выданне «Герман Бідэр як даследчык беларускай мовы» (2007), манаграфічна-хрэстаматыйнае выданне «Беларуская мова ў працах замежных лінгвістаў» (2010), дзе прадстаўлены беларусістычныя інтарэсы Г. Бідэра, Г. Генчэля, К. Гутшміта, А. Золтана, Л. Пісарэк, Э. Смулковай. Асобнай увагі заслугоўвае заснаваная ў 2020 г. серыя «Замежная беларусістыка». Яе агульная ідэя аформілася пры непасрэдным удзеле прафесара М. Р. Прыгодзіча, які стаў ініцыятарам стварэння, а таксама адным са складальнікаў і галоўным рэдактарам першай кнігі, што змяшчае працы аўстрыйскага даследчыка Г. Бідэра (2021), і трэцяй кнігі з працамі вядомага ўкраінскага беларусіста Р. Піўтарака (2022). Здадзена ў выдавецтва чарговая кніга серыі, прысвечаная венгерскаму беларусісту, даследчыку гісторыі ўсходнеславянскіх моў А. Золтану, і ўжо рыхтуецца новае выданне.

Шматгранны навуковы талент Мікалая Рыгоравіча ў апошнія дзесяцігоддзе раскрыўся праз непакой за стан беларускай мовы ў рэлігійным асяродку. Праблемам упарадкавання, сістэматызацыі і ўнармавання беларускай канфесійнай лексікі навуковец сапраўды аддае шмат часу і сіл, бо лічыць іх надзвычай важнымі для сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Назва аднаго з яго артыкулаў – «Звяртацца да Бога на адзінай літаратурнай мове: што (хто) пераапрацавае» (2019) – яскрава сведчыць пра гэта. У суаўтарстве з В. К. Раманцэвіч і У. М. Завальнюком М. Р. Прыгодзічам былі падрыхтаваны і апублікаваны Слоўнік сучаснай беларускай мовы (2009, 2-е выданне ў 2010 г.), у якім шырока прадстаўлена канфесійная лексіка, Энцыклапедычны слоўнік рэлігійнай лексікі беларускай мовы (2013). Да 500-годдзя выдання першай друкаванай кнігі Бібліі Францыска Скарыны гэты ж калектыў аўтараў пераклаў на сучасную беларускую мову кнігу Псалтыр (2017, 2-е выданне ў 2018 г.).

На працягу амаль сарака гадоў актыўнай навуковай дзейнасці М. Р. Прыгодзіч прымаў удзел у розных праектах міжнароднага і рэспубліканскага ўзроўню, кіраваў асобнымі заданнямі і тэмамі навукова-даследчых работ у дзяржаўных праграмах навуковых даследаванняў і ў Беларускім рэспубліканскім фондзе фундаментальных даследаванняў. У 1990-я гг. у Апольскім універсітэце (Польшча) рэалізоўваўся міжнародны праект «Змены ў сучасных славянскіх мовах. 1945–1995 гг.», ка-

ардынатарам якога быў М. Р. Прыгодзіч. Вынікам гэтага праекта стала выданне асобных манаграфій па ўсіх славянскіх мовах. М. Р. Прыгодзіч выступіў як адзін з рэдактараў тома, прысвечанага беларускай мове, што выйшаў у свет у 1998 г. Яшчэ адзін буйны міжнародны праект, у якім удзельнічаў Мікалай Рыгоравіч («Германізмы ў славянскіх мовах»), на пачатку 2000-х г. выконваўся пад кіраўніцтвам прафесара Альдэнбургскага ўніверсітэта імя Карла фон Асецкага (Германія) Г. Генчэля. Удзельнікамі праекта падрыхтаваны бібліяграфічныя даведнікі па даследаванні германізмаў у розных славянскіх мовах. Напісаная М. Р. Прыгодзічам у суаўтарстве з А. А. Прыгодзіч і Г. Генчэлем (пад рэдакцыяй М. Р. Прыгодзіча) кніга «Германізмы ў беларускай мове» (2015) абагульніла і прадставіла вынікі калектыўнай працы па заяўленай у назве выдання тэме. Своеасаблівым працягам гэтага праекта можна лічыць і новы міжнародны навуковы праект «Германізмы ва ўсходнеславянскіх мовах», у якім разам з іншымі навукоўцамі задзейнічаны Мікалай Рыгоравіч. У Беларускім рэспубліканскім фондзе фундаментальных даследаванняў М. Р. Прыгодзіч у розныя часы кіраваў некалькімі навукова-даследчымі работамі, адна з апошніх – «Беларуская мова ў працах замежных лінгвістаў». Сёння Мікалай Рыгоравіч з’яўляецца кіраўніком задання і асобнай навукова-даследчай работы «Змены ў лексічным складзе беларускай мовы на мяжы II–III тысячагоддзяў у аспекце заходняга і ўсходняга моўнага ўзаемадзеяння» дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг. «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы». Мікалай Рыгоравіч, знаходзячыся ў пастаянным навуковым пошуку і з’яўляючыся вельмі прадуктыўным аўтарам, прыцягвае супрацоўнікаў узначаленай ім кафедры да актыўнай навукова-даследчай дзейнасці – акрамя агульнай навуковай тэмы на кафедры беларускага мовазнаўства распрацоўваюцца тры тэмы ў межах дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў.

Міжнародная навуковая супольнасць знаёма з імем і работамі прафесара М. Р. Прыгодзіча дзякуючы яго ўдзелу не толькі ў розных буйных навуковых праектах, але і ў працы XIII, XV і XVI міжнародных з’ездаў славістаў (2003, 2013, 2018), IV, V і VI міжнародных кангрэсаў беларусістаў (2005, 2010, 2015), а таксама ў шматлікіх навуковых канферэнцыях і сімпозіумах, што праводзіліся ў Беларусі, Венгрыі, Германіі, Польшчы, Расіі, Украіне.

Адзін з аспектаў плённай прафесійнай дзейнасці Мікалая Рыгоравіча звязаны з вучэбна-метадычнай работай. І гаворка не толькі пра тое, што ён з’яўляецца аўтарам цэлага шэрага вучэбных дапаможнікаў, слоўнікаў і даведнікаў, названых вышэй. Вялікую значнасць мае праца М. Р. Прыгодзіча

як прафесара вядучай установы вышэйшай адукацыі краіны ў распрацоўцы адукацыйных стандартаў, складанні тыпавых праграм «Беларуская палеаграфія», «Беларуская мова. Прафесійная лексіка» (у суаўтарстве), «Гісторыя беларускага мовазнаўства» (у суаўтарстве), а таксама тыпавых вучэбных планаў і іншых неабходных для рэалізацыі вучэбнага працэсу дакументаў.

Больш за 40 гадоў выкладання ў БДУ сфарміравалі сур’ёзны выкладчыцкі вопыт. Мікалай Рыгоравіч любіць працаваць са студэнтамі, умее знайсці падыход да рознай аўдыторыі, мае ўласны стыль выкладання – спакойны, размераны, пераканаўчы, іншым разам са шчырымі эмацыянальнымі заўвагамі-разважаннямі. Для яго манеры працы ўласціва павага да кожнага студэнта як асобы, уменне разгледзець тыя схільнасці, якія нават сам студэнт яшчэ не ўсведамляе, скіраваць і падказаць, у які бок рухацца, якім навуковым пошукам заняцца, што пачытаць. Гэта не проста фармальныя словы пра вопытнага выкладчыка і добрага педагога. Іх справядлівасць даказваецца тым, што пад навуковым кіраўніцтвам Мікалая Рыгоравіча абаронена дзевяць кандыдацкіх дысертацый, М. Р. Прыгодзіч – навуковы кансультант трох дактарантаў. Падрыхтоўка кадраў вышэйшай кваліфікацыі – аспірантаў, дактарантаў – паспяхова вядзецца ім і сёння.

Як кампетэнтны і кваліфікаваны спецыяліст, Мікалай Рыгоравіч з’яўляўся старшынёй экспертнага савета па мовазнаўстве Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь з 2006 па 2015 г., членам некалькіх спецыялізаваных саветаў па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый, навуковага семінара па папярэднім экспертызе дысертацый па мовазнаўстве, экспертнага савета па перакладу заканадаўчых актаў пры Нацыянальным цэнтры прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь, Беларускага камітэта славістаў, савета філалагічнага факультэта БДУ, старшынёй арфаграфічнай секцыі Рэспубліканскай тапанімічнай камісіі пры НАН Бе-

ларусі, камісіі па прысуджэнні прэміі імя У. Пічэты па філалогіі і журналістыцы і інш. М. Р. Прыгодзіч уваходзіць у склад рэдакцыйных калегій часопісаў «Роднае слова», «Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія», «Беларуская мова і літаратура ў школе», навуковай рады перыядычнага выдання «Acta Albaruthenica», міжнароднага рэдакцыйнага савета часопіса «Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія» і інш.

У сувязі са 100-годдзем з дня заснавання БДУ за шматгадовую плённую навукова-педагагічную дзейнасць, значны асабісты ўклад у падрыхтоўку высокакваліфікаваных спецыялістаў у канцы 2021 г. прафесар М. Р. Прыгодзіч быў узнагароджаны Падзякай Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь і каштоўным падарункам. Акрамя таго, Мікалай Рыгоравіч узнагароджаны ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга (1986), нагрудным знакам «Выдатнік адукацыі Рэспублікі Беларусь» (2003), Ганаровай граматай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь (2013), ганаровымі граматамі Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь, БДУ і інш. М. Р. Прыгодзіч з’яўляецца заслужаным работнікам БДУ.

Знакаміты прафесар, доктар філалагічных навук, адзін з найбольш аўтарытэтных айчынных мовазнаўцаў, М. Р. Прыгодзіч для супрацоўнікаў кафедры беларускага мовазнаўства найперш клапацілівы кіраўнік, які ўмее падтрымліваць у калектыве спакойную, спрыяльную і спагадлівую атмасферу. Мікалай Рыгоравіч уважлівы і тактоўны ў адносінах з калегамі, ён мае свой падыход да кожнага, пастаянна рупіцца аб прафесійным развіцці і справах калег.

Калегі і вучні віншуюць Мікалая Рыгоравіча і шчыра жадаюць яму здароўя, бадзёрасці, плёну ў працоўнай і навуковай дзейнасці, ажыццяўлення ўсяго запланаванага, а таксама спакою ў душы!

М. І. Свістунова¹

¹Марына Іосифовна Свістунова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Марына Іосіфаўна Свістунова – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Maryna I. Svistunova, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: svistunovami@bsu.by

**Анна Ивановна
КУЛЕШ**

**Ганна Іванаўна
КУЛЕШ**

**Hanna Ivanauna
KULESH**

Веснавымі днямі гэтага года адзначае юбілей выдатны даследчык і цудоўны чалавек – прафесар Ганна Іванаўна Кулеш.

Ганна Іванаўна нарадзілася 13 красавіка ў Оршы (Віцебская вобласць). Тут сям’я апынулася ў пасляваенны час, але неўзабаве бацькі Г. І. Кулеш вярнуліся на радзіму – у Стаўбцоўскі раён Мінскай вобласці.

Пасля заканчэння Стаўбцоўскай сярэдняй школы № 2 Г. І. Кулеш паступіла на філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, які скончыла ў 1977 г., атрымаўшы дыплом з адзнакай па спецыяльнасці «Беларуская мова і літаратура, руская мова і літаратура».

У перыяд з 1979 па 1989 г. Ганна Іванаўна працавала ў Галоўнай рэдакцыі выпуску і перакладаў саюзнай і замежнай інфармацыі Беларускага тэлеграфнага агенцтва (БелТА).

У 1989 г. Г. І. Кулеш абірае навукова-педагагічны кірунак дзейнасці і паступае на філалагічны факультэт БДУ ў аспірантуру. За гады навучання ў аспірантуры пад кіраўніцтвам прафесара Л. М. Шакуна ёю была падрыхтавана і ў 1992 г. паспяхова абаронена кандыдацкая дысертацыя «Шляхі і спосабы папаўнення грамадска-палітычнай лексікі на сучасным этапе».

У гэтым жа годзе перспектыўная і таленавітая даследчыца пачала выкладчыцкую дзейнасць на філалагічным факультэце БДУ: са снежня 1992 г. Ганна Іванаўна працавала выкладчыкам кафедры беларускай мовы, пазней яна змяніла кафедру, і ў 1993 г. заняла пасаду выкладчыка, у 1994 г. – дацэнта, а ў 2017 г. – прафесара кафедры гісторыі беларускай мовы (з 2019 г. кафедра беларускага мовазнаўства).

Асноўнай сферай навуковых інтарэсаў Г. І. Кулеш доўгі час былі праблемы фарміравання лексікі беларускай мовы (асабліва ў няпростых і вы-

значальных 1920–30-я гг.), пытанні гістарычнай і сучаснай лексікалогіі і лексікаграфіі. Значную навуковую ўвагу Ганна Іванаўна ўдзяляла таксама пытанням культуры беларускага маўлення, вынікам чаго стала цэлая серыя публікацый у часопісе «Роднае слова» ў пачатку 2000-х гг. У коле навуковых пошукаў Г. І. Кулеш былі і застаюцца розныя аспекты гісторыі беларускай літаратурнай мовы, што звязана са шматгадовым выкладаннем ёю студэнтам філолагам аднаіменнай вучэбнай дысцыпліны.

Г. І. Кулеш – аўтар і суаўтар многіх грунтоўных выданняў: манаграфіі «Беларуская мова і мовазнаўства: XIX стагоддзе» (2013), дапаможнікаў «Асаблівасці беларускага словаўжывання» (2003), «Беларуская мова. Прафесійная лексіка. Сацыяльна-гуманітарныя дысцыпліны» (2015), «Культура прафесійнага маўлення юрыста» (2019), хрэстаматыі ў дзвюх частках для студэнтаў філалагічных спецыяльнасцей «Гісторыя беларускага мовазнаўства (1918–1941)» (2005, 2008), электроннага вучэбна-метадычнага комплексу «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы» (2019), хрэстаматыі «Гісторыя беларускай мовы» (2022).

Прадметам увагі Г. І. Кулеш былі праблемы навучання не толькі ў вышэйшай, але і ў агульнаадукацыйнай школе. У суаўтарстве ёю створаны наступныя вучэбна-метадычныя дапаможнікі для абітурыентаў: «Беларуская мова. Тэставыя заданні» (2004), «Рэпетытар па беларускай мове: фанетыка, арфаэпія і правапіс» (2008), «Рэпетытар па беларускай мове. Марфалогія і правапіс» (2009), «Рэпетытар па беларускай мове. Сінтаксіс і пунктуацыя» (2010), «Рэпетытар па беларускай мове. Лексікалогія. Фразеалогія. Словаўтварэнне» (2012). Для школ з беларускай мовай навучання выдавецтвам «Народная асвета» выпушчаны зроблены Г. І. Кулеш пераклады на беларускую мову вучэбных дапаможнікаў «Біялогія» для 6-га (2009),

7-га (2010), 8-га (2010), 10-га (2009) класаў, «Чалавек і свет» для 6-га класа (2010).

З цягам часу Ганна Іванаўна пачала сур'ёзна вывучаць пытанні выкарыстання беларускай мовы ў юрыдычнай сферы, гісторыю беларускамоўнага заканадаўства, асаблівасці і спецыфіку мовы заканадаўчых тэкстаў. Гэта праблематыка ўсебакова прадстаўлена ў шматлікіх публікацыях. Абагульненнем даследавання названага праблемнага поля стала манаграфія «Мова беларускага заканадаўства XX стагоддзя: генезіс і эвалюцыя» (2015) і доктарская дысертацыя «Фарміраванне і развіццё мовы беларускага заканадаўства XX – пачатку XXI ст. (на матэрыяле беларускамоўных заканадаўчых тэкстаў)» (навуковы кансультант – прафесар М. Р. Прыгодзіч), бліскуча абароненая 27 верасня 2016 г.

Распрацоўку тэмы доктарскага даследавання Г. І. Кулеш працягвае ў навукова-даследчай рабоце «Беларуская тэрміналогія права: тэорыя і практыка лексікаграфічнага апісання» ў рамках дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг. «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы».

Цікавасць да мовы юрыспрудэнцыі сярод іншага звязана са шматгадовай выкладчыцкай працай на юрыдычным факультэце БДУ, дзе Ганна Іванаўна ўдзельнічае ў фарміраванні маўленчай культуры будучых юрыстаў. Акрамя гэтага, яна праводзіць заняткі ў Інстытуце перападрыхтоўкі і павышэння кваліфікацыі суддзяў, работнікаў пракуратуры, судаў і ўстаноў юстыцыі БДУ.

Г. І. Кулеш заўсёды была і застаецца актыўным удзельнікам міжнародных і рэспубліканскіх навуковых канферэнцый і чытанняў. Яе імя шырока вядома ў айчынным і замежным мовазнаўчым асяроддзі.

За гады плённай працы Ганнай Іванаўнай напісана каля 170 навуковых і навукова-метадычных

работ, падрыхтаваны 3 магістры і 2 кандыдаты філалагічных навук.

Прафесіяналізм, дасведчанасць, педагагічнае майстэрства Г. І. Кулеш высока цэніць кіраўніцтва БДУ: у 2003 г. яна атрымала Грамату БДУ, у 2008 і 2011 гг. – Ганаровую грамату БДУ, у 2021 г. – падзяку рэктара і нагрудны знак «100 гадоў БДУ». 28 кастрычніка 2022 г. Ганна Іванаўна была ўзнагароджана памятным знакам «У гонар 100-годдзя Інстытута беларускай культуры» за плённае супрацоўніцтва з Інстытутам мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ў галіне папулярызацыі беларускай мовы і за намаганні па дасягненні парытэту беларускай і рускай моў у юрыдычнай сферы.

Не менш высока за прафесійныя і чалавечыя якасці Ганну Іванаўну любяць і паважаюць калегі, вучні і студэнты. Аўтару гэтых радкоў пашчасціла вучыцца і рабіць першыя крокі ў навучы пад мудрым і ўважлівым кіраўніцтвам Ганны Іванаўны. Яна ўмела спалучае ў педагагічнай працы неабходную патрабавальнасць і настойлівасць з мяккасцю і далікатнасцю. Ганна Іванаўна ніколі не абмяжоўваецца пратакольнымі абавязкамі навуковага кіраўніка, яе падтрымка і дапамога адчуваюцца заўсёды. У асобе Г. І. Кулеш спалучаюцца надзвычай адказны, дысцыплінаваны, прынцыповы вучоны і сціплы, спагадлівы, тактоўны чалавек. Яна заўсёды праяўляе добразычлівасць і ўважлівасць у працы са студэнтамі, але ў той жа час цвёрда трымаецца прынцыпаў прафесійнай этыкі, сумленна захоўвае выкладчыцкую рэпутацыю.

Шчыра віншваем шануюную Ганну Іванаўну з юбілеем! Жадаем здароўя, бадзёрасці, новых прафесійных дасягненняў, асабістага шчасця!

А. В. Губкіна¹

¹Елена Васильевна Губкина – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Алена Васільеўна Губкіна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Elena V. Gubkina, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: palvas@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АННТАЦЫІ ДЭПАЊІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 811.112.2'276.6:33(075.8)

Арсентьева М. Ф. Иностранный язык (первый) (профессиональная терминология) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-26 02 02 «Менеджмент (по направлениям)» / М. Ф. Арсентьева ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 245 с. : табл. Библиогр.: с. 233. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/287720>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.10.2022, № 009317102022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) представляет собой учебно-методическое обеспечение по немецкому языку для подготовки к осуществлению профессионального иноязычного общения студентов 3-го курса факультета международных отношений БГУ по специальности 1-26 02 02 «Менеджмент (по направлениям)». ЭУМК включает теоретический раздел, в котором представлены современные методы преподавания иностранного языка, глоссарий по изучаемым устным темам. Практический раздел содержит примеры упражнений и заданий по всем видам речевой деятельности. В раздел контроля знаний включены образцы творческих и эвристических заданий и заданий для текущей аттестации. Вспомогательный раздел содержит фрагмент учебной программы по дисциплине и список рекомендуемой литературы.

Рекомендуется для аудиторной и внеаудиторной работы студентов-экономистов.

УДК 811.111(075.8)¶

Иностранный язык. Модуль «Английский для профессиональных целей» [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право» / Е. С. Пристром [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 218 с. : ил. Библиогр.: с. 191–192. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/289426>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 18.11.2022, № 010418112022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык» предназначен для студентов специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право». ЭУМК включает аннотированный перечень рекомендуемых учебных пособий по дисциплине, учебные материалы для проведения практических занятий, а также задания для самостоятельной работы, в том числе на образовательном портале БГУ. Представлены тематический словарь, вопросы для самоконтроля, образцы заданий для текущего и промежуточного контроля, методические рекомендации по организации самостоятельной работы.

УДК 821(100).09(091)(082)¶

Шаблоўскія чытанні [Электронны рэсурс] : зб. навук. арт. студэнтаў, магістрантаў і аспірантаў каф.за-меж. літ. БДУ (Мінск, 17–21 снеж. 2021 г.) / БДУ ; [рэдкал.: М. С. Каржэўская (гал. рэд.) і інш.]. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2022. Вып. 1. 198 с. Бібліягр. у тэксе. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/290860>. Загал. з экрана. Деп. в БДУ 15.12.2022, № 012515122022.

У зборнік увайшлі лепшыя даклады, прадстаўленыя на I чытаннях, прысвечаных памяці Ірыны Вікенцьеўны Шаблоўскай (1939–2004), прафесара, загадчыцы кафедры замежнай літаратуры БДУ, выбітнага педагога і чалавека.

Адрасуецца студэнтам, магістрантам, аспірантам і шырокаму колу чытачоў.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Ідеі. Поіскі. Рэшэння [Электронны ресурс] : сб. ст. и тез. XVI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2022 г.) : в 6 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. Т. 1. 267 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/290971>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 19.12.2022, № 012619122022.

В сборнике статей и тезисов XVI Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 1 содержит материалы проблемного поля «Языки в статике и динамике».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Ідеі. Поіскі. Рэшэння [Электронны ресурс] : сб. ст. и тез. XVI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2022 г.) : в 6 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. Т. 2. 96 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/290974>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 19.12.2022, № 012719122022.

В сборнике статей и тезисов XVI Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 2 содержит материалы проблемного поля «Современные технологии обучения иностранным языкам».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Ідеі. Поіскі. Рэшэння [Электронны ресурс] : сб. ст. и тез. XVI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2022 г.) : в 6 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. Т. 3. 86 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/290982>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 19.12.2022, № 012819122022.

В сборнике статей и тезисов XVI Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 3 содержит материалы проблемного поля «Проблемы художественного и научно-технического перевода».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Ідеі. Поіскі. Рэшэння [Электронны ресурс] : сб. ст. и тез. XVI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2022 г.) : в 6 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. Т. 4. 72 с. Библиогр.

в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/290985>. Деп. в БГУ 19.12.2022. Загл. с экрана, № 012919122022.

В сборнике статей и тезисов XVI Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 4 содержит материалы проблемного поля «Язык и литература».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XVI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2022 г.) : в 6 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. Т. 5. 78 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/290986>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 19.12.2022, № 013019122022.

В сборнике статей и тезисов XVI Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 5 содержит материалы проблемного поля «Проблемы современной высшей школы».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс] : сб. ст. и тез. XVI Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (Минск, 22 нояб. 2022 г.) : в 6 т. / БГУ ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. Т. 6. 65 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/290990>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 19.12.2022, № 013119122022.

В сборнике статей и тезисов XVI Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том 6 содержит материалы проблемного поля «Общение на языках языка общения».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

УДК 821(100).09(06)

Juventus in litteratura [Электронный ресурс] : материалы 79-й науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов БГУ (Минск, 11 мая 2022 г.) / БГУ ; [под ред. М. С. Коржевской]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 155 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/291561>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.01.2023, № 000509012023.

В сборник вошли материалы лучших докладов 79-й научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов БГУ, представленные в работе секций кафедры зарубежной литературы, а также статьи, специально подготовленные для сборника.

Адресуется студентам, магистрантам и аспирантам.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Третьяк З. И.</i> Воплощение событий Первой мировой войны в белорусской поэзии 1920–30-х гг. ...	5
<i>Камлюк-Ярошенко Л. В.</i> Инклюзия как стратегия авторского дискурса (на материале книги М. К. Пархоц «Аутилиус: сказки для детей и взрослых»)	13

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Макаревич А. В.</i> Устаревшая лексика и особенности ее дифференциации в словарях современного белорусского литературного языка	21
<i>Петрачкова И. М.</i> Интерпретация ономапоэтической лексики в постмодернистской драме М. Ю. Угарова «Голуби»	32
<i>Голубева В. К.</i> О синтаксической деривации в области устойчивых сочетаний	43
<i>Бобко Т. В.</i> Народная лингвистика и социолингвистика: представления о языковой ситуации в русско- и белорусскоязычной интернет-коммуникации	59
<i>Жупинская А. В.</i> Модели развития диалога с элементами вторжения в личное коммуникативное пространство собеседника	69
<i>Басовец И. М.</i> Взаимосвязь категории информативности и механизмов субъектной референции в белорусско- и англоязычном интервью	80
<i>Михальчук Н. А.</i> Типы и функции не прямой коммуникации в прозе И. А. Бунина	90
<i>Дигадюк В. П.</i> Структурно-смысловая организация ретроспекции в художественной прозе В. В. Гниломёдова	100

РЕЦЕНЗИИ

<i>Гапоненко И. А.</i> Галуза И. Язэп Дроздович. Языковое и этнографическое наследие: архивные материалы	109
--	-----

ЮБИЛЕИ

Николай Григорьевич Пригодич	112
Анна Ивановна Кулеш	116
Аннотации депонированных в БГУ работ	118

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Трацяк З. І.</i> Увасабленне падзей Першай сусветнай вайны ў беларускай паэзіі 1920–30-х гг.	5
<i>Камлюк-Ярашэнка Л. В.</i> Інклюзія як стратэгія аўтарскага дыскурсу (на матэрыяле кнігі М. К Пар- хац «Аўтыліус: казкі для дзяцей і дарослых»)	13

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Макарэвіч А. В.</i> Устарэлая лексіка і асаблівасці яе дыферэнцыяцыі ў слоўніках сучаснай бела- рускай літаратурнай мовы	21
<i>Петрачкова І. М.</i> Інтэрпрэтацыя анамапэтычнай лексікі ў постмадэрнісцкай драме М. Ю. Уга- рава «Галубы»	32
<i>Голубева В. К.</i> Аб сінтаксічнай дэрывацыі ў вобласці ўстойлівых спалучэнняў	43
<i>Бабко Т. В.</i> Народная лінгвістыка і сацыялінгвістыка: уяўленні аб моўнай сітуацыі ў руска- і беларускамоўнай інтэрнэт-камунікацыі	59
<i>Жупінская Г. В.</i> Мадэлі развіцця дыялогу з элементамі ўмяшання ў асабістую прастору су- размоўцы	69
<i>Басавец І. М.</i> Узаемасувязь катэгорыі інфарматыўнасці і механізмаў суб'ектнай рэферэнцыі ў беларуска- і англамоўным інтэрв'ю	80
<i>Міхальчук Н. А.</i> Тыпы і функцыі непрамой камунікацыі ў прозе І. А. Буніна	90
<i>Дзігядзюк В. П.</i> Структурна-сэнсавая арганізацыя рэтраспекцыі ў мастацкай прозе У. В. Гні- ламёдава	100

РЭЦЭНЗІІ

<i>Гапоненка І. А.</i> Галуза І. Язэп Драздовіч. Моўная і этнаграфічная спадчына: архіўныя матэ- рыялы	109
---	-----

ЮБІЛЕІ

Мікалай Рыгоравіч Прыгодзіч	112
Ганна Іванаўна Кулеш	116
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац	118

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Tratsiak Z. I.</i> The embodiment of the World War I events in Belarusian poetry of the 1920–30s.....	5
<i>Kamlyuk-Yaroshenko L. V.</i> Inclusion as a strategy of author's discourse (by the material of the book of M. K. Parhots «Autilius: fairy tales for children and adults»)	13

LINGUISTICS

<i>Makarevich A. V.</i> Obsolete vocabulary and features of its differentiation in dictionaries of the modern Belarusian literary language	21
<i>Petrachkova I. M.</i> Interpretation of onomapoetic vocabulary in the postmodernist drama of M. Yu. Ugarov «Doves»	32
<i>Golubeva V. K.</i> About syntactic derivation among stable word combination	43
<i>Bobko T. V.</i> Folk linguistics and sociolinguistics: concepts of the language situation in Russian and Belarusian Internet communication	59
<i>Zhupinskaya A. V.</i> Development models of the dialogue with privacy invasion elements.....	69
<i>Basovets I. M.</i> The relationship between the category of informativeness and the mechanisms of subject reference in Belarusian and English interviews.....	80
<i>Mikhalchuk N. A.</i> Types and functions of indirect communication in prose of I. A. Bunin	90
<i>Digadyuk V. P.</i> Structural and semantic organisation of retrospection in the prose of V. V. Gnilyomedov.....	100

REVIEWS

<i>Gaponenko I. A.</i> Galuza I. Jazep Drazdovich. Linguistic and ethnographic heritage: archival materials...	109
--	-----

JUBILEES

Mikalai Ryhoravich Pryhodzich	112
Hanna Ivanauna Kulesh	116
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	118

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 1. 2023**

**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 1. 2023**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка» (ISSN 2308-9180).

Редакторы *М. И. Дикун, А. С. Люкевич*
Технический редактор *Д. Ф. Когут*
Корректоры *А. С. Горгун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 20.02.2023.
Тираж 85 экз. Заказ 37.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2023

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 1. 2023**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology» published since January, 1969. Until 2017 named «Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika» (ISSN 2308-9180).

Editors *M. I. Dikun, A. S. Lyukevich*
Technical editor *D. F. Kogut*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul'*

Signed print 20.02.2023.
Edition 85 copies. Order number 37.

Republic Unitary Enterprise
«Publishing Center of the Belarusian State University».
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
6 Cyrvonaarmiejskaja Str., Minsk 220030.

© BSU, 2023